Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

Т.1 №1

18+

ISSN 2713-024X

Caspium Securitatis:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal

caspiumsecuritatis.ru

Vol 1 No 1

2021

Caspium Securitatis:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 1 Номер 1

2021

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Anna P. Romanova, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Deputy Chief Editor

Elena V. Khlyshcheva, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Literary editors

Lydia G. Zolotykh, Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. **Sichuan, China**
Olga Y. Kosmacheva, Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Literary editor of the English version

Elena A. Yakovleva, chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Journal manager

Dmitriy A. Chernichkin, researcher, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Editorial Board

Əli Məmməd oğlu Abbasov, Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. **Baku, Azerbaijan**
Alexander N. Barmin, Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Baazr A. Bicheev, Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. **Elista, Russia**
Madina B. Gimbatova, Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. **Makhachkala, Russia**
Sergey S. Zhiltsov, Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. **Moscow, Russia**
Musa M. Ibragimov, Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. **Grozny, Russia**
Pavel L. Karabuschenko, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Ayzhamal I. Kudaibergenova, Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. **Almaty, Kazakhstan**
Natalia L. Kurepina, Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. **Elista, Russia**
Oksana K. Mineva, Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Mohammad Tagi Mokhtari Behruz, PhD, Islamic Azad University. **Tehran, Iran**
Nail M. Mukharyamov, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. **Kazan, Russia**
Rafik Kh. Usmanov, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Maria M. Fedorova, Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. **Moscow, Russia**
Anna V. Fedotova, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Reza KHEYRODDIN, (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). **Tehran, Iran**
Arbakhan K. Magomedov, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). **Moscow, Russia**
Eugen Străuțiu, Ph.D. professor Lucian Blaga University of **Sibiu Romania**
Robert M Cutler Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo**, Canada**
Vakhtang Maisaia, Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University**, Tbilisi, Georgia.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Анна Петровна Романова, д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Заместитель главного редактора

Елена Владиславовна Хлыщева, д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Литературные редакторы

Лидия Глебовна Золотых, доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, **Китай**

Ольга Юрьевна Космачева, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Литературный редактор английской версии

Елена Андреевна Яковлева, главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Менеджер журнала

Дмитрий Алексеевич Черничкин, научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Коллегия редакторов

Али Мамед оглы́ Аббáсов, д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, **Азербайджан**

Александр Николаевич Бармин, д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Баазр Александрович Бичеев, д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, **Россия**

Мадина Багавутдиновна Гимбатова, д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, **Россия**

Сергей Сергеевич Жильцов, д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, **Россия**

Муса Муслиевич Ибрагимов, д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, **Россия**

Павел Леонидович Карабущенко, д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова, д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, **Казахстан**

Наталья Леонидовна Курепина, д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, **Россия**

Оксана Карловна Минева, д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Мохаммад Таги Мохтари Бехруз, PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, **Иран**

Наиль Мидхатович Мухарямов, д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, **Россия**

Рафик Хамматович Усманов, д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Мария Михайловна Федорова, д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, **Россия**

Анна Владиславовна Федотова, д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Реза Хейроддин, Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, **Иран**

Арбахан Курбанович Магомедов, д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, **Россия**

Юджин Штраутиу, Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, **Румыния**

Роберт М.Катлер, доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо**. Канада**

Вахтанг Майсая, д. полит. н.**,** профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, **Грузия.**

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущихспециалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются БЕСПЛАТНО, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

С уважением,

редакция журнала

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Content

GEOPOLITICAL SAFETY & SECURITY

Konstantin A. Markelov
CASPIAN GEOPOLITICAL SPACE IN THE REGIONAL SECURITY SYSTEM 10-34

Pavel L. Karabushenko
PIVOTAL REGION OF EURASIA'S GEOPOLITICAL HISTORY 35-54

GENERAL THEORETICAL ISSUES SAFETY & SECURITY

Anna P. Romanova
THE CONCEPT OF SOCIETAL SECURITY: THEORY, DISCUSSION
AND CASPIAN PERSPECTIVE 55-65

ECONOMIC SECURITY

Natalia L. Kurepina
SOCIO-ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC THREATS TO THE
ECONOMIC SECURITYOF THE CASPIAN SEA REGION 66-80

CASPIAN REGIONAL STUDIES: IRAN

Seyedeh Rezvaneh Mokhtari, Behrooz Mokhtari
A STUDY OF FAMILY ADVOCATE LAWS AND POLICIES IN IRAN
(POST-ISLAMIC REVOLUTION) 81-91

Pargol Mashayekhi
SEMIOTICS IN THE WRAPPERS (CHADORSAHB) OF
"TONEKABON" REGION UP TO "RUDSAR" 92-105

MEMORY POLICY ON SAFETY & SECURITY

Aleksey V. Oleynikov
A NEW WORD IN THE SECURITY OF RUSSIAN REPUBLIC:
THE QUESTION OF THE COSSACK ARMY ORGANIZATION
IN AUGUST – SEPTEMBER, 1917. 106-122

Содержание

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЯ

Маркелов Константин Алексеевич
КАСПИЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 10-34

Карабущенко Павел Леонидович
ОСЕВОЙ РЕГИОН ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ 35-54

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Романова Анна Петровна
КОНЦЕПЦИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРИЯ, ДИСКУССИЯ И КАСПИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 55-65

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Курепина Наталья Леонидовна
СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНАСОЦИО - ЭКОЛОГО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА 66-80

КАСПИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИРАН

Мохтари Сейедех Резванех, Мохтари Бехруз
ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОВ И ПОЛОЖЕНИЙ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ИРАНЕ (ПОСТ-ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ) 81-91

Машаехи Паргол
СЕМИОТИКА ЛЕНТОЧНОГО ТКАЧЕСТВА (ЧАДОР ШАБ) В РЕГИОНЕ ТОНЕКАБОН И ОКРУГЕ РУДСАР 92-105

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

Олейников Алексей Владимирович
НОВОЕ СЛОВО В БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВОПРОС ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАЧЬЕЙ АРМИИ В АВГУСТЕ – СЕНТЯБРЕ 1917 Г. 106-122

CASPIAN GEOPOLITICAL SPACE IN THE REGIONAL SECURITY SYSTEM

Konstantin A. Markelov

PhD in Economics, Associate Professor
Astrakhan State University. Russia, Astrakhan
E-mail: aspu@aspu.edu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8218-4496

ABSTRACT

The article deals with the features of the current state and development of the Caspian geopolitical space, which is known as "Greater Caspian Region". The uniqueness of the natural complex is distinguished by the unity of the Caspian ecosystem, biological diversity, and inexhaustible recreational opportunities. The natural resource and capacities in transportation and communication links of the region represent the Great Caspian Sea as one of "the world's largest oil and gas hydrocarbon deposits" (Hoagland, 2019, p. 10-11). As a special geopolitical and economic space, the Caspian Sea is also united by a long shared history, culture and identity of the peoples who lived within the territory. (Romanova, 2012).

"Greater Caspian Region" or "the Central Region of Eurasia", through which new models of international relations is constructed between the world leaders in this area, takes a new look at the Eurasian space and allows to describe the region through modern science paradigm considering the latest geopolitical developments and interdisciplinary research.

Under the emergence of new world economic order, the Caspian Sea can be represented as an "island of interfacing worlds" - "East and West", as a geopolitical space that attracts the world's leading players and where a new multipolar world order that is based on the "rift" of the technological and world economic structures develops (Markelov, Golovina, 2020, p.16).

This paper studies a set of basic aspects of a new approach to assessing the Caspian region, establishing its current geopolitical and geo-economic positions, as well as promising areas for strategic research and development. The object of this study is the geopolitical concept of the " Greater Caspian Region", the subject is the problems of: The Greater Caspian Sea; Eurasia; space; security; development strategy; geopolitics; the new world economic order. The objective of this research is to create an integrated analytical security system in the Caspian region that takes into account political and geographical factors, in their relation to economy, environment and information flows.

KEYWORDS

Greater Caspian Region; geopolitics; space; geoeconomics; potential; resources; environmental security; challenges and threats

КАСПИЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Маркелов Константин Алексеевич

Кандидат экономических наук, доцент
Астраханский государственный университет. Россия, Астрахань
E-mail: aspu@aspu.edu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8218-4496

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности современного состояния и развития каспийского геополитического пространства, получившего название «Большой Каспий». Уникальность природного комплекса отличается единством каспийской экосистемы, биологическим разнообразием, неисчерпаемыми рекреационными возможностями.Природно-ресурсный и транспортно-коммуникационный потенциал региона представляет Большой Каспий как одного «из крупнейших центров углеводородного депозита мира». Как особое геополитическое и экономическое пространство, Каспий также объединендлительным периодом формирования общей истории, культуры и идентичности проживающих народов.

Большой Каспий или «осевой регион Евразии», посредством которого конструируются новые модели международных отношений ведущих держав мира в данном ареале, заставляет по-новому взглянуть на себякак на евразийское пространствои описать с учетом новейших геополитических изменений и междисциплинарных исследований.Врамках нового мирохозяйственного устройства,Каспий можно представить, как «остров сопряжения миров» – «Востока и Запада», как геополитическое пространство, притягивающее к себе ведущих мировых игроков, в ареале которого осуществляется «разлом» технологического и мирохозяйственного укладов и формирование нового многополярного мироустройства.

В настоящей статье рассмотренкомплекс базовых аспектов нового подхода к оценке каспийского региона, установление его современных геополитических и геоэкономических позиций, так и перспективных направлений стратегических исследований и развития. Объектом исследования стал геополитический концепт «Большой Каспий», в качестве предмета выступают проблемы Большого Каспия; Евразии; пространства; безопасности; стратегии развития; геополитики; нового мирохозяйственногоуклада. Целью исследований является создание аналитической системы комплексной региональной безопасности, учитывающей политические и географические факторы в их взаимосвязи с экономикой, экологией и информационными потоками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Большой Каспий, геополитика, пространство, геоэкономика, потенциал, ресурсы, экологическая безопасность, вызовы и угрозы.

ВВЕДЕНИЕ

Каспийская проблематика привлекает внимание многочисленных отечественных и зарубежных исследователей. Особое значение регион приобретает в связи с подписанием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (от 12. 08. 2018 г.). В результате формируются новые геополитические и геоэкономические реалии и новый вектор интеграционного развития на евразийском континенте. Повышенноевнимание уделяется тематике пространственного развития «Большого Каспия» в системе координат «Восток-Запад» и «Север-Юг», а, соответственно и вопросам региональной безопасности.

Не случайно глобальные и региональные державы наращивают свое присутствие и влияние на постсоветском пространстве, о чем свидетельствуют попытки организации цветных революций по периметру Содружества Независимых государств и вносимого раскола в Евразийский экономический союз. Достаточно отметить активность США по созданию Каспийского политического центра (округ Колумбия) – CaspianPolicyCenter (CPC), который с 2019 года приступил к изданию журнала «CASPIAN AFFAIRS» (Каспийские события), при этом авторский коллектив возглавили ведущие дипломаты и эксперты, бывшие послы в Центральноазиатских и Закавказских государствах. Caspian Policy Center, как признанный ведущий мозговой центр США, занимается изучением ситуации и анализом геополитической роли Штатов в Каспийском регионе, организацией экспертныхоценок и дискуссий.

Совет директоров CPC декларирует актуальность регионального сотрудничества во внешней политике между странами Большого Каспийского региона с мировыми державами (США, Китай, Россия), котороепредставляет интерес для второстепенных держав: Иран, Саудовская Аравия и Пакистан. Особое место отводится Турции из-за ее исторических и языковых связей. В рамках дискуссии от 30.07.2020 г. о геополитической ситуации в Каспийском регионе, эксперты подтвердили решающее значение США в дальнейшей поддержке и участиив деле защиты суверенитета и процветания стран Каспийского региона (Каспийский политический центр …, 2020).

Астраханский государственный университет осуществляет активные научныеисследования по каспийской тематике. Так, Департаментом социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока создается научная школа университета «Современные геополитические процессы формирования и развития Большого Каспия как центрального узла Евразийского пространства». Институт исследований проблем Юга России и Прикаспияпроводит комплексное изучение Большого Каспия с целью создания аналитической системы коллективной безопасности, учитывающей не только социокультурные, политические, географические факторы, но и их взаимосвязь с экономикой, экологией, и информационными потоками. Инициатива создания нового научного сетевого издания «CaspiumSecuritatis: журнал каспийской безопасности», бесспорно, является значимым событием в российской научном и экспертном

сообществах, призванных привлечь внимание и повысить значимость уникального Большого прикаспийского региона.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БОЛЬШОГО КАСПИЯ

В научной литературе Каспийский регион рассматривается в узком смысле, как территории, примыкающие к акватории моря, и в расширенном толковании, включая Южный Кавказ и Центральную Азию (Дергачев, 2004, с.15). В научном обороте последнего времени достаточно активно используется понятие «Большой Каспий» (БК), которое не имеет устоявшегося толкования и трактуется исходя из геополитических интересов глобальных держав.

В терминологии Европейского Совета под «Большим каспийским регионом» понимается территория пяти прибрежных стран (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран) и близко расположенных стран, исторически, экономически и культурно связанных с Каспием (Армения, Грузия, Узбекистан) (Сергунин, Тихонов, 2009, с.30).

Американский дипломат Р.Э. Хогленд представляет Большой Каспийский регион как один «из крупнейших центров углеводородного депозита мира», имеющий «растущий интерес и стратегическое значение во всем мире», за влияние в котором борются «четыре глобальные державы: Россия, Китай, Соединенные Штаты и Европа» (Hoagland, 2019, с.10-11).

По мнению профессора П.Л. Карабущенко, геополитическое пространство Каспия формируют «Каспийская пятерка» (Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан) и «Прикаспийская десятка» (Украина, Турция, Грузия, Армения, Ирак, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан) (Карабущенко, 2009, с.17). Профессор А.К. Магомедов добавляет в «Большой Каспий» российский Северный Кавказ, Закавказье и Центральную Азию (Магомедов, 2018, с.11).

Расширенные подходы к толкованиюБК вызваны различными взглядами на роль и место данного геополитического пространства: природно-ресурсного и транспортно-коммуникационного факторов. Особое значение приобретают «старые» и «нарождающиеся» центры экономического развития, современное видение новой системы формируемого мирохозяйственного устройства (уклада), подходы к развитию региональных интеграционных процессов и др.

В нашем понимании, наличие различных взглядов на понятие «Большой Каспий» определяется некоторой исторической геополитической характеристикой существующего однополярного мироустройства и по содержанию – реализация прежних моделей геоэкономического и ресурсного влияния - совокупности геополитических энергетических и экономических проектов (Маркелов, 2020, с. 142). Традиционный подход продолжает реализовываться со стороны Китая и России, определяя неготовность к инновациям экономического развития. С другой стороны, развивающиеся

страны региона продолжают сохранять сырьевую структуру экономического развития, обеспечивающую политическим и экономическим элитам высокую норму накопления капитала.

В российском восприятии, пространственная модель Каспийского региона рассматривается через призму «Каспийской пятерки» ирегиональных международных организаций, которая в авторской трактовке может быть представлена в виде схемы развивающихся взаимоотношений (Маркелов, 2020b, с. 91).

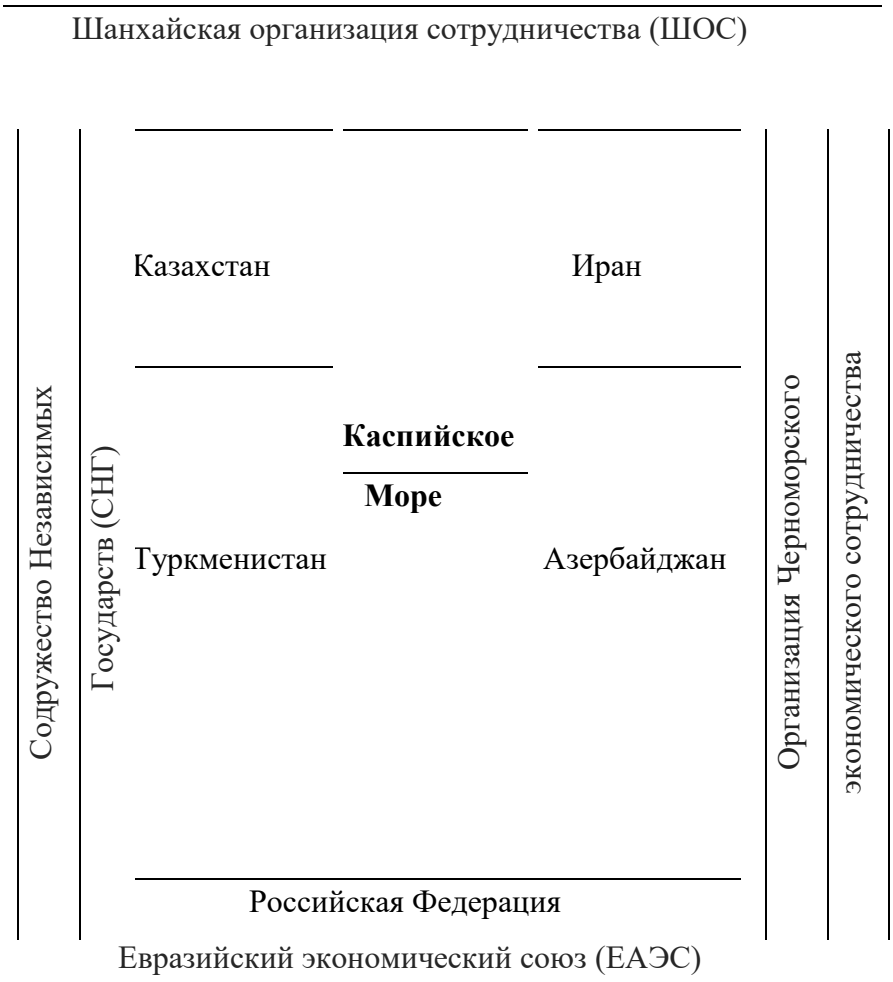

Схема 1. Модель пространственного развития Каспийского региона

Процесс развития модели сопровождается переходом двухсторонних политико-экономических отношений пятерки Каспийских государств, формирующих узкое ядро региона, на более высокий уровень партнерских связей (Маркелов, 2020 b, с. 93-94). Например, триаду государств Евразийского экономического союза составляют Россия, Казахстан и Беларусь, которые также формируют экономическую основу развития СНГ. Являясь участниками Шанхайской организации сотрудничества, а Беларусь – ее наблюдателем, они входят в состав политико-экономического ядра нового

мирохозяйственного уклада, которое представлено двумя крупными международными организациями (ШОС и ЕАЭС).

Соответственно, формируются условия для дальнейшего развития многовекторного сотрудничества на основе многообразия и переплетения межстрановых взаимосвязей, как между прикаспийскими государствами, так и с третьими государствами с учетом их политических и торгово-экономических предпочтений и интересов. В результате, малый географический Прикаспийский регион трансформируется в новую конфигурацию пространственного развития Евразийского континента.

Указанное пространство также формирует геополитические пояса влияния, которые представлены трехуровневой системой международных взаимоотношений (Маркелов, 2020а, с. 149):

1.Региональный уровень (страны Прикаспийского региона, формирующие пространство малого Каспийского региона);

2.Мезоуровень – страны, формирующие международные организации с участием Российской Федерации соответствующего уровня (СНГ, ЕАЭС, ОЧЭС);

3.Мегауровень – государства, определяющие основу нового мирохозяйственного устройства (ШОС, ЕАЭС, АТР) и стратегические партнёры – ведущие экономики мира.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ БОЛЬШОГО КАСПИЯ

Геополитика предполагает исследование политических факторов физической среды в интересах военно-политической, экономической и экологической безопасности государства. Она изучает территориальные аспекты, включая границы, использование и распределение разнообразных ресурсов (Поздняков, 1995, с. 93).

Большой Каспий, с точки зрения географического пространства, представляет водные бассейны - единую систему крупных внутриконтинентальных резервуаров, которые впоследствии эволюционировали в пределах одного масштабного внутриконтинентального Евразийского региона и характеризуюттрансформацию морского резервуара, существовавшего более 3 млн лет, который превратился в современный замкнутый внутриконтинентальный бассейн (Свиточ, 2014, с. 243-244).

Последовательность указанных преобразований доказана многочисленными научными исследованиями отечественных и зарубежных ученых. В частности, обосновано, что исторические колебания площадей основных трансгрессивно-регрессивных бассейнов Большого Каспия достигали от 968,9 тыс. кв. км до 282,5 тыс. кв. км, а площади максимального и минимального уровня моря могли отличаться от своих значений в 4-5 раз (Свиточ, 2014, с. 200-2010). При этом, схема колебаний водоемов Большого Каспия также характеризовалась глобальными пространственными изменениями бассейна от предгорий Большого и Малого Кавказа до Камы, от Азовского и Черного морей до Аральского моря, от

предгорий Эльбруса до предгорий Копетдага. В качестве основной причины данных процессоввыдвигается гипотеза об антропогенном повороте Амударьи к Каспийскому морю в XIII веке, которая к середине 1600-х гг. повернула обратно в Арал и уровень моря восстановился (Krivonogov, 2014).

Регуляторами колебаний уровней Арала и Каспия также выступают периодические циклы напряжений в земной коре, сопровождаемые чередованием фаз поглощения и отжимания подземных вод, которые, по мнению ученого Б.Н. Голубова, проявляются резкими противофазными скачками уровней Арала и Каспия, активизирующиеся в период интенсивного развития нефтегазодобывающих отраслей и проведением подземных промышленных ядерных взрывов на плато Устюрт, включая долины рек Амударья и Сырдарья **(**Голубов, 2018).

Подземные водные стоки являются одними из наиболее важных и наименее изученных факторов уровня Каспийского моря (Ковалев, Парада, 2013, с. 41), включая стоки вод в Каспийское море по подземным каналам с гор Северного Кавказа, протоками подземных вод Аральского моря и Амударьи (Фишман, 2016, с. 102).

По оценкам профессора А.А. Свиточа, в процессе глубокой регрессии Понтийских бассейнов произошла не только изоляция Каспия от Черного моря (Свиточ, 2016, с. 135), но и в бассейнах БК образовывались морские проливы, соединявшие их Центральную Каспийскую часть с крупными периферийными водохранилищами: Аральским и Понтийским (историческое название Черного моря) (Свиточ, 2014, с. 219), что позволило ввести понятие Арало-Каспийского региона.Вся длительная эпоха существования большого Арало-Каспийского бассейна, реликтом которого выступает Каспий (Свиточ, 2014, с. 66), отражена в Арало-каспийских отложениях различных типов. Помимо акватории и берегов современного Каспия, Арало-Каспийские отложения широко распространены на обширных прилегающих территориях Северного Прикаспия, глубоко проникают в районы Среднего Поволжья, Южного Предуралья, Сарыкамышской и Аральской котловин, Азовского и Черного морей (Свиточ, 2014, с. 126).

Результаты комплексных исследований позволяют говорить о размерах ареала «Большого Каспия» как о самостоятельной природно-географической зоне, на территории которой сосредоточен значительный природно-ресурсный, в т.ч. рекреационный потенциал евразийского континента. В частности, по оценкам Е.С. Смирновой, страны Центральной Евразии (постсоветского мира) следует рассматривать как субрегион Евразийского суперконтинента (Фишман, 2016, с. 160), а согласно выводам А.К. Магомедова, Большой Каспий - новое субрегиональное пространство (Магомедов, 2018, с. 23), что позволяет расширить горизонты междисциплинарных исследований, обеспечив их более высокую результативность.

ВОДНЫЕ БИОРЕСУРСЫ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА

Каспийское море, являющееся крупнейшим в мире внутри континентальным водоемом, представляет собой замыкающий водоприемник крупных речных систем Европейской территории и Кавказа площадью около 400 тыс. км^2, его протяженность составляет в меридиальном направлении от 1039 км, в широтном - до 435 км (Головин, Ковалева и др., 2006, с. 5).

Усредненные характеристики моря, представленные в таблице 1 (Гаджиев, 2003; Научные основы, 1998), рассматриваются специалистами как соответствующие современному его уровню (-7 м абс.).

Основными приходными статьями водного баланса Каспийского моря являются речные стоки (82,7%), из которых на реки Волга и Урал приходится более 71,0%. (Научные основы, 1998).

Таблица 1. Морфологические данные и статьи баланса Каспийского моря

Части моря	Площадь поверхности, тыс. км2	Объем воды, тыс. км3	Статьи баланса				Баланс (приход-расход), км3/год
			Приход, км3/год			Расход, км3/год	
			Реки	Осадки	Итого	Испарение	
Северная	104,6	0,49	304,4	9,7	314,1	127,0	+187,1
Средняя	138,2	26,75	14,5	16,1	30,6	101,8	-71,2
Южная	149,8	51,40	35,4	48,4	83,8	129,5	-45,7
Все море	392,6	78,64	354,3	74,2	428,5	358,3	+70,2

Источник: по данным (Гаджиев, 2003; Научные основы, 1998)

Положительный водный баланс имеет только Северный Каспий, который также обеспечивает общий положительный баланс моря (70,2 км^3/год) (Головин, Ковалева и др., 2006, с. 6). Соответственно, экологическое и рыбохозяйственное значение Каспия определяется указанными параметрами.

Состояние водных биологических ресурсов Волго-Каспийского бассейнапосле распада СССР нельзя признать удовлетворительным. Основные проблемы естественного воспроизводства связаны с зарегулированием стока Волги каскадом плотин и водохранилищ, освоением месторождений углеводородов и нарастанием экологических проблем. Снижение уловов также связано с резкими колебаниями уровня Каспийского моря, утратой нерестилищ проходных рыб, ростом незаконного рыболовства и др., о чем свидетельствуют показатели вылова рыбы (табл. 2).

Таблица 2. Общие уловы рыбы в Волго-Каспийском бассейне, тыс. ц

Показатели	Годы									2000/ 1913, %
	1913	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	
Ценные породы рыб (осетровые, сельдь, вобла, крупный частик)										
И итого	6189	5710	2915	2623	1903	821	554	778	523	8,5
В процентах	93,4	94,3	84,4	83,6	49,2	15,6	16,9	23,3	20,8	-
Из общего количества										
осетровые	243*	152	80	143	116	186	266	163	17	7,0
сельдевые	1 682*	334	365	561	549	19	11	23	13	0,8
Малоценные породы рыб (килька, мелкий частик)										
Итого	438	348	537	513	1961	4435	2727	2557	1987	в 4,5 р.
В процентах	6,6	5,7	15,6	16,4	50,8	84,4	83,1	76,7	79,2	-
В т.ч. кильки	н/д	60	89	216	1760	4228	3048	2447	1827	в 30,5 р.**
Всего	**6627**	**6058**	**3452**	**3136**	**3864**	**5256**	**3281**	**3335**	**2510**	**37,9**

Справочно: * уловы за 1910 г.; ** сопоставление с 1930 г.
Источник: по данным (Гусейнов, Гасанов, 2015)

Аналитические показатели свидетельствуют о существенных изменениях, как состояния биологических ресурсов, так и их уловов, которые стали проявляться с 30-х годов XX века. Кардинальные структурные изменения отмечаются с конца 50-х годов прошлого века, который связан с вовлечением в хозяйственный оборот и нарастанием вылова килек, являющихся основной сырьевой базой Каспия.

За период с 1913 г. по 2020 г. уловы:

- ценных пород рыб сократились в 11,8 раз, в том числе осетровых – в 14,3 раза, а сельдевых – в 129,4 раза;
- малоценных рыб в целом выросли в 4,5 раза, а килек – в 30,5 раза;
- привели к изменению видовой структуры; около 80% уловов приходилось на килек.

В последующие годы промысловые уловы продолжали ухудшаться. Только в Волжско-Каспийском, основном рыбопромышленном бассейне они сократились с 152,5 тыс. т в 2000 г. до 52,6 тыс. т. в 2016 г. Одновременно уловы килек снизились на 101,7 тыс. т. (практически в 70 раз), воблы – в 4,6 раза, поэтому основной прирост достигнут за счет мелкого частика (Мирзоян, Ходоревская, 2017, с. 53). Прогноз рекомендуемого вылова морских видов рыб в Каспийском море Российской Федерацией на 2019 г. оценивался лишь в 102,6 тыс.т., включая обыкновенную кильку в 79,9 тыс. т (Мирзоян, Калмыков и др., 2018, с. 151).

В целях сохранения, рационального использованияи управлениявводными биологическими ресурсами принято Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моряот 29.09.2014 года, определившее приоритет сохранения водных биологических ресурсов перед их коммерческим использованием;устойчивое использование совместных водных

биологических ресурсов;сохранение экологической системы Каспийского моря и биологического разнообразия водных биологических ресурсов (статья 4). Однакоеще не удалось достигнуть ощутимых положительных результатов.

До настоящего времени остаются весьма значительными потери от незаконной добычи ценных пород рыб. Толькосреднегодовой ущерб в Астраханской области от неучтенного изъятия рыбырыболовами любителями (около 800 тыс. чел. в год) и от не организованного туризма (более 2,5 млн чел. в год) оценивается в 2176 млн. руб. (Сокольский, 2017, с. 12). По неопубликованным данным величина незаконной добычи осетровых видов рыб в зоне ответственности Каспийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства в последние годы колебалась от 1,4 до 3,8 тыс. тонн в год. (Ходоревская, 2015, с. 86).

Характеризуя социально-экономическую значимость рыбной отрасли в устойчивом развитии региона, можно привести данные профессора В.В. Котилко о потенциале биологических ресурсов Каспия, который в ежегодном «рыночном» выражении оценивается в 6 млрд. долларов (Использование каспийского потенциала).

ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЙ (УГЛЕВОДОРОДНЫЙ) ПОТЕНЦИАЛ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Энергетика выступает важнейшим ресурсом социально-экономического развития человечества, поэтому на протяжении многовековой истории находится в центре особого внимания национальных (политических, экономических) элит. Пространственное и масштабное развитиенародов и цивилизаций сопровождается геометрическим нарастанием потребности в данных ресурсах, освоением новых территорий (месторождений) и технологий. Во всех случаях, определяющими факторами развития выступают пространственное доминирование (захват энергоностных территорий; вхождение и контроль энергетическими и финансовыми ТНК зарубежных компаний, др.) - геополитический фактор и повышение конкурентоспособности - экономический фактор.

Пространство Каспийского региона традиционно находится на перекрестке геполитических и экономических интересов многочисленных международных акторов (табл. 3).

Таблица 3. Энергетические интересы отдельных стран в Каспийском регионе

Географический критерий интересов	Страны	Цель, которую преследуют страну
Прибрежные страны региона	Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан	решить собственные внутренние проблемы за счет экспорта энергоносителей на мировой рынок
Зоны транзита	Армения, Болгария, Грузия, Иран, Китай, Россия, Румыния, Турция, Украина	извлечь определенные дивиденды от транспортировки по их территории энергоресурсов

Традиционные реальные игроки	Иран, Китай, Россия, Турция	максимальное укрепление стратегических позиций в регионе
Крупные мировые игроки	Страны ЕС, Китай, Россия, США	рассматривают Каспий как элемент геополитической борьбы за установление контроля над ключевыми регионами мира

Источник: по данным (Курамшин, 2016, с.82)

Наличие значительного количества «политических игроков», у которых есть свои интересы, стратегические и текущие цели, не только оказывает разновекторное воздействие, но и дестабилизирует ситуацию на Большом каспийском пространстве. Особое внимание участниками процесса уделяется привлекательности запасов углеводородного сырья и географическому положению региона, что стимулирует массовое привлечение зарубежными ТНК в нефтегазовые сектора национальных экономик Прикаспийских государств.

По некоторым экспертным оценкам на пространстве Южнокавказских и Центральноазиатских стран сосредоточено от 3 до 4 % общемировых запасов нефти и до 7 % запасов природного газа в мире (Курамшин, 2016, с. 83). Министерство природных ресурсов РФ оценивает ресурсный потенциал Каспия по нефти и газу по странам региона в 17,0 млрд т у.т., в т.ч. России - 2,1; Казахстана – 8,0; Туркменистана - 2,2; Азербайджана - 3,7; Ирана – 1,0. (Tsalik, 2003).

По данным исполнительного директора АНО «Международный центр устойчивого энергетического развития» И.Е. Матвеева, доля прикаспийских стран в мировых запасах составляет по нефти около 40%, по газу - более 45%. Для сектора добычи аналогичные показатели оцениваются в 20% и 25% соответственно (табл. 4) (Матвеев).

Таблица 4. Доля стран Каспийского региона в мировых запасах, производстве углеводородного топлива, переработке нефти, %.

Государства	Нефть			Газ	
	Запасы	Добыча	Мощности по переработке	Запасы	Добыча
Азербайджан	0,4	0,9	0,1	0,6	0,5
Иран	9,3	4,9	2,3	18,0	5,7
Казахстан	1,8	1,8	0,4	0,5	0,6
Туркменистан	…	0,3	0,2	9,4	1,9
Россия	26,6	12,6	7,1	17,3	16,3
Всего	38,1	20,5	10,1	45,8	25,0

Источник: по данным «BP Statistical Review of World Energy June 2017».

Очевидно, что интенсивное развитие мировой энергетики будет вносить определенные коррективы в национальные (запасы) и производственные (добыча, переработка) показатели. В контексте рассматриваемых в научной работе вопросов особую значимость приобретают следующие аспекты исследований:

- запасы углеводородных ресурсов (нефть и газ) в соответствии с классификацией запасов и ресурсов, подразделяемыепо степени промышленного освоения и геологической изученности, типам месторождений (залежей) нефти и газа;

- объемы промышленной эксплуатации в соответствии с вышеуказанной классификацией;

- основные и альтернативные маршруты транспортировки углеводородных ресурсов (нефти и газа);

- экологическое воздействие разрабатываемых и транспортируемых ресурсов на окружающую природных среду, включая экосистему Волго-Каспийского бассейна и др.

При наличии значительных запасов углеводородных ресурсов в Каспийском регионе, первостепенное значение приобретают вопросы «разработки» эффективных маршрутов транспортировки указанных ресурсов с точки зрения получения максимальной добавленной стоимости и развития национальных экономик.

ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (от 08.05.2015 г.), кардинально изменило общественно-политическое и экономическое представление о транспортно-коммуникационном потенциале Каспийского региона.

Сопряжение указанных проектов существенно повышает статус Каспия, поскольку два из трех транзитных коридоров между Китаем и Европой проходят через пространство Большого Каспия, по вариантам:

а) перевозки китайских грузов в Россию через Казахстан;

б) транзита из Китая в Европу в обход России – через Казахстан и Иран (Макаров, Соколова, 2016, с. 46-47).

По оценкам российских экспертов транспортные услуги могут стать одной из крупнейших после нефтегазового сырья статей российского экспорта. Они позволяютснизить риски, связанные с ухудшением конъюнктуры на мировых рынках сырья. Поэтому реализация транзитного потенциала России, используемогов настоящее время на 5-7 % (Штанов, 2016), позволит сформировать новый транспортный каркас пространственного развития экономики и обеспечить стабильные налоговые поступления.

К настоящему времени все Прикаспийские государства создали и продолжают развивать национальные транспортно-логистические и морские портовые зоны, железнодорожные и автомобильные коридоры. Только российские инфраструктурные проекты не обеспечивают должных темпов своегоразвития, как по масштабам их реализации, так и по технологическому оснащению.

На Каспии действуют 24 морских порта, включая три российских морских порта (Астрахань, Оля и Махачкала), осуществляющих в основном перевалку сухих грузов, 93,0% которых направляется в Иран (Волынский, Карлина, 2019, с. 67).

Грузооборот морских портов Каспийского бассейна за 2018 год составил 4,8 млн. т. Доля их грузооборота в Российской Федерации, составившая 0,6%, за последние 10-ть лет сократилась в пять раз, а в абсолютном выражении – в 2,6 раза (с 12,7 млн. т в 2007 г. до 4,8 млн. т по итогам 2018 года). Коэффициенты использования портовых мощностей не превышают 23,5% (Мартынов, Маркелов, 2019, с. 87).

Российская портовая инфраструктура является сдерживающим фактором развития Каспийского региона и международного транспортного коридора «Север – Юг». Согласно стратегии развития морской портовой инфраструктуры России объемы перевалки грузовв каспийских портах к 2030 году должны вырасти в 1,8 раза (табл. 5).

Таблица 5. Объемы перевалки грузов в российских морских портах Каспийского бассейна в период до 2030 года, млн. т

Показатели	Сценарии развития		Отношение: инновационный/энерго-сырьевой
	энерго-сырьевой	инновационный	
Всего	23,9	42,7	в 1,8 р.
в том числе			
наливные	8,2	14,3	в 1,7 р.
сухогрузы	15,7	28,4	в 1,8 р
из общего объема экспортно-импортные операции			
экспорт	14,5	26,8	в 1,8 р.
импорт	8,6	15,3	в 1,8 р.

Источник: Составлено по данным (Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России, 2012)

При этом Правительство РФ приняло дополнительные стратегические программы ускоренного развития каспийского транспортно-логистического потенциала, призванные повысить статус Российской Федерации в регионе, которые включают:

- Стратегию развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.11.2017 № 2469-р);

- Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р);

- Создание на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера (утверждено постановлением Правительства РФ от 7.11.2020 № 1792).

Следовательно, одним из важнейших составляющих проектаразвития Каспийского транспортно-логистического комплекса выступает Астраханская область, на территории которой формируется не только портовый, но и крупнейший на Каспии судостроительный кластер. Новая портовая особая экономическая зонав районе действующего морского порта «Оля», совместно с особой экономической зоной промышленно-производственного типа «Лотос» станут частью международного Каспийского кластера. Одновременно будет создана единая управляющая компания.

Безусловно, что Каспийский транспортный узел может представлять консолидированнуюсистемообразующую инфраструктуру региона, являющуюся катализатором пространственно-экономического развития основных отраслей экономики Прикаспийских государств, включая нефтегазовую, транспортно-логистическую, судостроительную и смежные производства.

Эффективность функционирования многофункционального комплекса, расположенного на пересечении транспортных коридоров «Север - Юг» и «Восток -Запад» также будет определяться влиянием важных геополитических и геоэкономических факторов пространственного развития как Каспийского, так и Черноморского регионов. Например, в Прикаспийском регионе наиболее

актуальными остаются ранее предложенные международные проекты: создания «каспийской зоны свободной торговли» и строительство железнодорожного кольца вокруг Каспия.

С другой стороны, масштабный формат транспортного коридора «Восток-Запад» имеет несколько «широтных ходов», один из которых проходит через Астраханский транспортный узел, что позволит сформировать новую пространственную геоэкономическую конструкцию Юга России и «транспортной геополитики» страны в целом (Маркелов, Усманов, Головин, 2019, с. 77).

Следовательно, приоритеты трансграничного сотрудничества, основой которых выступает сближение позиций каспийских стран понаиболее стратегическим вопросам развития и обеспечения комплексной безопасности, будут способствовать формированию Каспийского трансграничного региона (Косов, Литвишко, 2015, с.116).

В данном контексте, Каспийский трансграничный регион можно охарактеризовать как «естественную экономическую зону» (Ohmae, 1993, с. 79) развития или прообраз «каспийской зоны свободной торговли», на пространстве которой сконцентрирован огромный природно-ресурсный (энергетический)и транспортно-логистический (коммуникационный) потенциал.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Глобальный экологический кризис обосновывает необходимость формирования новой системы ценностей, обеспечивающей гармоничное взаимодействие в системе «человек – природа» (Черникова, 2016, с. 33). Нарушение сбалансированности отдельных элементов и данной системы в целом,

особое место в которой занимает «социум» и уровень его развития, сопровождается кризисами.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что системные дисбалансы и экономико-экологические кризисы вызваны воздействие различных факторов: экономических, социально-экономических, технологических, политических и иных. Уровень познания, культуры производства, квалификационные и другие причины, объединенные в «человеческий фактор», определяют вторую группу факторов экологической безопасности.

Каспийское пространство характеризуется определенными специфическими условиями. Как трансграничный регион, он характеризуется цикличными водными потоками и миграционными маршрутами движения водных биологических ресурсов. Морфологические данные Каспийского моря (см. табл. 1) также позволяют сформировать комплексную систему региональной экологической безопасности.

Цивилизованный и наиболее ответственный поход к обеспечению экологической безопасности на Каспии демонстрирует нефтегазовая компания - ПАО «ЛУКОЙЛ». Согласно их пониманию, «экологическая безопасность представляет собой комплекс мероприятий, обеспечивающих защищенность

природной среды северной части Каспийского моря и социально-экономических интересов, связанных с использованием ее природных богатств, от возможного негативного воздействия нефтегазодобывающей деятельности, в т.ч. аварийных ситуаций и их последствий (ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть»). Она предусматривает формирование и реализацию следующих процессов: управление отходами; чистый воздух; предупреждение и ликвидация аварий; чистые воды «нулевой сброс»; проведение компенсационных мероприятий; экологический менеджмент; производственный экологический мониторинг.

Основой создания правовой системы управления экологической безопасности на Каспии выступает Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранская конвенция), которая является первым международным соглашением по сотрудничеству прикаспийских стран, принятым всеми пятью государствами региона (подписана 04.11.2003 г., вступила в силу 12.08.2006 г.). Ее базовые положения обеспечили принятие последующих важнейших многосторонних соглашений: «О сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря»; «О сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря» и др.

Заложенные в Рамочной конвенции базовые принципы свидетельствуют о признании экологической целостности Каспийского моря и трансграничном характере негативного воздействия на окружающую природную среду, которые в целом нашли отражение в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (от 12.08.2018 года), призванной обеспечить сохранение Каспийского моря и устойчивое развитие региона.

Особенности Волго-Каспийского бассейна характеризуются спецификой трансграничных водных объектов и бассейновых водосборов. Указанные объекты

рассматриваются через призму водохозяйственного комплекса, как водосборный бассейн; Волго-Каспийский рыбохозяйственный бассейн, который подразделяется на совокупность рыбохозяйственных бассейнов и районов.

Волга является ключевым объектом Волго-Каспийского бассейна, обеспечивая, в зависимости от уровня колебания моря, более 80% от общего речного стока в море и вносит от 80 до 90% всех загрязняющих веществ.

Воды реки Волги испытывают значительную антропогенную нагрузку различных источников загрязнения. На пространстве Волжского бассейна Российской Федерации расположены территории 39 субъектов России; проживают около 40% населения страны; производится 45% промышленной и 50% сельскохозяйственной продукции и расположено 38% сельскохозяйственных угодий страны (Решение Общественной палаты Астраханской области …, 2016).

В 2019 году общий объем сброшенных загрязненных вод в бассейн реки Волги составил 4,7 млн куб. км, в т.ч. за счет предприятий ЖКХ - 3,8 млн куб.

км (80,9%) и сократился относительно 2018 г. лишь на 0,2 млн куб. км (Отчет ... Аудит результативности …, 2020, с. 34).

Как следствие, значительные объемы привнесенных загрязняющих веществ с водными стоками: качество воды притоков р. Волга и Волжских водохранилищ оцениваются от «загрязненных» до «грязных»; воды в низовье Волги (ниже г. Астрахани) характеризуется как «грязные».

В течение последних 7 лет вода р. Волга на участке ниже г. Астрахань стабильно оценивается как «грязная», а среднегодовые концентрации стабильны и составляют: для нефтепродуктов 2-3 ПДК, соединений меди – 3-4 ПДК (Загрязняющие вещества …, 2017, с. 20).

Загрязненные сточные воды Каспийского моря достигают 41,5 % т общего объема сточных вод, что связано с поступлением значительных объемов неочищенных промышленных и бытовых сточных вод. Воды Северного Каспия загрязнены нефтяными углеводородами (НУ), кратно превышающими ПДК (от 4,7 до 8,8 раз). За два года (2016-2017) их концентрация удвоилась, а водная среда характеризуется как «загрязненная». Уровень загрязнения НУ прилегающей к устью Волги западной части акватории составил 2,8 ПДК, а в центральной части - 3,6 ПДК (О состоянии и об охране …, 2020, с. 126)

Особую озабоченность вызывает высокая объемная активность в Каспийском море «стронций-90» (^{90}Sr), которая в 2019 г. увеличилась до 5,7 мБк/л, против 4,9 мБк/л в 2018 г. (Государственный доклад, 2020, с. 334) или на 16,3%. При этом динамика его объемной активности в водах Каспийского моря кратно превышает соответствующие показатели в прибрежных водах Белого и Баренцева морей.

Приоритетными загрязняющими веществами акватории Северного Каспия являютсянефтяные углеводороды. С волжским стоком в море ежегодно выносится около 30 тыс. т УВ, в среднем 41 тыс. т железа, 1,95 тыс. т меди, 7,8 тыс. т цинка, 1,56 тыс. т никеля и т.д. (Загрязняющие вещества …, 2017, с. 272).

В результате высокой антропогенной нагрузки наблюдается сокращение запасов водных биологических ресурсов, в частности, килек и морской сельди.

Отмечается депрессивное состояниепромысла морских рыб в Волжско-Каспийском бассейне; в 2019 г. их изъятие составило всего 5,5 тыс. т от рекомендованного объема вылова в 118,3 тыс. т или 4,6% (Государственный доклад, 2020, с. 228).

В целях обеспечения экологической безопасности Волго-Каспийского бассейна реализуется Национальный проект «Экология» на период с 2019 по 2024 гг., в рамках которого представлен федеральный проект «Оздоровление Волги» с первоначальным объемом финансирования в 205,4 млрд руб. В его составе выделены основные направления:

1. Сокращение в три раза доли загрязненных сточных вод, отводимых в реку Волгу;
2. Обеспечение устойчивого функционирования водохозяйственного комплекса Нижней Волги и сохранение экосистемы Волго-Ахтубинской поймы;
3. Ликвидация объектов накопленного экологического вреда, представляющих угрозу р. Волге;
4. Снижение негативного воздействия затонувших судов;
5. Проведение мероприятий, направленных на улучшение состояния реки Волги.

Указанный мегапроектимеет международный статус, определяющий новую конфигурацию современногопространственного развития экономики страны:

- восстановление значимости Волги как важнейшей речной артерии страны на основе развития судоходства, судостроения и судоремонта, транспортно-логистической инфраструктуры и множества смежных отраслей, включая туризм;
- формирование важнейшего компонента защиты морской среды Каспийского моря;
- развитие Каспийского транспортно-логистического комплекса как стратегического приоритета государств региона;
- активизация процесса развития международных транспортных коридоров «Север – Юг» и «Восток - Запад».

Однако, в процессе реализации федерального проекта «Оздоровление Волги» выявлены многочисленные упущения и нарушения, включающие низкое качество планируемых мероприятий (из 38 субъектов РФ, участвует 16); недостаточность научно обоснованного инструментария; нерациональную структуру управления проектом; сокращение бюджета проекта на 14,6 млрд руб. (на 7,1%); низкое кассовое исполнение средств федерального бюджета (от 41,0% до 73,9 %) (Отчет ... Аудит результативности …, 2020, с. 22-23; 40-41).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенных исследований позволяют констатировать, что, с учетом современных геополитических реалий и междисциплинарных подходов к изучению каспийской тематики, формируется новое теоретическое представление о динамично развивающемся регионе Большой Каспий. В системе природно-геополитических координат он трансформируется от первоначального понимания

как «Прикаспийский регион» в ареал «Большого Каспия» (Маркелов, Головин, 2020, с. 36).

Его значение масштабно возрастает от простой региональной географической единицы до промежуточной модели – «мезорегион», которая преобразуется в новую пространственную геополитическую и геоэкономическую единицу мегарегиона- Большой Каспий. В данном контексте «нарождающийся» ареал может рассматриваться как многомерная модель нового мирохозяйственного устройства и технологического укладов, сочетающих совокупность геополитических, региональных и глобальных интересов, изменяющую пространственное сопряжение многовекторных сил международного влияния.

Соответственно, возрастает геополитическое значение данного ареала как транснационального и трансконтинентального мегарегиона. Оценивая Большой Каспий как современную форму нового цивилизационного пространства и мирового порядка, можно образно представить Каспий как «остров сопряжения миров» – «Востока и Запада», как геополитическое пространство, притягивающее к себе ведущих мировых игроков.

Пространство Большого Каспия является самодостаточным природно-географическим регионом, на территории которогосконцентрирован огромный природно-ресурсный (энергетический) и транспортно-логистический (коммуникационный) потенциал. Являясь хрупкой экосистемой, он нуждается в сохранении экологической целостности всего Волго-Каспийского бассейнаи биологического разнообразия водных биологических ресурсов.

Исходя из цели настоящей работыи полученных результатов, можно констатировать, что Волго-Каспийскийбассейн и Большой Каспий в целом нуждаются в проведении комплексных системных исследованиях разносторонних и междисциплинарных аспектов региональной безопасности.

Реализация положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря предполагает консолидацию усилий научной общественности всех заинтересованных стран с целью повышения ответственности «перед нынешним и будущими поколениями за сохранение Каспийского моря, устойчивое развитие региона».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волынский, И.А., Карлина, Е.П. (2019). Морская транспортно-логистическая инфраструктура Каспийского региона: проблемы и перспективы развития. *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*, *3*, 64-70.

Гаджиев, А.А., Шихшабеков, М.М., Абдурахманов, Г.М., Мунгиев, А.А. (2003). *Анализ экологического состояния Каспия и проблем воспроизводства рыб*. Москва: Наука.

Головин, В.Г., Ковалева, Т.Г., Головин, А.В., Гуляева, Г.В. (2006). *Эколого-экономические условия сохранения водных биоресурсов Волго-Каспийского бассейна*: *Монография*. Астрахань: Типография «Нова».

Голубов, Б.Н. (2018). Аномальный подъём уровня Каспийского моря и катастрофическое обмеление Аральского моря как результат дренирования Арала под плато Устюрт и в Каспий вследствие техногенных возмущений недр. *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*, *16*, 1–2.

Гусейнов, М.К., Гусейнов, К.М., Гасанова, А.Ш. (2015). О биологических ресурсах Каспия. *Юг России: экология, развитие*, *10*, 38-53.

Дергачев, В.А. (2004). *Геоэкономический словарь-справочник*. Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ.

Островская, Е.В., Бреховских, В.Ф. (Ред.). (2017). *Загрязняющие вещества в водах Волжско-Каспийского бассейна*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич.

Использование каспийского потенциала биоресурсов. Получено из http://casp-geo.ru/ispolzovanie-kaspijskogo-potentsial/

Карабущенко, П.Л. (2009). Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «великого Каспийского региона». *Каспийский регион: Политика, экономика, культура*, *3*, 17–22.

Каспийский вестник. (2020). *Каспийский политический центр обсудил присутствие США в Каспийском регионе*. Получено из http://casp geo.ru/kaspijskij-politicheskij-tsentr-obsudil-prisutstvie-ssha-v-kaspijskom-regione/

Ковалев, В.В., Парада, С.Г. (2013). Геологические аспекты современных изменений уровня Каспийского моря. *Вестник Южного научного центра, 9*(2), 38-46.

Косов, Г.В., Литвишко, О.М. (2015). Каспийский регион в системе международных регионов. *Вестн. Волгоградского государственного университета. Серия 4: История*, *6*(36), 111-117.

Курамшин, Д.Р. (2016). Оценка запасов углеводородного сырья стран Каспийского региона. *Вестник университета*, *7-8*, 82-87.

Магомедов, А.К. (2018). *Каспий – Кавказ – Причерноморье: пути нефти, пути торговли, пути войны (история и современность*). Ульяновск: УлГТУ.

Макаров, И.А., Соколова, А.К. (2016). Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России. *Вестник международных организаций*, *11*(2), 40-57.

Маркелов, К.А. (2020a). Концепт «Большого Каспия» в контексте геополитического измерения. *Современная наука и инновации*, *2*(30), 140-153.

Маркелов, К.А. (2020b). *Большой Каспий в геополитическом измерении*: *Монография*. Москва: Экон-Информ.

Маркелов, К.А., Головин, В.Г. (2020). Большой Каспий в системе природно-геополитических координат. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, *2*, 30-38.

Маркелов, К.А., Головина, Е.Е. (2020). Сопряжение как новое политико-экономическое понятие: теоретико-практический аспект. *АСТРАПОЛИС*, *9-10*, 9-18.

Маркелов, К.А., Усманов, Р.Х., Головин В.Г. (2019). Черноморско-Каспийский регион: от геополитики к геоэкономике транспортных систем. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, *1*, 74-88.

Мартынов, И.А., Маркелов, К.А. (2019). Астраханская область как транспортные ворота евразийского континента. *Вопросы элитологии: философия, культура, политика*, *17*, 82- 91.

Матвеев, И.Е. *Энергетические течения государств Каспийского региона*. Получено из https://matveev-igor.ru/articles/370422

Мирзоян, А.В., Ходоревская, Р.П. (2017). Биоразнообразие объектов водных биологических ресурсов Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна. *Вестник АГТУ. Серия: Рыбное хозяйство*, *4*, 46-60.

Мирзоян, А.В., Калмыков, В.А., Канатьев, С.В., Ходоревская, Р.П. (2018). Современное состояние промысловых запасов и резервы промысла морских рыб Каспийского моря. *Труды ВНИРО*, *171*, 141-156.

Белякова В.Н., Иванова В.П., Зиланова В.К. (Ред.) (1998). *Научные основы устойчивого рыболовства и регионального распределения промысловых объектов Каспийского моря*. Москва: ВНИРО.

ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть». Экология. Получено из https://nvn.lukoil.ru/ru/Responsibility/Ecology

Государственный доклад. (2020). *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году*. Москва: Минприроды России; МГУ им. М. В. Ломоносова.

Отчет о результатах совместного контрольного мероприятия «Аудит результативности комплекса мероприятий по оздоровлению реки Волги, реализованных в 2017–2019 годах и истекшем периоде 2020 года, и их влияния на решение задач Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с контрольно-счетными органами Астраханской, Нижегородской и Ярославской областей). Москва, Счетная палата Российской Федерации. Получено из https://ach.gov.ru/upload/iblock/0e5/0e55d126ecd64b72a362cccabfa6c5b4.pdf

Поздняков, Э. А. (1995). *Геополитика.* Москва: Прогресс, Культура.

Решение Общественной палаты Астраханской области от 14.03.2016 «О рациональном использовании водных ресурсов, гидрологическом режиме и устойчивом функционировании водохозяйственного комплекса Нижней Волги и сохранении её уникальной системы на территории Астраханской области». Получено из https://op.astrobl.ru/sites/default/files/reshenie_gotovoe.pdf

Романова, А.П. (2012). Каспийский регион в исследованиях Гуманитарного института Астраханского государственного университета при поддержке российских и зарубежных грантов. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, *1*, 350-353.

Сергунин, А.А., Тихонов, В.Г. (2009). «Восточное партнерство» и «Большой Каспийский регион»: проблемы и перспективы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, *3*, 30-38.

Свиточ, А.А. (2014). *Большой Каспий: строение и история развития*. Москва: МГУ.

Свиточ, А.А. (2016). Регрессивные эпохи Большого Каспия. *Водные ресурсы*, *43*(2), 134-148.

Сокольский, А.Ф. (2017). *Экологические проблемы любительского и браконьерского промысла в Волго-Каспийском рыбопромысловом районе*: монография. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич.

Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена на совещании членов Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации 28.09.2012). Получено из http://www.rosmorport.ru/media/File/seastrategy/strategy_150430.pdf

Фишман, И.Л. (2016). *Геодинамические модели Арало-Каспийского региона*. Алматы.

Ходоревская, Р.П. (2015). Значение естественного нереста и искусственного осетроводства в формировании запасов осетровых Каспийского моря. *Астраханский вестник экологического образования*, *2*(32), 74-89.

Черникова, В.Е. (2016). Функционирование системы «человек – природа» в условиях экологического кризиса. *Общество: философия, история, культура*, *6*, 30-33.

Штанов, В. (2016). Россия выезжает на «Шелковый путь». *Ведомости*. 13.12.2016.

Krivonogov, S. (2014). Changes of the Aral Sea level. In Micklin P., Aladin N. & Plotnikov I. (Eds). *The Aral Sea: The Devastation and Partial Rehabilitation of a Great lake* (pp. 77–111). Heidelberg.

Hoagland, R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation. *Caspian Magazine affairs*, 10-22. Retrieved from https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/10/Caspian-Affairs-Magazine-January-Issue-2019-1.pdf

Micklin, P. (2010). The past, present, and future Aral Sea. *Lakes & Reservoirs: Research and Management*, *15*, 193-213.

Ohmae, K. (1993). The Rise of the Region State. *International Affairs*, *72*(2), 78-87.

Tsalik, S. (2003). *Caspian Oil Windfalls: Who will benefit?* NY: Open society institute: Central Eurasia Project.

Для цитирования: Маркелов, К.А. (2021). Каспийское пространство в системе региональной безопасности. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 10-34.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-011-034

REFERENCES

Volynsky, I.A. & Karlina, E.P. (2019). Marine transport and logistics infrastructure of the Caspian region: problems and development prospects. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*. *Ser.: Economy, 3*, 64-70. (In Russian)

Gadzhiev, A.A., Shikhshabekov, M.M., Abdurakhmanov, G.M. & Mungiev A.A. (2003). *Analysis of the ecological state of the Caspian Sea and problems of fish reproduction*. Moscow: Science. (In Russian)

Golovin, V.G., Kovaleva, T.G., Golovin, A.V. & Gulyaeva, G.V. (2006). *Ecological and economic conditions for the conservation of aquatic biological resources of the Volga-Caspian basin*: Monograph. Astrakhan: Printing house "Nova". (In Russian)

Golubov, B.N. (2018) Anomalous rise in the level of the Caspian Sea and catastrophic shallowing of the Aral Sea as a result of drainage of the Aral Sea under the Ustyurt plateau and into the Caspian Sea due to technogenic disturbances of the subsoil. *Electronic scientific publication Almanac Space and Time, 16,* 1-2.

Guseinov, M.K., Huseynov, K.M. & Hasanova, A.Sh. (2015). On the biological resources of the Caspian. *South of Russia: ecology, development*, *10*, 38-53. (In Russian)

Dergachev, V.A. (2004). *Geo-economic reference dictionary*. Odessa: IPREEI NASU. (In Russian)

Brekhovskikh, V.F. & Ostrovskaya, E.V. (2017). *Pollutants in the waters of the Volga-Caspian basin*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich. (In Russian)

Using the Caspian potential of biological resources Retrieved from https://casp-geo.ru/ispolzovanie-kaspijskogo-potentsial/ (In Russian)

Karabuschenko, P.L. (2009) Elites and Ethnic Conflicts in the Geopolitical Space of the "Great Caspian Region". *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, *3*, 17–22. (In Russian)

The Caspian Political Center discussed the US presence in the Caspian region (2020) / Information and analytical portal Caspian *Vestnik*, 07.08.2020. Retrieved from https://casp-geo.ru/kaspijskij-politicheskij-tsentr-obsudil-prisutstvie-ssha-v-kaspijskom-regione/ (In Russian)

Kovalev, V.V. & Parada, S.G. (2013) Geological aspects of modern changes in the level of the Caspian Sea. *Vestnik of the Southern Scientific Center*, *9, 2*, 38-46. (In Russian)

Kosov, G.V. & Litvishko, O.M. (2015) Caspian region in the system of international regions. *Vestnik of the Volgograd State University*. *Ser. 4, History, 6* (36), 111-117. (In Russian)

Kuramshin, D.R. (2016) Assessment of hydrocarbon reserves in the countries of the Caspian region. *University Vestnik*, 7-8, 82-87. (In Russian)

Magomedov, A.K. (2018) *Caspian - Caucasus - Black Sea region: oil routes, trade routes, war routes (history and modernity)*. Ulyanovsk: UISTU. (In Russian)

Makarov, I.A. & Sokolova, A.K. (2016)/ Conjugation of Eurasian Integration and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *Vestnik of international organizations*, *11*, *2*, 40-57. (In Russian)

Markelov, K.A. (2020a). The concept of the "Greater Caspian" in the context of the geopolitical dimension. *Modern science and innovation*, *2* (30), 140-153. (In Russian)

Markelov, K.A. (2020b). *The Greater Caspian Sea in Geopolitical Dimension: Monograph*. Moscow: Econ-Inform. (In Russian)

Markelov, K.A. & Golovin, V.G. (2020). The Great Caspian in the system of natural and geopolitical coordinates. *Izvestiya Tula State University*. *Humanitarian sciences, 2,* 30-38. (In Russian)

Markelov, K.A. & Golovina, E.E. (2020). Conjugation as a new political and economic concept: theoretical and practical aspect. *ASTRAPOLIS, 9-10,* 9-18. (In Russian)

Markelov, K.A., Usmanov, R.Kh. & Golovin V.G. (2019), Black Sea-Caspian region: from geopolitics to geoeconomics of transport systems. *Caspian region: politics, economics, culture*, *1*(58), 74-88. (In Russian)

Martynov, I.A. & Markelov, K.A. (2019). Astrakhan region as a transport gateway to the Eurasian continent. *Issues of elitology: philosophy, culture, politics*, *17*, 82-91. (In Russian)

Matveev, I.E. Energy currents of the states of the Caspian region. Retrieved from: http://matveev-igor.ru/articles/370422 (In Russian)

Mirzoyan, A.V. & Khodorevskaya, R.P. (2017). Biodiversity of objects of aquatic biological resources of the Volga-Caspian fishery basin. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*. *Ser.: Fish industry*, *4*, 46 -60. (In Russian)

Mirzoyan, A.V., Kalmykov, V.A., Kanatiev, S.V. & Khodorevskaya, R.P. (2018). The current state of commercial stocks and the reserves of the Caspian Sea marine fish fishery. *VNIRO Proceedings*, *171*, 141–156. (In Russian)

Belyakov, V.N., Ivanova, V.P. & Zilanov, V.K. (1998). *Scientific Foundations of Sustainable Fisheries and Regional Distribution of Fishing Objects of the Caspian Sea*. Moscow: VNIRO Publishing House. (In Russian)

OOO LUKOIL-Nizhnevolzhskneft. Ecology. Retrieved from https://nvn.lukoil.ru/ru/Responsibility/Ecology (In Russian)

On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2019. State report (2020). Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia; Moscow State University M.V. Lomonosov. (In Russian)

Report on the results of the joint control event “Audit of the effectiveness of the set of measures to improve the Volga River, implemented in 2017–2019 and the past period of 2020, and their impact on solving the tasks of the Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018“ On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 ”(with the control and accounting bodies of the Astrakhan, Nizhny Novgorod and Yaroslavl regions). M., Accounts Chamber of the Russian Federation, Retrieved

from https://ach.gov.ru/upload/iblock/0e5/0e55d126ecd64b72a362cccabfa6c5b4.pdf (In Russian)

Pozdnyakov, E.A. (1995) *Geopolitics*. Moscow: Progress, Culture. (In Russian)

Decision of the Public Chamber of the Astrakhan region of 03/14/2016 "On the rational use of water resources, hydrological regime and sustainable functioning of the water management complex of the Lower Volga and the preservation of its unique system on the territory of the Astrakhan region". Retrieved from http://op.astrobl.ru/sites/default/files/reshenie_gotovoe.pdf (In Russian)

Romanova, A.P. (2012). Caspian region in research of the Humanitarian Institute of Astrakhan State University with the support of Russian and foreign grants. *Caspian region: politics, economics, culture*, *1* (30), 350-353. (In Russian)

Sergunin, A.A. & Tikhonov, V.G. (2009). "Eastern Partnership" and "Greater Caspian Region": Problems and Prospects. *Caspian region: politics, economics, culture*, *3*(20), 30-38. (In Russian)

Svitoch, A.A. (2014). *The Great Caspian: structure and history of development*. Moscow: Publishing house of Moscow State University (In Russian)

Svitoch, A.A. (2016). Regressive epochs of the Greater Caspian Sea. *Water resources*, *43*, *2*, 134-148. (In Russian)

Sokolsky, A.F. (2017). *Ecological problems of amateur and poaching in the Volga-Caspian fishing area*: *monograph.* Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich. (In Russian)

Strategy for the development of the seaport infrastructure of Russia until 2030 (approved at a meeting of the members of the Maritime Collegium under the Government of the Russian Federation. Retrieved from http://www.rosmorport.ru/media/File/seastrategy/strategy_150430.pdf (In Russian)

Fishman, I.L. (2016). *Geodynamic models of the Aral-Caspian region*. Almaty. (In Russian)

Khodorevskaya, R.P. (2015). The importance of natural spawning and artificial sturgeon breeding in the formation of sturgeon stocks in the Caspian Sea. *Astrakhan vestnik of environmental education*, *2* (32), 74-89. (In Russian)

Chernikova, V.E. (2016) Functioning of the "man - nature" system in the conditions of the ecological crisis. *Society: philosophy, history, culture*, *6*, 30-33. (In Russian)

Shtanov, V. (2016) Russia leaves for the Silk Way. *Vedomosti*.13.12. 2016. (In Russian)

Krivonogov, S. (2014) Chapter 4. Changes of the Aral Sea level. Micklin P., Aladin N., Plotnikov I. (Eds). *The Aral Sea: The Devastation and Partial Rehabilitation of a Great lake*. Heidelberg, 77–111.

Hoagland, R.E. (2019) The greater Caspian region: competition and cooperation. *Caspian Magazine affairs*, January-February, 10-22. Retrieved from https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/10/Caspian-Affairs-Magazine-January-Issue-2019-1.pdf

Micklin, P. (2010) The past, present, and future Aral Sea. *Lakes & Reservoirs: Research and Management*, *15*, 193-213.

Ohmae, K. (1993). The Rise of the Region State. *International Affairs*, *72*, *2*, 78-87.

Tsalik, S. (2003) *Caspian Oil Windfalls: Who will benefit*? Caspian revenue watch / Open society institute: Central Eurasia Project. NY, 236 p.

For citation: Markelov, K.A. (2021). Caspian Geopolitical Space in the Regional Security System. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(1), 10-34.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-011-034

PIVOTAL REGION OF EURASIA'S GEOPOLITICAL HISTORY

Pavel L. Karabushenko

Doctor of philosophical science, Professor
Astrakhan state university, Russia, Astrakhan
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2776-4089

ABSTRACT

Each geopolitical region has its own geographical strongholds, around which the format of their history, culture and politics emerges and develops. In Eurasia, such a region is the Caspian Sea region, with its adjoining territories. This region determines the "political weather" on this continent. The pivotal region of Eurasian geopolitical history contains answers to many mysteries of the political past of Europe and Asia: the ideas of the three world religions, which played a key role in the spiritual development of all mankind, originated and spread in this continent. From this region, rapid processes emerged and gained strength, which swept like bloody whirlwinds across the entire Eurasian space from Vladivostok to Lisbon. And all of them, to some extent, affected the pivotal region of Eurasia, spinning it with their events.

From the Roman Empire in the West to the Japanese Empire in the East, the political history of Eurasia is a story of continuous alternation (rise and fall) of empires and the struggle of various peoples for imperial status. Two trends accompanied the genesis of empires – the desire for domination and the need for security. The Caspian region has become an intersection of these separate histories into a common history of Eurasia. This paper analyzes the impact of this region on Eurasian history

KEYWORDS

Eurasia; pivotal region; Eurasian Rus; geopolitics; Caspian; security; elite; challenges and threats; conflicts; multi faceted nature; carnival political culture

ОСЕВОЙ РЕГИОН ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ

Карабущенко Павел Леонидович

доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2776-4089

АННОТАЦИЯ

У каждого геополитического региона имеются свои географические узловые точки, вокруг которых возникает и развивается формат их истории, культуры и политики. В Евразии таковым регионом является регион Каспийского моря, с прилегающими к нему территориями. Именно этот регион определяет «политическую погоду» на этом континенте. Осевой регион геополитической истории Евразии таит в себе ответы на многие загадки политического прошлого Европы и Азии. На этом континенте зарождались и распространялись идеи трех мировых религий, сыгравшие ключевую роль в духовном развитии всего человечества. Из этого региона возникали и набирали силы стремительные процессы, кровавыми вихрями проносившиеся по всему евразийскому пространству от Владивостока до Лиссабона. И все они в той или иной степени затрагивали осевой регион Евразии, раскручивая его своими событиями.

От Римской империи на Западе и до Японской империи на Востоке политическая история Евразия представляет собой историю непрерывного чередования (взлёта и падения) империй и борьбы различных народов за имперский статус. Две тенденции сопровождали генезис империй – стремление к господству и потребность обеспечения безопасности. Пересечением этих отдельных историй в одну общую историю Евразии стал Каспийский регион. Анализу влияния этого региона на евразийскую историю и посвящена настоящая работа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразия; осевой регион; Евразийская Русь; геополитика; Каспий; безопасность; элита; вызовы и угрозы; конфликты; многовекторность; карнавальная политическая культура.

ВВЕДЕНИЕ

Сама по себе геополитическая история представляет историю зарождение, развития, расцвета и упадка великих стратегий, обеспечивавших мировое господство тех или иных империй или великих правителей, стремящихся к созданию своих имперских проектов. Поэтому история империй есть в сущности своей история успешно реализованных геополитических стратегий. На конкретных примерах многовековой политической истории Евразии мы видим перманентные взлеты и падения великих держав, циклы которых и определяют ритм мировой истории. Возможность обеспечения безопасности всегда являлась главным признаком суверенитета государства. И империи обеспечивали ее за счет того, что нарушали суверенитет и безопасность других.

В прошлом евразийская история творилась по направлению Восток – Запад: когда вначале Восток оказывал серьезное давление на западные цивилизации (большинство нынешних европейцев пришли сюда из азиатской части: дорийцы, арии, вандалы, готы и т.д.), а затем уже сам коллективный Запад пришел на Восток и превратил его в свои колониальные владения (XVIII – XX вв.). Новейшая политическая история развивается преимущественно уже по другой осевой линии - «Север-Юг», проходящей по центрально-евразийской зоне (т.н. Каспийскому региону: Волга-Урал, Каспийское море, Иранское нагорье, Персидский залив). И она связана с активизацией роли ведущих стран этого региона (Россия, Ирана и Индии) и их стремления к самостоятельной внешней политики, в желании обеспечить свою безопасность своими силами.

МЕТОДОЛОГИЯ

В настоящей работе использован весь комплекс методов и законов, существующих в современной геополитике (закон дуализма моря и суши, закон «береговой зоны», принципы исторической доминации и т.д.) (Мэхэн, 2002; Челлен, 2005; Ратцель, 1906). Помимо этого, в исследовании применялся метод диалектики, компаративистики, исторической семиотики и моделирования.

Одной из *задач* настоящей работы является показать (на теоретическом уровне) важность освобождения геополитической теории от предвзятой интерпретации политической истории, (на геополитическом уровне) необходимость освобождения стран этого региона от постороннего (иноземного) вмешательства. В связи с этим *объектом* настоящего исследования является осевой регион Евразии, а в качестве *предмета* – возникающие здесь угрозы безопасности.

Еще древнегреческий писатель Лукиан из Самосата критиковал историков своего времени за то, что они засорили свои произведения всякого рода лестью, мифами и откровенной фальсификацией, желая угодить сильным мира сего. Он призывал своих современников очистить историю (эти авгиевы конюшни!) от зарослей терновников лжи [1] . Необходимость борьбы с фальсификацией

политической истории всегда стояла перед каждой эпохой. Не является исключением и наша.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вольное обращение с историей, приводит геополитических конструкторов к серьезным просчетам и системным ошибкам, которые выдают несостоятельность их стратегических замыслов. Причем эта несостоятельность проявляется уже через 10-15 лет после создания ими своих конструкций. При этом геополитика претендует не столько на описание тактических ходов, сколько на создание стратегических планов, т.е. планов, рассчитанных на максимально продолжительное время, т.н. «планирование за горизонт событий».

Заблудившиеся в истории американцы конструируют в себе и вокруг себя свою особую (измененную под их элитаризм) реальность. У них выходит то, что они хотели бы видеть при абсолютном (т.е. вечном) сохранении своего доминирующего положения в мире (З. Бжезинский, Г. Киссинджер и др.). Но объективная история геополитики указывает на обратное – мир находится в постоянном изменении и состоит из конкуренции и борьбы доминант за первенство. В настоящий момент США находятся на вершине волны геополитического цунами. Но рядом с ними уже появляются другие игроки, которые оспаривают их лидерство и берут под сомнения их политические лозунги.

Историческая геополитика изучает волны доминации международных отношений: возникновение, расцвет и гибель империй; рост военных угроз и интеграционных процессов; диалог культур и конфликт цивилизаций; конкретные стратегии политических элит, рвущихся к мировому или региональному господству.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ

Геополитика рождает свои космологические модели, при помощи которых пытается объяснить существующий миропорядок. Геополитическая космология подразумевает наличие самых различных геометрических схем и мифологических образов, помогающих понять и объективно оценить тот или иной позиционный подход (Карабущенко, 2020б) Космологический портрет Каспийского осевого региона мы можем описать при помощи *тороидной* геометрической модели[2].

В своем понимании сущности геополитического бытия, мы оперируем некими общими категориями, которые и позволяют нам понять природу и сущность явления политики. Природа ОСИ заключается в том, что ОСЬ есть некий центр, вокруг которого вращается вся «Вселенная» (конкретная «галактика»). Если переносить наше представление из астрономии на реалии геополитики, то ОСЬ есть прообраз «ЧЕРНОЙ ДЫРЫ»: все вращается вокруг нее, создавая поля притяжения. То, что со стороны воспринимается астрономами как «черная дыра», на самом деле есть «пустота» центральной части оси.

Уже само используемое нами понятие «ось», подразумевает наличие тороида. Осевой тор представляет собой сходящиеся своими внешними ободами две полуокружности, между которыми по центру оказывается географическое пространство Каспийского моря. Верхние дуги берут свое

начало из зоны Ледовитого океана (одна исходит из Скандинавии, другая, восточная дуга, из Сибири). Сближаясь в сторону юга, они проходят по линии «Волга – Урал» и уходят в зону Каспийского моря.

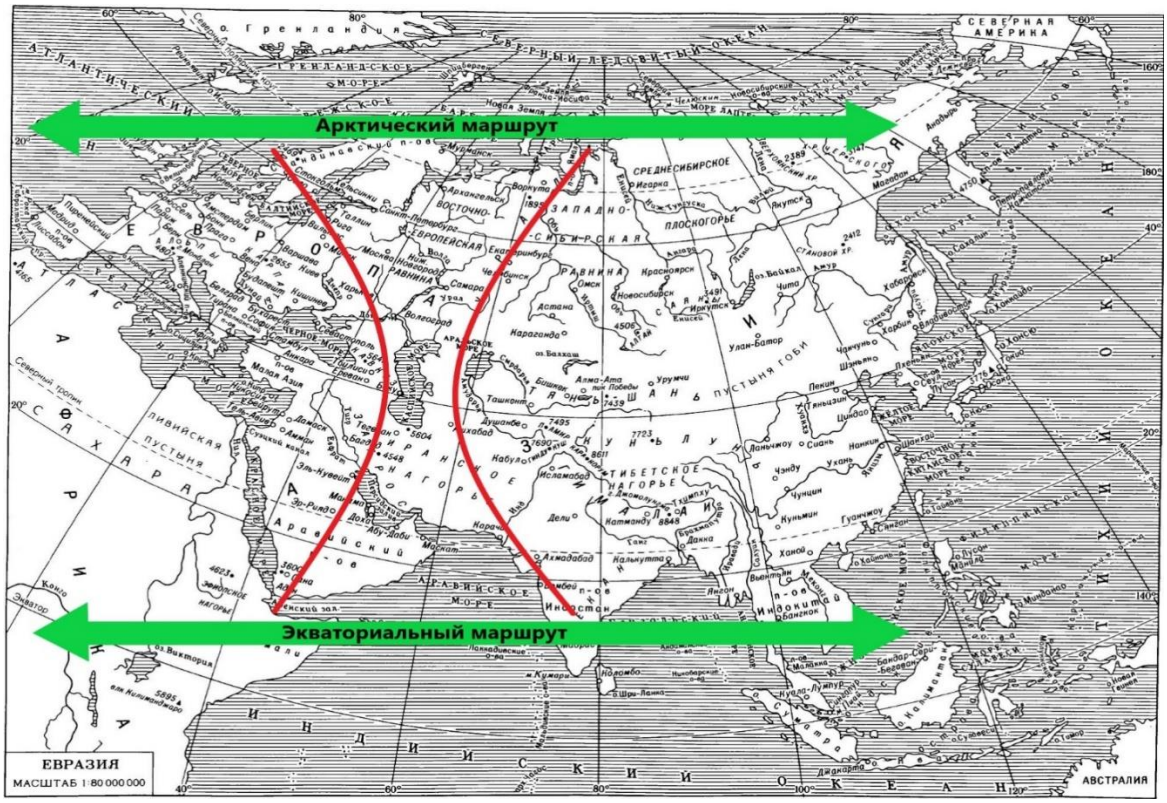

Рисунок 1. Тороидная геополитическая модель осевого региона Евразии

Само Каспийское море является физической точкой, через которую проходит евразийская ось, выходя затем на Иранское нагорье и Персидский залив, чтобы расходящимися дугами уйти одна (западная) в сторону Красного моря и Африки, другая (восточная) в сторону Индийского океана.

В верхней (северной) части тора в перспективе будет проходить *арктический маршрут* («Великий Северный» морской путь), соединяющий Восток и Запад Евразии, в нижней (южной) части пролегает *экваториальный маршрут* (соединяющий два канала – Панамский и Суэцкий). Контроль над первым предполагает осуществлять Россия (со своими геополитическими союзниками), контроль над вторым осуществляют англосаксонская коалиция (США и ее союзники)[3].

Анализ предложенной схемы требует от нас выделение еще одной группы понятий, отражающей и описывающей существующую объективную реальность. Речь идет о таких понятиях, как «*Каспийский регион*» и «*регион*

Большой Каспий». Если первый термин отражает т.н. «каспийскую пятерку» (страны непосредственно расположенные вокруг Каспийского моря – Россия, Азербайджан, Иран, Туркменистан и Казахстан), то второй термин описывает дугу сопредельных стран, политика которых в той или иной степени оказывает влияние на эту «пятерку». В эту «дугу» входят такие страны, как Украина, Грузия, Турция, Армения, Ирак, Сирия, монархии Персидского залива, Республики Средней Азии, а также Афганистан, Пакистан и Индия.

Все это вместе и есть осевой регион Евразии.

Географическое описание евразийской оси дополняет её политическая характеристика, заключающаяся в том, что данный регион во все времена притягивал к себе мировых гегемонов, тем, что был естественным стыком культур, религий и цивилизаций.

Пан-идея Евразии заключается в том, чтобы быть самодостаточной в выборе и осуществлении собственного пути развития, прекращения вмешательства третьих сил в её дела. И в реализации этой идеи большую роль может сыграть усиление роли осевого региона Евразии.

ОСЕВОЙ РЕГИОН ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

Вольное обращение с историей приводит к ее фальсификации. Геополитики слишком вольно обращаются с историей, интерпретируя ее факты, всякий раз подгоняя их под свои идеологические установки. Этим грешат многие ведущие геополитики, для которых история является неосновным, а дополнительным объектом конструирования геополитической картины мира [4]. Данный минус становится источником геополитической мифологии, вводящей действующих политиков в заблуждения, порождая в них иллюзорные представления о действительности.

Вся история Евразии может быть представлена и понята только как циклическая история волн доминации имперской активности (агрессивности). Эти волны агрессии перманентно прокатывались по евразийским просторам, разрушая одни государства и цивилизации, и создавая на их руинах новые и цивилизации, и государства… Эта волнообразная доминация существует и в наше время, достаточно посмотреть на тех игроков международных отношений, которые борются за мировую гегемонию и разными способами продвигают по всему миру свои национальные интересы.

Как показывает политическая история последних трех – четырех тысячелетий, Евразия отличается своей геополитической нестабильностью – на этой территории мы встречаем наибольшее число возникших и разрушившихся империй (Колотов, 2013). Геополитическая история осевого региона Евразии представляет собой волнообразную последовательность мировой военно-политической и культурно-цивилизационной доминации. В истории осевой регион притягивал к себе имперские традиции, как воплощения мирового могущества и имел колоссальный опыт создания и разрушения подобных

структур. Наибольшее число цивилизаций возникло как раз на этой оси, особенно в ее южной части (Египет, Месопотамия, Персия, Индия…). Цивилизация есть одномоментно возникший синтез культуры, религии и

политики. Если северную часть этой оси в истории вращали кочевые народы степи, то её южную часть – народы городов.

Везде где сталкивались две цивилизации – цивилизация города и цивилизация степи – между ними происходили не только конфликты, но и возникал выгодный товарооборот. Жители городов покупали у кочевников то, чего не было у них - лошадей, свежее мясо, ковры и седла, и продавали им изделия своих городских ремесел, в особенности посуду и хлопчатобумажные ткани. Кроме того, кочевники регулярно нанимались на службу в армии правителей городов. Так возникла «взаимная зависимость между степью и городом, пастухами и крестьянами, тюрками и персами. Со временем этот межкультурный обмен превратился в сосуществование» (Старр, 2017, с.86).

Как осевой регион Евразии, Каспий стягивает на себя общее напряжение международных отношений. Большинство воспринимает его как некое естественное пограничье (фронтир) культур, религий и цивилизаций. Большой Каспийский регион (осевой регион Евразии) включает в себя не только непосредственно сам Каспий, но и стягивает на себя примыкающие к нему субрегионы Большого Кавказа и Средней Азии (линия Запад – Восток) и регионы Большая Волга и Персидский залив (линия Север - Юг). Все это вместе и есть то, что мы называем «Каспийским регионом» или «евразийской осью».

Каспийский регион является своего рода инкубатором мировой истории. Как осевой регион Евразии всегда притягивал к себе завоевателей, которые создавали вокруг него свои обширные империи. На Севере в разные исторические эпохи свое имперское господство осуществляли такие народы, как арии, сарматы, скифы, хазары, половцы, монголы, русские… На южном побережье Каспийского моря господствовали персы, греки, арабы, османы и снова персы… (Гумилев, 1993). Сюда стремились проникнуть также и «заморские империи» - британцы и американцы пытались подчинить этот регион своему имперскому владычеству, без которого их притязания на мировую гегемонию были бы неполновесными (Бжезинский, 1998).

Политическая история Каспийского региона показывает в действии принцип империи, как закона исторической доминации: геополитическое господство носит перманентный (временный) характер и ограничено действием сил пассионарности и конкурентоспособности. Гегемония обладает постоянством лишь на время расцвета (апогее) империи и постепенно сходит на нет с началом упадка элитного качества имперской власти. На каспийскую геополитическую ось были нанизаны и империи хазар, и чингисидов, тимуридов, иранских, византийских, османских и российских царей и гегемонов.

Саму эту ось можно условно уподобить вращающемуся волчку – пока он в нормальном движении, регион стабилен; но как только ось начинает отклоняться и с ней происходят разнонаправленные движения,

дестабилизируется и сам регион в целом. Россия (*Евразийская Русь*)[5] кровно заинтересована в том, чтобы данный регион сохранял стабильность и находился в постоянной зоне ее влияния. Утрата Россией контроля за этим регионом,

означает его дестабилизацию, поскольку подобный сценарий предусматривает «вторжение» в этот регион посторонних геополитических сил и господство чужеродных национальных интересов. Как Евразийская Русь, Россия всегда была многонациональным государством, то в скрытой, то в явной форме империей. Величие России в её великодушии. Эта держава действительно с большой душой.

Россия исторически и географически прописана в Евразии. Евразия - ее *законнаяземля обетованная*. Стремиться ограничить ее политические границы могли лишь ослепленные своим стремлением к мировому господству «наполеоны». Все территории – даже и те, которые ныне отторгнуты от России (Прибалтика, Украина, Казахстан, Южный Кавказ) – органически связаны с ней и могут пребывать в благополучии лишь в связи с ней.

В истории России и Кавказ, и Средняя Азия играли исключительную геополитическую роль[6]. Посредством них Россия утверждалась как империя в Евразии. И только с сохранением своего влияния в этом регионе, она продолжает оставаться империей. Российская империя слишком дорогой ценой добилась контроля над регионом Кавказа и Средней Азии (Фадеев, 2010, с.33) и просто так отдавать это свое влияние она не может по историческим, этическим и геополитическим причинам. Это географическое пространство является составной частью *Большой России*, точно также как Казахстан, Украина, Белоруссия и Прибалтийские земли. И никуда они от России не денутся. *Их история есть история России в ее расширительном понимании.* И подобное расширительное значение вновь возникает в качестве геополитической актуальности в связи с трансформацией однополярного миропорядка в многополярное мироустройство[7].

Политическая история последних двух столетий указывает на весьма жесткое противостояние в этом регионе двух имперских планов – британского и российского. В историю это геополитическое противостояние вошло под названием «Большая игра» (*Great (Grand) game*, русское название — *Война теней*) и велась на территории Южнойи Центральной Азии в XIX — начале XX вв. (Сергеев, 2012). У истоков всех войн России с Турцией и Ираном неизменно стояла англосаксонская провокация (Хопкирк, 2004). В 1829 г. жертвой британской провокации в Тегеране стал русский посол А.С. Грибоедов. В настоящее время мы являемся очевидцами окончательного краха британской империи и возрождения имперского проекта России. Именно это в первую очередь и беспокоит англосаксонский мир. Рост русофобских настроений связан именно с этими внутренними изменениями. История уже вынесла свой окончательный приговор: «goodbye Great Britain, hello England»! Но англосаксы, действуя в своих прежних традициях, развязали против России новую «большую игру». Теперь уже игру XXI в.

Главным оружием англосаксов является геополитическая провокация и идеологическая русофобская истерия[8]. Ими они научились пользоваться с

хирургической точностью… Но и Россия выработала свое противоядие - проводить ни от кого независимую внешнюю политику. Для осуществления последнего, ей необходимо быть империей не на словах, а на деле. Именно дух российской империи больше всего и пугает англосаксов, чей собственный имперский проект все чаще в последнее время стал давать системные сбои.

На данный момент именно Россия может предложить подымающимся странам Евразии свои услуги по обеспечению коллективной безопасности в отстаивании своих суверенитетов. Именно это и бесит западных русофобов, что Россия нарушат все их внешнеполитические стратегии по обеспечению собственного мирового господства.

Возможно, что именно вокруг каспийского региона будет выстраиваться новая геополитическая геометрия международных отношений. И этому будет способствовать его географическое положение. Каспий оказывается в перекрестье международных отношений: по оси «Север-Юг» - это Россия и Иран, по оси «Восток – Запад» - это Китай с Индией и Турция с ЕС. Осталось только грамотно воспользоваться этим преимуществом, которым до сих пор пользовались третьи страны исключительно в своих интересах.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

В глобальном изменении самой уязвимой системой оказался Европейский Союз – национальные правительства отдали Брюсселю свои права и полномочия принимать ответственные решения, а Брюссель эти полномочия и права так до конца и не взял. Единство этого Союза оказалось мнимым. Базовые ценности (такие, как открытость границ, консенсус и взаимопомощь) на практике оказались фикцией. Более жизнеустойчивыми кажутся системы безопасности, связанные с США, Китаем и Россией (Евразийская Русь) – они отмобилизованы и монолитны.

Анализ политической действительно показывает, что многие разрекламированные политические системы могут эффективно работать только при благоприятных условиях, но в условиях кризиса они показывают свою полную недееспособность. Так, пандемия коронавируса (Covid-19) 2020 г. показала, что ЕС может функционировать только при «ясной погоде» и в «тепличных условиях», но для кризиса эта структура совершенно неприспособленна. Кризис всегда порождает проблему границы. Границы государства находятся там, где оно способно эффективно защитить свои национальные интересы. Кризис 2020 г. показал, что у государств границы определяются их возможностью себя защитить. И эти возможности весьма ограниченные.

Если глобализация есть объективный интеграционный процесс, то глобализм представляет собой идеологическое использование его возможностей в своих узкоэлитарных целях. Современный глобализационный проект рассматривается западными (преимущественно американскими) ультралибералами как главная идеологическая опора их притязаний на мировое

господство. Еще А.С. Панарин указывал на то, что идея глобализма искушает тех политиков, кто склонен к манипулятивным практикам (Панарин, 2002). Мифократия и есть власть манипуляторов и фальсификаторов.

Глобализация привносит свои нюансы в международные отношения. «В XXI веке возникает феномен – трансрегиональная интеграция. Если "классическая" интеграция предполагала региональное взаимодействие государств, то трансрегиональная интеграция включает страны, которые находятся в разных регионах мира» (Лебедева, 2019, с.34). Для США и их союзников важно чтобы Евразия не была интеграционно объединена, а представляла собой поле постоянного политического и социально-экономического конфликта. Коллективному Западу всегда было выгодно, чтобы Евразия постоянно находилась в состоянии «дуги нестабильности» (Колотов,2013; Евстафьев, 2019) и всегда нуждалась в нем как в единственном «благородном защитнике» и «бескорыстном спасителе». Из политической истории мы прекрасно знаем, что извлекать из этих постоянных угроз материальную прибыль (попросту – грабить!) – любимое занятие многих «цивилизованных» европейских политиков. Запад (в лице США) всегда форматировал геополитическое пространство исключительно в своих национальных интересах и никогда не учитывал какие-либо возражения (даже своих ближайших партнеров). В целом – это крайне агрессивная плотоядная политика, основанная на прагматизме интересов крупного (олигархического) империалистического капитала[9].

Что собой представляет современная мировая политическая система?

В современной мировой системе борются две глобальные силы: 1) «финансовый интернационал» (представленный ТНК, крупнейшими банками и олигархами) и 2) национальные государства. В отличие от объединенного «фининтерна», национальные государства разобщены и тем самым сами себя ослабляют. Но победу одержат не спекулятивные биржи, а реальный сектор экономики. У России это традиционно газ и нефть, а в 2010-е гг. это еще и зерно.

В геополитической истории Евразии мы можем выделить несколько волн имперской доминации: от скифо-сарматских и монгольских «волн» в древности и в средневековья до англо-британской и американской в XIX - XX вв. Начало XXI в. отмечено спадом американской волны доминации (описанной З. Бжезинским и К°) и началом роста волны Китая. Причем каждый из названых нами доминаций реализовывал свой имперский проект тем, что прокладывал и контролировал свои торгово-транспортные маршруты, из которых извлекал необходимую для поддержания своего проекта (мирового могущества) прибыль. До начала XXI в. США контролировали т.н. морской «экваториальный маршрут», пропускная способность которого и износ давно уже превысили все его технические возможности. Этот маршрут работает уже на своем пределе. Новая растущая доминация в лице Китая пытается выстроить свой собственный торгово-транспортный сухопутный маршрут «новый великий шелковый путь», который пройдет севернее по территории центральной Евразии. Россия пока еще робко, но пытается предложить мировому сообществу свой альтернативный

«экваториальному» арктический торгово-транспортный путь. Но к 2030 г. в мире появится еще один игрок, которому тоже потребуется свой собственный проект – это Индия. Воспользоваться морским экваториальным и китайским континентальным маршрутами она вряд ли (по самым разным причинам) сможет и захочет. Ей останется только один выход – развивать проект МТК «Север-Юг».

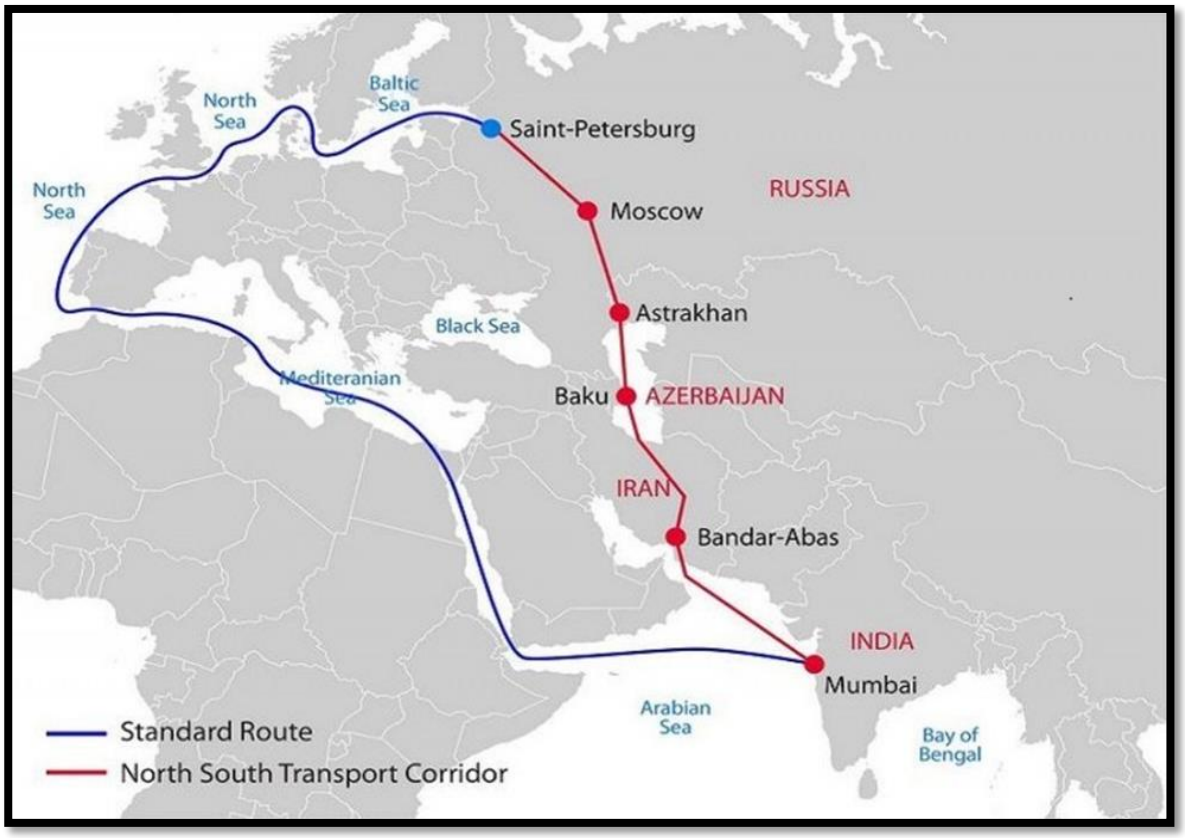

Рисунок 1. Международный транспортный коридор «Север-Юг»[10]

В 2010-е гг. мы стали уже свидетелями того как мир начал логистически перестраиваться под новые экономические отношения. Появились новые транспортно-логистические маршруты (Великий шелковый путь, Арктический транспортный коридор, МТК «Север-Юг») и газо-нефтепроводы. Россия изменила свой проевропейский вектор транзита ресурсов на евразийский. В последние годы многовекторность России делает её более устойчивой к внешним вызовам и угрозам. Такая позиция требует от нее утверждения своего суверенитета через утверждение своего могущества.

Еще основоположник этой многовекторной концепции внешней политики России академик Е.М. Примаков отмечал, что «многовекторная внешняя политика страны направлена на поиск и освоение полей общемировых интересов по противодействию новым вызовам и угрозам современности: в первую очередь, распространения ядерного оружия, преступной деятельности международного терроризма, попыткам столкнуть мировые цивилизации» (Примаков, 2016, Т.8. с.169). Многовекторность не означает одновременную игру на разных геополитических досках. Многовекторность означает постоянный учет чужих

интересов, при формировании своих собственных целей и задач; учет того, что ты «играешь» с партнерами в геополитические шахматные комбинации, когда они с тобой играют в покер.

Чтобы сохранять и поддерживать свой уровень потребления (являющийся символом их процветания), коллективному Западу надо кого-нибудь финансово обобрать. «Колониальная рента» всегда являлась основой их экономического процветания. В новых условиях у них образуется лишь два возможных варианта: 1) Росси и 2) Ближний Восток. С мусульманским миром Ближнего Востока коллективный Запад уже испортил отношения и разорил те страны, которые претендовали на суверенную политику (Ирак, Ливия, Сирия). Возможный вариант - идти только в зону Персидского залива, но это чревато кровавой войной. Остается Россия, для ослабления которой сила тоже не приемлема, поскольку НАТО физически воевать с Москвой не может, в силу деградации собственных вооруженных сил и опыта двух неудачных войн (1812 и 1941-1945 гг.). Упор делается на «пятую колонну» - на внутренний развал политической системы России. Однако ЕС не учел одного обстоятельства, - того, что их самих будет грабить США.

Радикальная русофобия консолидирует ЕС, поскольку самих экономических основ у Европы больше нет. Спекулятивная экономическая политика привела к фактическому краху идеи Единой Европы. Остается только возрождение идеологического единства, в основу которого они могут положить идеи радикального либерализма (демократизация демократии и либерализация либерализма). Но консолидация ЕС на уровне идеологии может происходить только на базе негатива – против тех, кто не соответствует их пониманию и интересам. Такова Россия, с ее традиционными ценностями и классическим понимаем демократии и либерализма.

Угрозой следует признать и политический популизм, который в последнее время захлестнул многие страны мира. На волне популизма к власти пришли дилетанты (лжеполитики – журналисты, актеры-комики, бизнесмены-олигархи и т.д.). В основе популизма лежит все та же карнавальная политическая культура, которая в решающие моменты истории превращается в политическую немощь, приводящую общество и государство к кризису и поражению. «Популизм часто осмысляется как внеидеологический феномен, связанный с ситуациями постполитики, постмодерна, постдемократии, постидеологии» (Фишман, 2017, с.56).

Определенную угрозу безопасности представляет и несостоявшийся суверенитет «малых» государств, чьи «новые» проекты были запущены после распада СССР. Первые десятилетия XXI столетия показали, что постсоветские государства могли процветать, только находясь в составе Советской Империи. Оказавшись в свободном плавании, они быстро исчерпали свои ресурсы стабильности и деградировали до уровня серой банальности. Возврат в состояние процветания есть процесс восстановления империи на этих бесхозных территориях, политические элиты которых продемонстрировали всему миру свою

генетическую неспособность эффективно управлять этими материальными и идеальными ресурсами. Сама государственность для них неподъёмная ноша, непозволительная заблуждение[11].

Вся сумма существующих в мире рисков уже подразумевает войну. Причем уже и сами общественно-политические науки в своей лексике все чаще начинают использовать терминологию войны[12].

Нарастает угроза военного столкновения и в околоземном пространстве. В ближайшее время милитаризация Космоса может стать угрозой номер один. Так, в декабре 2020 г. директор национальной разведки США *Джон Рэтклифф* заявил, что Россия не является «ответственной космической державой». По его словам, Россия в последнее время вела себя в космическом пространстве угрожающе и провокационно, что создавало потенциально опасную ситуацию (Россия запустила спутник, который осуществлял маневры вблизи американского правительственного аппарата). Кроме того, Россия осуществила запуск спутника, который, по экспертным оценкам США, обладает признаками космического оружия. Директор разведки подчеркнул, что американские интересы оказались под угрозой, так как Россия и Китай продолжают разрабатывать и размещать разрушительное оружие, которое несет угрозу деятельности США и их партнеров в космосе[13]. Ранее глава Пентагона *Марк Эспер* рассказал, что США задумались о создании оборонительного вооружения в космосе из-за действий России и Китая. Он отметил, что это необходимо в том числе для защиты находящихся на орбите аппаратов невоенного назначения.

Для того, чтобы поднять свою значимость, многие политики занимаются моделированием глобальных катастроф, которые якобы, по их мнению, грядут и они готовы приложить все усилия, чтобы не допустить этих катастрофических последствий. Так, в ноябре 2020 г. военная разведка Чехии в отчете о своей деятельности за 2019 г. прогнозировала возможность Третьей мировой войны[14]. «Особую опасность, как следует из отчета разведки, представляет злоупотребление прогрессивными технологиями. Глобальный военный конфликт могут спровоцировать кибератаки или нападение с помощью гражданских беспилотных летательных аппаратов, которые злоумышленники могут легко переделать в боевые. Третью мировую войну может также спровоцировать продолжающийся рост напряженности между супердержавами — США, РФ и КНР, что крайне негативно отражается на других государствах»[15]. Серьезные противоречия в последнее время происходят и между странами, считающими себя союзниками в деле обеспечения безопасности. На этом фоне слабеет институт международного права. Распадаются и становятся чистой формальностью прежние союзнические отношения (в первую очередь в т.н. западном альянсе), что усиливает угрозу нестабильности. На этом фоне для коллективного Запада угрозой уже является сам факт сближения России и Китая. Их пугают совместные действия Москвы и Пекина, которым они не в состоянии противопоставить свое мнимое единство. В ноябре 2020 г. министр иностранных дел Китая Ван И заявил, что

Россия и Китай должны и далее укреплять взаимодействие и координацию, в полной мере использовать свои преимущества и помогать региональным странам в решении таких неотложных вопросов, как борьба с пандемией коронавируса, поддержание стабильности и восстановление экономики[16].

Многие страны спекуляцию на безопасности сделали надежным источником получения денежных средств. Так, например, русофобское правительство Польши извлекает из спекуляции вокруг русской угрозы весьма серьезные дивиденды. По данным Агентства по сотрудничеству в сфере безопасности Соединенных Штатов (DSCA) только в 2020 г. Варшава получила от Вашингтона «помощи» на общую сумму 4,7 млрд долларов. Всего за 30 лет своего постсоциалистического существования Польша осчастливила американский военно-промышленный комплекс на 16,3 млрд долларов, из которых 11 миллиардов приходятся на последние пять лет[17]. Причина подобной щедрости США заключается в том, что Варшава упорно утверждала и утверждает, что резко выросли «угрозы» со стороны соседней России. Польская элита пыталась выстроить такую внешнюю политику, «в которой Россия была бы военным врагом, а Германия — политическим. Поэтому опора делалась исключительно на Соединенные Штаты. Варшава вдруг решила, что она сможет купить благосклонность Вашингтона заключением контрактов на поставку из-за океана сжиженного природного газа и оружия»[18]. И подобным сотрудничеством, вывести Польшу в высшую лигу международной политики.

Очевидной угрозой также следует признать и карнавальную политическую культуру, которая на волне популизма захватывает все больше политических пространств. О том, что карнавализация политического пространства идет невиданными темпами, стали в последнее время говорить многие ведущие мировые политики. Прежде всего, это связано с нарушением консенсуса элит и разрушением их взаимопонимания. Политики перестали понимать друг друга. Между ними возникает непреодолимая стена отчуждения, связанная не только с тем, что они друг друга не слышат, но и перестали друг друга понимать.

Так, например, в ноябре 2020 г. глава МИД России С.В. Лавров назвал две версии отравления А. Навального - в немецком самолёте и в самой берлинской клинике «Шарите». Он добавил, что версия оппозиционера о том, что ему отравили одежду, - это цирк. «Это уже шапито, по-моему, я вообще уже с трудом воспринимаю мотивы наших немецких партнёров». По его мнению, версии Германии об отравлении Навального не выдерживают уже никакой критики[19]. Критика оппонентов становится все более примитивной.

При этом в международном отношении элит заметно растёт число взаимных обвинений. Обвинений, как правило, голословных, ничем не подкрепленных, а потому и маловероятных[20]. Реальность элит полностью переносится в вымышленные ими же сферы, в которых они выглядят именно как элиты, а не как их имитация. Имитация профессиональной деятельности становится для них нормой. Политический карнавальный вертеп превращает их самих в шутов и клоунов большой политики.

ВЫВОДЫ

Как осевой регион Евразии, каспийский фронтир позволяет моделировать вокруг себя совершенно новое геополитическое пространство и выстраивать международные отношения на иных, чем прежде основаниях. Проблема стран этого региона заключается в их разобщенности и в неспособности договариваться по базовым ценностям. Причем эта разобщенность носит не столько исторический, сколько условно политический характер, поддерживаемый постоянными провокациями извне.

Какие геополитические изменения ожидают Евразию в ближайшее время? По одной версии грядет второе воссоединения Украины с Россией и вхождение в неё состав Беларуси и Казахстана. При негативном сценарии прогнозируема экономическая война двух евразийских гигантов Китая и Индии; при позитивном сценарии – России удастся их примирить и создать великий Евразийский треугольник. На Западе произойдет окончательный экономический закат Европы, чреватый пятым разделом Польши и распадом Великобритании.

Еще один апокалиптический сценарий – самоуничтожение США (развал страны с гражданской или ядерной войной всех против всех). Такой сценарий З. Бжезинскому мог присниться только в самом кошмарном сне. Но этот сон начинает после событий 2020 г. начинает приобретать все более осязаемые очертания. Мир устал от единоличного управления США и ищет новые формы коллективного международного сотрудничества, основанные не на гегемонии одного центра силы, а на концепции сдержек и противовесом многополярного мироустройства.

Формирование вокруг осевого региона Евразии («Большой Каспий») сильных и самодостаточных геополитических игроков (Россия, Иран, Индия, Китай), приведет к окончательному закату англосаксонского доминирования в мире. Именно эта доминанта все предшествующие столетия порождала и поддерживала в этом регионе конфликты, извлекая из них себе материальную выгоду и политическую пользу.

Стратегия России как Евразийской Руси заключается в том, чтобы обладать самым передовым и самым качественным вооружением, дающим ей превосходство над прямыми конкурентами и не допускать войны на периферии своих границ. Для этого она должна держать эту периферию под контролем соблюдения своих национальных суверенных интересов и не позволять заходить на эту территорию другим сильным державам, имеющим иную «геополитическую прописку».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бжезинский, З. (1998). *Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)*. (Пер. О. Ю. Уральской). Москва: «Международные отношения».

Вандам, Е.А. (2002). *Геополитика и геостратегия*. Москва: «Кучково поле».

В Пекине заявили о готовности защищать интересы России и Китая. (2020). Получено из https://news.mail.ru/politics/44213698/?frommail=1

Гумилев, Л.Н. (1993). *Тысячелетие вокруг Каспия*. Москва: ТОО «Мишель и Ко».

Евстафьев, Д.Г. (2019). Евразийская "дуга нестабильности" или Управление глобальным экономическим ростом. *Экономические стратегии*, *165*(7), 46-56.

Карабущенко, П.Л. (2020б). Геополитическая космология: «Слоны Евразии». *Современная наука и инновации*, *30*(2), 171-179.

Карабущенко, П.Л. (2020а). Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий. *Вопросы элитологии*, *1*(2), 31-62.

Карабущенко, П.Л., Вартумян, А.А. (2020). *Фальсификации политической истории: опыт исторической герменевтики*: монография. Москва: «КДУ», «Добросвет». https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1146-7-2020-374

Карабущенко, П.Л. (2021). *Русофобия: история одной химеры*. *Монография*. Москва: ИНФРА-М.

Киссинджер, Г. (2015). *Мировой порядок*. Москва: «АСТ».

Колотов, В.Н. (2013). *Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки***.** Коллективная монография. Санкт-Петербург: СПбГУ, Восточный факультет; «Студия НП-Принт».

Кьеза, Д. (2016). *Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада?* Москва: «Эксмо».

Лебедева, М.М. (2019). Современные мегатренды мировой политики. *Мировая экономика и международные отношения*, *63*(9), 29-37.

Самосатский Л. (2001). *Как следует писать историю* (Пер. С.В. Толстая) (Т.1-2). Санкт-Петербург: Алетейя.

Мэхэн, А.Т. (2002). *Влияние морской силы на историю, 1660-1783*. Москва, Санкт-Петербург: ООО «Издательство АСТ», Terra Fantastica.

Неклесса, А.И. (2018). Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования*, (1), 80-95. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06

Панарин, А.С. (2002). *Искушение глобализмом*. Москва: «ЭКСМО-Пресс».

Панина, Е. (2020). Польша провалила попытку купить благосклонность США. Получено из https://riafan.ru/1353165-elena-panina-polsha-provalila-popytku-kupit-blagosklonnost-ssha?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange

Примаков, Е.М. (2016). Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России (Т.8). Примаков, Е.М., Матвиенко В.И., Нарышкин С.Е., Катырин С.Н. (Ред.). *Собрание сочинений*: в 10 т. Москва: ТПП РФ: Российская газета.

Ратцель, Ф. (1906). *Земля и жизнь. Сравнительное землеведение*. Санкт-Петербург.

Сергеев, Е.Ю. (2012). *Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. Москва: Товарищество научных изданий КМК.

Старр, Ф. (2017). *Утраченное просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана*. Москва: «Альпина Паблишер».

Фадеев, Р.А. (2010). *Государственный порядок. Россия и Кавказ* Москва: «Институт русской цивилизации».

Фишман, Л.Г. (2017). Популизм – это надолго. *Полис. Политические исследования*, *3*, 55-70. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04

Хопкирк, П. (2004). *Большая Игра против России. Азиатский синдром*. Москва: «Риполклассик».

Челлен, Р. (2005). О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства. *Полис. Политические исследования*, 2, 115-126.

Hoagland, R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation. *Caspian Magazine affairs*, *1*, 10-22.

«Это уже шапито!»: Лавров отчитал Германию, подарив миру новую крылатую фразу (2020). Получено из https://tsargrad.tv/news/jeto-uzhe-shapito-lavrov-otchital-germaniju-podariv-miru-novuju-krylatuju-frazu_297478?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_

Для цитирования: Карабущенко, П. Л. (2021). Осевой регион геополитической истории Евразии. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 35-54.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-035-054

REFERENCES

Brzezinski, Z. (1998). *The Grand Chessboard (American Dominance and Its Geostrategic Imperatives)*. Moscow: "International Relations". (in Russian)

Vandam, E.A. (2002). *Geopolitics and Geostrategy*. Moscow: "Kuchkovo field". (in Russian)

Gumilev, L.N. (1993). *A Millennium Around the Caspian*. Moscow: LLP "Michelle and Co". (in Russian)

Evstafiev, D.G. (2019). Eurasian "arc of instability" or Managing global economic growth. *Economic strategies*, *165*, *7*, 46-56. (in Russian)

Karabuschenko, P.L. (2020b). Geopolitical cosmology: "Elephants of Eurasia" *Modern science and innovation*, *2*(30), 171-179. (in Russian)

Karabuschenko, P.L. (2020a). Carnival political culture: a system analysis of the main categories. *Issues of elitology*, *1*, *2*, 31-62. (in Russian)

Karabuschenko, P.L., & Vartumyan, A.A. (2020). *Falsifications of political history: the experience of historical hermeneutics:* monograph. Moscow: "KDU", "Dobrosvet". https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1146-7-2020-374 (in Russian)

Karabuschenko, P.L. (2021). *Russophobia: the story of a chimera*. *Monograph*. Moscow: INFRA-M. (in Russian)

Kissinger, G. (2015). *World Order*. Moscow: "AST". (in Russian)

Kolotov, V.N. (2013). *Eurasian arc of instability and regional security problems from East Asia to North Africa*. Collective monograph. SPb.: SPbSU, Faculty of Oriental Studies; Publishing house "NP-Print Studio". (in Russian)

Chiesa, D. (2016). *Russophobia 2.0: a disease or a weapon of the West*? Moscow: "Eksmo". (in Russian)

Lebedeva, M.M. (2019). Modern megatrends of world politics. *World economy and international relations, 63, 9*, 29-37. (in Russian)

Mahan A.T. (2002). *The Impact of Sea Power on History, 1660-1783*. Moscow.: ACT Publishing House LLC; SPb.: Terra Fantastica. (in Russian)

Neklessa, A.I. (2018). The Crisis of History. The world as an unfinished project. Policy. *Political studies, 1*, 80-95. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06

Panarin, A.S. (2002) *Temptation by Globalism*. Moscow: "EKSMO-Press". (in Russian)

Primakov, E.M. (2016) Collected works: in 10 volumes Moscow: Publishing house of the RF CCI: Rossiyskaya Gazeta. T. 8: Challenges and alternatives of a multipolar world: the role of Russia / E. M. Primakov; ed.: V. I. Matvienko, S. E. Naryshkin, S. N. Katyrin. (in Russian)

Ratzel, F. (1906). *Land and Life. Comparative Geography*. SPb. (in Russian)

Sergeev, E.Yu. (2012). The Big Game, 1856-1907: *Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia*. Moscow: KMK Scientific Publishing Association. (in Russian)

Starr, F. (2017). *The Lost Enlightenment: The Golden Age of Central Asia from the Arab Conquest to the Time of Tamerlane*. Moscow: "Alpina Publisher". (in Russian)

Fadeev, R.A. (2010). *State order. Russia and the Caucasus* / Comp. Lebedev S.V., Linitskaya T.V. / Preface. and comments. Lebedeva S.V. Moscow: "Institute of Russian Civilization". (in Russian)

Fishman, L.G. (2017). Populism is for a long time. *Policy. Political Studies, 3*, 55-70. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04 (in Russian)

Hopkirk, P. (2001). *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. Oxford: Oxford University Press.

Challen, R. (2005). On political science, its relationship with other branches of knowledge and the study of political space. *Polis. Political Studies, 2*, 115-126.

Hoagland, R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation. *Caspian Magazine affairs, 1*, 10-22.

For citation: Karabushenko, P.L. (2021). Pivotal Region of Eurasia's Geopolitical History. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(1), 35-54.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-035-054

[1] О таких нерадивых историках Лукиан Самосатский писал: «Кто-нибудь может сказать: теперь для тебя почва хорошо расчищена, все шипы уничтожены, терновник вырублен, чужие обломки унесены, и если были где-либо неровности — они сглажены; поэтому построй теперь что-нибудь и сам с целью доказать, что ты умеешь не только разрушать чужое, но и сам можешь придумать

дельное, над чем никто, даже сам Мом, не будет в состоянии посмеяться» (Лукиан. Как следует писать историю, 33) (Лукиан Самосатский, 2001).

[2] Тор (Тороид) — поверхность вращения, получаемая вращением образующей окружности вокруг оси, лежащей в плоскости этой окружности и не пересекающей её. Обобщенно, тор — топологическое пространство или гладкое многообразие, эквивалентное такой поверхности. Иногда не требуют, чтобы ось вращения не пересекала образующую окружность. В таком случае, если ось вращения пересекает образующую окружность (или касается её), то тор называют закрытым, иначе открытым. Геометрия тороидальности была впервые описана древнегреческими математиками пифагорейцем Архитом Таренским (435 – 350 до н.э.) и Персеем (ок.150 до н.э.).

[3] В последние годы «*Большой Каспийский регион*» начал все сильнее притягивать взоры США и их вассалов, которые в поисках новых точек опоры для своего господства в Евразии, разглядели наконец в его центральной зоне его осевой регион (Hoagland, 2019).

[4] Так, например, давая в своей книге «The Wylie Agency» (2014) оценки геополитической реальности Г. Киссинджер не совсем точно понимал политическую историю стран Евразии (в частности России) и из этого неверного (неточного) понимания делал порой весьма поверхностные выводы (Киссинджер, 2015).

[5] Евразийская Русь – включает в себя территорию бывшей Российской империи, т.н. «русский мир» и носит скорее социокультурный, чем политический характер. Данный термин указывает на осуществленный в 2010-е гг. разворот России на Восток, когда западные страны перестали быть ее приоритетным направлением во внешней политики и она окончательно утвердилась как единственная евразийская держава.

[6] Британские военные аналитики всегда утверждали, что Россия может использовать Кавказ в качестве трамплина для продвижения к Константинополю или даже к Тегерану (Хопкирк, 2004, стр.97).

[7] Обвинения в реваншизме слышатся со всех сторон – и в адрес Москвы, и в адрес коллективного Брюсселя, и в адрес «вашингтонского обкома». Подобное положение дел стало нормой в условиях слома однополярного мироустройства и формировании новой геополитической многополюсной геометрии. Так, например, 2 декабря 2020 г. в НАТО обвинили Россию в ведении агрессивной политики и стремлении к превосходству в отношении бывших советских республик. В альянсе указали, что Москва якобы продолжает подрывать их суверенитет и территориальную целостность. - МИД Казахстана передал России ноту из-за слов депутата Никонова. 12.12.2020. https://news.mail.ru/politics/44533922/?frommail=1

[8] Еще генерал А.Е. Вандам (Едрихин) в начале XX в. утверждал, что США и Великобритания вынашивают планы демонтажа России, как мировой державы и уничтожение ее как империи (Вандам, 2002, стр.89).

[9] Ранее мы уже отмечали, что «грабить других для англосаксов норма. Грабеж – историческая привычка этой нации. США – это хищник, у которого в голове одни только цифры его прибыли и никаких моральных и интеллектуальных сожалений. «Ничего личного – только бизнес»! Такой бизнес и стирает личность тех, кто так ставит вопрос. Поэтому политические элиты англосаксонского мира — это политические группировки мошенников со стертыми личностями. Их личности начинают стираться и затираться по мере их вранья. К настоящему времени США и Великобритания окончательно превратились в *империи лжи*. Ложь (фейки) стала смыслом и нормой их политической обыденности» (Карабущенко, 2020в, стр.176).

[10] Международный транспортный коридор «Север-Юг» в приоритете Азербайджана, но не в интересах США, 11-06-2018. https://x-true.info/71044-mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-v-prioritete-azerbaydzhana-no-ne-v-interesah-ssha.htm

[11] Союзные государства создавались в рамках Советского проекта не для того, чтобы быть самостоятельными государствами, а для того чтобы выполнять определенные декоративные функции союзного государства. Архитекторы СССР не предусматривали их суверенитет, поэтому после распада СССР в 1991 г. эти структуры оказались в совершенно непривычной для

них среде – пред ними остро встала задача элементарного выживания. И все они бросились искать себе нового «хозяина», которому и поступили на новое содержание.

[12] «Война является искусством, сопряженным с широким спектром возможностей и рисков. Нынешнее умножение возможностей создает пугающее разнообразие рисков, модифицируя и усложняя характер войсковых, иррегулярных и небоевых военных операций. Об усложнении композиций военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как “проактивность”, “неопределенность”, “комплексность”. Речь идет об активной разведке будущего, тенденциях его поступательного контроля и деятельного освоения» (Неклесса, 2018, стр.90).

[13]США назвали Россию «безответственной космической державой». 10.12.2020. https://news.mail.ru/politics/44494293/?frommail=1

[14] В отчете указывалось, что «возможный глобальный конфликт, в направлении которого следует мир, пока находится на первом этапе подготовки. Происходит формирование мышления тех, кто будет способен и захочет в него активно вступить. Постепенно определяются технические средства, с применением которых он может вестись. Если мы не будем способны предугадать и оценить [негативные] последствия собственных действий, то ошибочные инструкция или приказ могут породить процессы, которые приведут к [нашему] взаимоуничтожению». - Чешская военная разведка прогнозирует угрозу Третьей мировой войны. 11.11.2020. https://news.mail.ru/politics/44103743/?frommail=1

[15] В документе подчеркивалось, что в 2019 г. ощущался явный «недостаток стандартного диалога [на международном поле], усиливалась конфронтация как способ решения нарастающих проблем и противоречий. Ставились под сомнения роль международных институтов, военных блоков, [действующих] соглашений о разоружении и сам существующий мировой порядок». - Там же.

[16] В Пекине заявили о готовности защищать интересы России и Китая. 19.11.2020. https://news.mail.ru/politics/44213698/?frommail=1

[17] Елена Панина: Польша провалила попытку купить благосклонность США. 14.12.2020. https://riafan.ru/1353165-elena-panina-polsha-provalila-popytku-kupit-blagosklonnost-ssha?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange

[18] Там же

[19] «Это уже шапито!»: Лавров отчитал Германию, подарив миру новую крылатую фразу. 12.11.2020. https://tsargrad.tv/news/jeto-uzhe-shapito-lavrov-otchital-germaniju-podariv-miru-novuju-krylatuju-frazu_297478?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=tsargrad.tv&utmterm=1275283&utm_content=8923077

[20] В ноябре 2020 г. руководство Польши официально заявило, что за скоординированными информационными атаками на Польшу стоят Китай и Германия, которые всегда пытались дискредитировать Варшаву в глазах Запада. Но больше всего усердствует Россия, которая якобы несет в этом отношении наибольшую угрозу, поскольку именно Россия пытается выставить Польшу проблемной для Евросоюза страной. «Самая большая угроза для Польши — это деятельность Российской Федерации, которая основана на лжи, манипуляции образом Польши, НАТО, Запада» (имеет в виду разведдеятельность, «провокации, дипломатические выпады», а также деятельность России в финансово-энергетическом секторе). При этом доказательств своих слов польские чиновники, как правило, не приводят. Но зато заверяют всех, что «Польша — самая важная страна Восточной Европы для НАТО» (Польша обвинила Россиювсвоейплохойрепутации. 15.11.2020. https://news.mail.ru/politics/44158650/?frommail=1

THE CONCEPT OF SOCIETAL SECURITY: THEORY, DISCUSSION AND CASPIAN PERSPECTIVES

Anna P. Romanova

Doctor of Philosophy, Professor
Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: aromanova_mail@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

ABSTRACT

The issue of ensuring security remains one of the most important for the social sciences at the present stage. In recent decades, the concept of societal security, which tracks its origin to Copenhagen School, has been increasingly prominent. The purpose of this article is to systematize the main provisions of the societal approach to security and to identify the possibility of its operational application to the study of the Caspian region. The main provisions of the societal approach include the following factors: the reference object of the research is the so-called "societal community"; the basis for the existence of such a community is a collective, most often cultural, sometimes confessional identity; this problem is always considered in relation to a certain social space, which is transformed under the influence of political, economic, and environmental factors. Traditionally, the societal approach has been applied to the analysis of security problems in the European space: the Baltic States, Spain, there is an experience of its application to African society in some Asian countries. Another interesting area for analysis may be the Caspian region, which after the collapse of the USSR has become a strategically important Euro-Asian geopolitical and economic hub. However, the regional specifics require researcher to implement a creative application of this approach, taking into account both theoretical criticisms and the specifics of the space itself.

KEYWORDS

Security; societal community; Caspianregion; collective identity.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРИЯ, ДИСКУССИЯ И КАСПИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Романова Анна Петровна

доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: aromanova_mail@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

АННОТАЦИЯ

Проблематика, связанная с обеспечением безопасности, остаётся одной из важнейших для социальных наук на современном этапе. В последние десятилетия в ней всё более значительное место отводится концепции социетальной безопасности, возникшей в лоне Копенгагенской школы.

Целью данной статьи является систематизация основныхположений социетального подхода к безопасности и выявление возможности егооперационального применения к изучению Каспийского макрорегиона. Основные положения социетального подхода включают следующие факторы: референтным объектом исследования является так называемое «социетальное сообщество»; основанием существования такого сообщества является коллективнаяидентичность – чаще всего культурная, иногда конфессиональная; эта проблематика всегда рассматривается применительно к определённому социальному пространству, которое трансформируется под влиянием политических, экономических, экологических факторов.

Традиционно социетальный подход применялся к анализу проблем с безопасностью на европейскомпространстве: страныБалтии, Испания, есть опыт применения к африканскому социуму, некоторым азиатским странам. Ещё одним интересным пространством для анализа может стать Каспийский макрорегион, превратившийся после распада СССР в стратегически важный евроазиатский геополитический и экономический узел. Однако специфика региона требует творческого применения этого подхода к его исследованию, с учётом как теоретических критических замечаний, так и специфики самого пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

безопасность; социетальное сообщество; Каспийский макрорегион; коллективная идентичность.

Проблематика безопасности давно и прочно заняла своё место в научных исследованиях. К настоящему моменту можно выделить два базовых подхода к исследованию безопасности.

Первый, классический подход, предложен американской школой безопасности (J.E. Finding, J.S. Nye, S. Lynn-Jocen). В данном случае государство и общество рассматриваются практически как идентичные понятия, поскольку исторически выживание общества зависело от выживания государства. При таком подходе основным актором считается государство, пытающееся сохранить свою независимость в ситуации военной экспансии. Данный подход, помимо государственных интересов, учитывает исключительно интересы общества как социальной группы, но не учитывает интересы сообществ, составляющих данный социум. В состоянии военной экспансии преимущественно общество имеет право на выживание. Такую безопасность традиционно называют международной или государственной.

В фокусе второго подхода находится, прежде всего, безопасность локальных сообществ– этнических, религиозных, не тождественных государству и обществу в целом. Общество рассматривается как состоящее из релевантных социальных групп, которые становятся объектами безопасности как активные участники процесса построения безопасности. (Roe, 2007, с.46). Однако в современном обществе именно неустойчивость релевантных социальных групп, может наносить удар по его коллективной безопасности. Данная теория была сформулирована в 90-х годах Копенгагенской школой (O. Waever, B. Buzan), получила название «концепция социетальной безопасности» и в последнее время активно развивается наряду с другими специфическими видами безопасности: политической, экономической, военной, экологической и т.д. (SocietalSecurity…2018).

В российском научном дискурсе, несмотря на появления отдельных публикаций (И.В. Леусенко, В.А.Конышев, С.И. Чудинови др.), концепция социетальной безопасности пока ещё недостаточно изучена и не получила операционального применения. Данная статья посвящена выявлению основных положений концепции социетальной безопасности и возможностей её применения к изучению безопасности Каспийского макрорегиона.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Концепция социетальной безопасности связана с изменением традиционного вектора исследования безопасности, когда главным актором и одновременно главным гарантом безопасности считалось государство. В связи с трансформацией социальных процессов, начиная с 90-х годов XX века, исследователи всё чаще обращаются к другому источнику возникновения угроз и проблем, связанных с безопасностью – социуму. Процессы, протекающие в обществе в последние десятилетия, показали, что наряду с государственными акторами, на состояние и стабильность современного общества, а, следовательно, и на его безопасность,

влияет множество других факторов, не связанных напрямую с государственной политикой. Для того чтобы учитывать уровень стабильности общества, необходимо отслеживать совокупность факторов, так или иначе влияющих на его дальнейшее развитие. Такая безопасность в англоязычной литературе была обозначена термином «societal», в русскоязычной графикетермином «социетальный», который очень часто путают с родственным понятием «social» – социальный, а то и вообще рассматривают аналогичноопечатке.

Вышеупомянутый термин был предложен Т. Парсонсом для обозначения специального подхода к обществу как сложному, глобальному конструкту, представляющему собой комплекс социальных, физических, экономических подсистем и социетальных сообществ, рассматриваемых не подобно завершённым феноменам, а в качестве диахронных процессов. Таким образом, «понятие “социетальный” имеет у Т. Парсонса свой “процессуальный образ”, что позволяет отразить динамику социетальной сферы как комплекса процессов» (Леусенко, 2011, с. 40-44).

Использование предложенного Т. Парсонсом социетального подхода к изучению общества и безопасности вывело исследования социума на новый операциональный уровень, позволяющий сформировать модель ситуации.

По сути, социетальный подход представляет собой некий метауровень анализа общества, дающий основу для формирования системного исследовательского конструкта – «социетальная социология». «Благодаря программе социетальной социологии мы получаем <…> возможность изучать изменение восприятия содержания социальной реальности, типа социальной интеграции и трансформации механизма формирования социальной нормы как элементов общей системы конструирования практической социальной реальности в качестве окружающего физического, социального, политического, экономического, промышленного и т. д. миров человека» (Леусенко, web).

Главной категорией социетальной социологии становится термин «социетальное сообщество» (societal community). «Как таковое оно создаётся структурированным нормативным порядком и набором статусов, прав и обязанностей его членов, причём характер этого набора может варьироваться для различных подгрупп сообщества. Для выживания и развития социетальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом [хотя и не обязательно единообразно и единодушно–А.Р.] его членами в качестве основы их социальной идентичности» (Парсонс, 1993, стр. 102).

Таким образом, термин «социетальный», начинают применять, «когда необходимо рассмотреть общество с больших, наиболее значимых позиций, показать взаимозависимость элементов социокультурной сферы общества» (Леусенко, web). Если термином «социальный» обозначают все процессы, связанные с обществом, то термин «социетальный» употребляют преимущественно по отношению к процессам и отношениям в наиболее сложных социальных системах с развитым управлением (Национальная педагогическая энциклопедия, web), разветвлёнными социальными структурами, институтами и организациями,

которые тесно связаны друг с другом и взаимодействуют, выполняя многочисленные функции (Зборовский, 2004).

Социетальный подход к исследованию социумных проблем предполагает, что основой существования социетального сообщества, а как следствие, гарантом социетальной безопасности, становится *коллективная культурная идентичность* (Романова & Черничкин, 2018). Хотя идентичность не является единственным определяющим фактором в конфликтах, это, безусловно, аналитическая категория, которая очень полезна для понимания некоторых из них (Panic, 2009, с. 37). Именно коллективная культурная идентичность скрепляет социетальное сообщество как единое целое, действующее в кризисных ситуациях как самостоятельный актор, интегрированный в определённое физическое и социальное пространство. «Социетальное сообщество зависит от культурной ориентации системы, которая, кроме всего прочего, является главным источником легитимации её нормативного порядка и имеет адекватный уровень интеграции (или солидарности) и отличительный статус членства» (Парсонс, 1993, с. 108-109). Концепция социетальной безопасности предполагает, что группы, объединённые общей идентичностью, рассматривают выживание общества как производную от сохранения этно-национальной идентичности, в то время как государства стремятся прежде всего сохранить свойсуверенитет (Saleh, 2010, p. 239).

Тем самым социетальный подход, в силу системности, операциональности рассматривает общество как целостность, хотя и не тождественную государству. Отсюда и безопасность зависит от сохранения целостности общества, при условии, что это не мешает его естественному развитию. Исследователи, придерживающиеся данного направления, считают основной проблемой современной ситуации не угрозу целостности отдельного государства, а угрозу социуму, представляющему это государство. И здесь вызов идёт прежде всего внутренним сообществам, репрезентирующим. Другие пространства внутри общего социального пространства. Они чувствуют угрозу своей культурной и религиозной идентичности, своим традиционным моделям языка, видению мира. Причём угрозы в данном случае скорее внутренние, нежели внешние (Buzan, 1991).

Однако (и в этом можно обнаружить определённый социальный парадокс) все локальные сообщества также являются частью пространства данного общества и, как вариант, государства. От состояния и даже от самоощущения опасности или безопасности членов сообщества зависит во многом и состояние стабильности государства.

Так как же собственно определяется социетальная безопасность? Можно выделить несколько моментов, в той или иной степени обозначенных в дефиниции социетальной безопасности: с однойстороны, сохранение устойчивости социальной системы, с другой, её способности эволюционировать, что вписывается в этом ракурсе в проблему соотношения традиций и новаций, о которой мы писали ранее (Романова, 2015, с. 3-12).

Этот момент был подчёркнут в лаконичной дефиниции Б. Бузана, определявшего социетальную безопасность как устойчивость в условиях

приемлемых для эволюции (Buzan, 1991), и в дальнейшем развёрнутой в классической дефиниции копенгагенской школы, где она рассматривается как «устойчивость [общества или сообщества – А.Р.] в условиях, не препятствующих эволюции традиционных моделей языка, культуры, религии, национальной идентичности и обычаев» (Waever&Buzan&Kelstrup&Lemaitre, 1993, p. 43).

Позднее специалист в области социетальной безопасности М. Тиел определил социетальную безопасность как одно из расширенных понятий безопасности, где в центре находится безопасность социетального сообщества по отношению к другим социетальным сообществам или институтам государства, в котором они проживают (Thiel, 2007). Таким образом, важным положением концепции социетальной безопасности является рассмотрение одного сообщества всегда соотносительно с другими, через призму оппозиции «Свой–Чужой» в определённом социальном пространстве.

КАСПИЙСКИЙ ЛОКУС ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, в фокусе исследования концепции социетальной безопасности лежит не просто коллективная культурная идентичность, представленная определённым сообществом, и наличествующие или потенциальные угрозы и вызовы, а некое социо-географическое пространство, на котором существует это сообщество со своими социокультурными, экономическими и экологическими проблемами. В зависимости от «ареала обитания» данного сообщества – например, русскоговорящего сообщества в иноговорящей среде прибалтийских государств – будет зависеть комплекс проблем, которые данное сообщество имеет в своем пространстве. В последнее время, возможно в силу географической и геополитической локализации копенгагенской школы, основным «полигоном» для применения концепции социетальной безопасности является прежде всего Балтика, что находит отражение в коллективных монографиях (Societalsecurity, 2016) и программах конференций. Положения социетальной безопасности применялись и к другим Европейским пространствам: например, к анализу ситуации с безопасностью и миграционными процессами в Испании (Perni, 2001) Эта концепция хорошо помогает понять проблемы, связанные с конфликтами, сопряжённые с классовой борьбой и классовой политикой, а также конфликтами идентичностей, например, в Руанде в 1994. Этнические конфликты в Африке дают истинное представление о том, что концепция социетальной безопасности не простой наблюдатель, а она успешно обрела там свой дом (Bosco, 2019).

Нам представляется интересным переместить локус исследования социетальной безопасности на территорию Каспийского макрорегиона. В данном случае пространством для анализа станет регион, в центре которого находитсяакватория, выполняющая важнейшие социо-экономические и экологические функции не только для пяти акторов первой линии, имеющих непосредственный выход к водоёму, но и акторов 2-й и 3-й линий в силу новой геополитической ситуации.

Поскольку в фокусе применения концепции социетальной безопасности всегда лежит определённое пространство, весьма продуктивным будет применение её и к Каспийскому макрорегиону. Это пространство уникально в силу его замкнутости на акватории, ставшей в последнее время не только источником рыбных запасов и международной транспортной артерией, но и сосредоточием углеводородных богатств. После распада СССР меняется геополитическая ситуация на Каспии. Основными акторами становятся пять независимых государств, имеющих выход к акватории. Казалось бы, проблемы государственной безопасности автоматически выдвигаются на первый план. Тем не менее долгое время большая часть акватории принадлежала одному государству, которое пыталось сформировать единую культурную идентичность – советский народ. Предполагалось, что со временем эта идентичность заместит этнические идентичности населяющих СССР народов, или, по крайней мере, будет доминировать. Распад СССР и перестройка сделали практически «внутренний» регион Каспия геополитическим объектом, представляющим интерес для многих международных акторов не только в силу политических причин, но и в силу открытия месторождений углеводородов на дне водоёма.

Поскольку на уровень жизни в Каспийском регионе во многом влияет всё, связанное с акваторией, то следует заметить, что полностью технологию анализа социетальной безопасности европейских регионов переносить в это пространство достаточно затруднительно. Также при попытках применить её к Ближнему Востоку у исследователей возникли такие вопросы, так как изначально заданные условия и векторы влияния были различными (Ahmadian, web). Для исследования степени стабильности общества исекьюритизации данного макрорегиона необходимо учитывать ещё массу факторов: геополитическую ситуацию в обозначенный период времени, миграционные потоки, обсуждение тех или иных проблем в Каспийском социуме в информационном поле, влияние внешних акторов на сложившуюся ситуацию, экологические проблемы, возникающие на Каспии, общие экономические точки соприкосновения и т.д.

С одной стороны, здесь возможно употребление термина «социетальный», поскольку мы рассматриваем в данном случае пространство социума, не как отдельную страну, а как комплекс стран, большинство из которых объединено общим прошлым, остаточными знаниями русского языка, дружескими и семейными связями, наличием этнических сообществ народов Прикаспия в большинстве регионов и межконфессиональным взаимодействием. Напомним, что большинство населения современного Прикаспия – мусульмане, но в достаточном объёме представлены православные христиане (Астраханская область) и буддисты (Республика Калмыкия).

С другой стороны, каждое государство Каспийского региона стремится упрочить свой суверенитет, отстоять свои политические и экономические интересы, построить свои политические цепочки влияния на Каспии и за его пределами, когда начинают доминировать интересы государства над интересами общества.

С нашей точки зрения, в применении к Каспийскому макрорегиону основные постулаты могут быть скорректированы сообразно специфике данного региона. Поскольку значение акватории для его населения весьма значительно, то основными могут стать несколько иные факторы, нежели в Европейском пространстве. Тем более данная концепция не является застывшей догмой, а постоянно подвергается критическому анализу.

ДИСКУССИЯ И ВЫВОДЫ

Концепция социетальной безопасности не претендует стать панацеей от всех угроз – она представляет собой скорее операциональную систему для прогнозирования конфликтных ситуаций. Более того сама концепция до сих пор остаётся весьма дискуссионной. Следует заметить, что далеко не всегда сам термин «социетальная безопасность» понимается однозначно. Так, в странах Прибалтики, Польше, Беларуси, России, по мнению Конышева В.А., «социетальная безопасность трактуется совсем не в духе Б. Бузана, а чаще всего просто как часть государственной социальной политики и политики негосударственных субъектов. Речи о противопоставлении государства и общества как различных референтов безопасности, по сути, не идёт. Скорее всего, между ними существует «социальный контракт», либо государство его всеми силами выстраивает» (Конышев, 2019).

Дискуссия вокруг концепции социетальной безопасности связана прежде всего с различием во взглядах на конструирование идентичности и с тем, какопределить референтные объекты социетальной безопасности (McSweeney, 1996, p. 81-93).

Основное противоречие между критиком концепции социетальной безопасности Б. Маккуинни и копенгагенской школой лежит в основном во взглядах на идентичность, которую Б. Бузан и его команда рассматривают как стабильный конструкт, а Максуинни как плавающий и постоянно изменяющийся. По мнению Максуинни, понятие, идентичности носит субъективистский характер» (McSweeney, 1996, p. 81-93). К тому же исследователь считает, что в связи с тем, что концепция рассматривает безопасность конкретных социетальных сообществ, например, мигрантов, она может стать политически опасной (McSweeney, 1998, p. 134).

Ещё один критик социетальной безопасности М. Уильямс утверждал, что согласно этой концепции, не оставляющей государству права представлять и защищать общество и его коллективную безопасность, государство и общество могут вступать в конфликт, поскольку «социальные» элементы оспаривают право государства принимать решения (Michae, 2003, p. 520).

Критике может быть подвергнут и референтный объект анализа – социетальное сообщество, если рассматривать общество как неограниченную совокупность сообществ. Необходимо выделить наиболее проблемные и значимые сообщества, способные наиболее существенно нарушить общественный баланс.

Несмотря на аргументы критиков, концептуальная основа теории социетальной безопасности может быть полезна в качестве аналитического

средства, связанного с прогнозированием социальных проблем и конфликтов на определённых социальных пространствах, где периодически подобные конфликты возникают. Каспийский макрорегион, имеющий столь важное значение в современной мировой политике и экономике, может стать не только интересной точкой приложения, но и поводом для трансформации данной концепции применительно к новым условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зборовский, Г.Е. (2004). *Общая социология*. Москва: Гардарики.

Конышев, В.А. (2019). Повестка безопасности для Балтийского региона: государство, общество, личность. *Балтийский регион, 11*(1), 137-143.

Леусенко, И.В. (2011). Социетальная социология: предпосылки развития и экпликация мотодологической позиции. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, *6*, 40–44.

Леусенко, И.В. *Социетальный анализ и безопасность общества*. Получено из http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/sch1_soderzhanie/Sch-1-10.pdf

Национальная педагогическая энциклопедия. Получено из http://didacts.ru/termin/societalnyi.html

Парсонс, Т. (1993). Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS*, *2*.

Романова, А.П. (2015). Традиции и инновации с позиции культурной безопасности. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология,1*(2), 3-12.

Романова, А.П., Черничкин, Д.А. (2018). Коллективная идентичность в концепции социетальной безопасности: Каспийский акцент. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, *3*, 160-167.

Hassan, A. (2019). Societal (In) Security in the Middle East: Radicalism as a Reaction? *E-International Relations*. Retrieved from https://www.e-ir.info/2019/04/24/societal-insecurity-in-the-middle-east-radicalism-as-a-reaction/

Bosco, A. (2019). *The domestication of 'societal security' of the Copenhagen school: Africa in focus*. Retrieved from https://thecfma.org/wp-content/uploads/2019/12/Societal-Security-the-Copenhagen-School_Assimwe-2019.pdf

Panic, B. (2009). Carl Schmitt and Copenhagen school of security studies. *Western Balcans Security observer*, *13*.

Buzan, B. (1991). *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era* (2nd ed.). London: Harvester Wheatsheaf

Mc Sweeney, B. (1996). Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*, *22*, 81-93.

Mc Sweeney, B. (1998). Durkeim and the Copenhagen School: a response to Buzan and Wćver. *Review of International Studies*, *24*(1).

Perni, O. (2001). Migration Flows, Societal Security and EU's Integration Process. *The Spanish Case 'European Security in the XXI century'*, Granada, 5-9 November, Workshop 7, Europe facing migration flows.

Roe, P. (2007). Societal Security. In: A. Collins. (Ed.) *Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press

Saleh, A. (2010). Broadening the Concept of Security: Identity and Societal Security. *Geopolitics Quarterly*, *6*(4), 228-241.

Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance (2018). Riga: Latvian Institute of International Affairs.

Ozoliņa, Ž (2016). Societal Security: Conceptual Framework. Societal security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A portrait of Russian-speaking community in Latvia/Editor ZanetaOzolina. *ZINATNE*, 13-28

Thiel, M. (2007). Identity, societal security and regional integration in Europe. Jean Monnet. *Robert Schuman Paper Series*, *7*, *6*, Retrieved from http://aei.pitt.edu/8175/1/Thiel_IDsocietSec_long07_edi.pdf

Waever, O., Buzan, B., Kelstrup, M. & Lemaitre, P. (1993). *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter.

Michael, W. (2003). Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics. *International Studies Quarterly*, *4*(4), 511-531.

Для цитирования: Романова, А.П. (2021). Концепция социетальной безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 55-65.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-055-065

REFERENCES

Zborovsky, G.E. (2004). *General Sociology*. Moscow: Gardariki (in Russian)

Konyshev, V.A. (2019) Thesecurityagenda for the Baltic region: State, society, personality. *Balticregion*, *11*, *1*, 137-143. (in Russian)

Leusenko, I.V. (2011). Societalsociology: preconditionsfordevelopmentand explication of methodological position. *Izvestia vuzov. North-Caucasus region. Social Sciences*, *6*, 40-44. (in Russian)

Leusenko I.V. *Societal analysis and society security*. Retrieved from http://library.isu.ru/ru/resources/elibrary/conf_works_ISU/sch1_soderzhanie/Sch-1-10.pdf (in Russian)

National Pedagogical Encyclopedia. Retrieved from http://didacts.ru/termin/societalnyi.html

Parsons, T. (1993). The Concept of Society: Components and their Relationships. *THESIS*, *2*. (in Russian)

Romanova, A.P. (2015). Traditions and innovations from the position of cultural security. *Scientific Notes of the Crimean Federal University Vernadsky, V.I. Philosophy. PoliticalScience. Culturology*, *1* (67), *2*, 3-12. (in Russian)

Romanova, A.P. & Chernichkin, D.A. (2018). Collective identity in the concept of societal security: The Caspianaccent. *Caspian region: politics, economy, culture*, *3*, 160-167. (inRussian)

Hassan, A. (2019) Societal (In) Security in the Middle East: Radicalism as a Reaction? *E-International Relations.* Retrieved from https://www.eir.info/2019/04/24/societal-insecurity-in-the-middle-east-radicalism-as-areaction/

Bosco, A. (2019). The domestication of 'societal security' of the Copenhagen school: Africa in focus. Retrieved from https://thecfma.org/wpcontent/uploads/2019/12/Societal-Security-the-CopenhagenSchool_Assimwe-2019.pdf

Panic, B. (2009). Carl Schmitt and Copenhagen school of security studies. *Western Balcans Security observer*, *13*.

Buzan, B. (1991). *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era* (2nd ed.). London: Harvester Wheatsheaf.

Mc Sweeney, B. (1996). 'Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*, *22*, 81–93.

Mc Sweeney, B. (1998). 'Durkeim and the Copenhagen School: a response to Buzan and Wćver. *Review of International Studies, 24* (1).

Perni, O. (2001). Migration Flows, Societal Security and EU's Integration Process. *The Spanish Case 'European Security in the XXI century'*, Granada, 5-9 November, Workshop 7, Europe facingmigrationflows.

Roe, P. (2007). Societal Security. In: Collins, A. (Ed.) *Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press

Saleh, A. (2010). 'Broadening the Concept of Security: Identity and Societal Security'. *Geopolitics Quarterly*, *6* (4), 228-241.

Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance (2018). Riga: Latvian Institute of International Affairs.

Ozoliņa, Ž. (2016). Societal Security: Conceptual Framework. Societal security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A portrait of Russian-speaking community in Latvia/Editor ZanetaOzolina, *ZINATNE*, 13-28.

Thiel, M. (2007). Identity, societal security and regional integration in Europe. Jean Monnet. *Robert Schuman Paper Series*, *7, 6*. Retrieved from http://aei.pitt.edu/8175/1/Thiel_IDsocietSec_long07_edi.pdf

Waever, O., Buzan, B., Kelstrup, M. & Lemaitre, P. (1993). Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London: Pinter.

Michael, W. (2003) 'Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics'. *International Studies Quarterly*, *47* (4), 511 – 531.

For citation: Romanova, A.P. (2021). The Concept of Societal Security: Theory, Discussion, and Caspian Perspectives.*Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(1), 55-65.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-055-065

SOCIO-ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC THREATS TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE CASPIAN SEA REGION

Natalia L. Kurepina

Doctorof Economics, Professor
Kalmyk State University named after. B.B. Gorodovikov, Russia, Elista
E-mail: kurepinanl@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2901-6463

ABSTRACT

Stable economic development, timely neutralization of challenges and threats are the most important prerequisites for economic security of Russia and its regions. Uneven spatial development of the Russian Federation and the increasing differentiation in the regional development are listed as the main challenges and threats to economic security in the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030.

The socio-economic development of the Caspian regions is characterized by significant disparities, which determined the purpose of the research. Particular attention is paid to the study of inter-regional differentiation as a threat to economic security.

An analytical review of the indicators of socio-economic development in these constituent territories of the Russian Federation allowed for identification of various risks and threats to economic security. The analysis allowed the author to conclude that when assessing threats to the economic security of the regions, it is necessary to take into account territorial, sectoral features, multi-ethnicity, etc. Hence, it is necessary to enhance the quantitative assessment indicators, complementing them with qualitative level indicators.

In order to achieve the necessary objectivity, depth and comprehensiveness in understanding, taking into account the realities of modernity, the author recommends assessing state's economic security in the regions and the policy of ensuring it from an interdisciplinary perspective, relying on economic science as well as on other areas of scientific knowledge.

KEYWORDS

Caspian Sea regions; socio-economic development imbalances; risks and threats to economic security.

СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Курепина Наталья Леонидовна

доктор экономических наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Россия, Элиста
E-mail: kurepinanl@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2901-6463

АННОТАЦИЯ

Стабильное экономическое развитие, своевременная нейтрализация вызовов и угроз является важнейшим условием обеспечения экономической безопасности России и ее регионов. Неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации в развитии регионов отнесены в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года к основным вызовам и угрозам экономической безопасности.

Социально экономическое развитие регионов Прикаспия характеризуется значительными диспропорциями, что и определило цель исследований. Особое внимание уделено исследованию межрегиональной дифференциации как угрозы экономической безопасности.

Аналитический обзор показателей социально-экономического развития в данных субъектах РФ позволил выявить риски и угрозы экономической безопасности, имеющие различную природу возникновения. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод, что при оценке угроз экономической безопасности регионов необходимо учитывать территориальные, отраслевые особенности, полиэтничность и др. Поэтому необходимо значительно расширить количество показателей оценки, дополнив показателями качественного уровня.

Для достижения необходимой объективности, глубины и всесторонности осмысления с учетом реалий современности автором рекомендуется оценивать состояние экономической безопасности в регионах политику ее обеспечения с междисциплинарных позиций, опираясь как на экономическую науку, так и на другие области научного знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

регионы Прикаспия; социо-экономические диспропорции развития; риски и угрозы экономической безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение экономической безопасности субъектов РФ Прикаспийского региона как пространства со сложными социально-экономическими, экологическими, этнополитическими условиями имеет стратегическое значение. Подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря внесло определенные позитивные сдвиги в развитии Прикаспийского региона, однако существуют нерешенные проблемы в сфере обеспечения безопасности и устойчивого развития.

На протяжении последних десятилетий для субъектов РФ характерны диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов. Меры Правительства РФ по преодолению такой диспропорции, намеченные Стратегией национальной безопасности до 2020, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 привели к положительным результатам, однако не получили окончательного решения.

Дальнейшие стратегические цели и задачи по «обеспечению сбалансированного пространственного и регионального развития РФ» отражены в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 (далее Стратегии 2030). С целью сокращения межрегиональной дифференциации развития субъектов РФ планируется совершенствование системы территориального планирования и национальной системы расселения.

Е.М. Бухвальд (2019, с.637) считает, что в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. недостаточно проработаны проблемы регионального развития, достижения «позитивного экономического выравнивания субъектов Российской Федерации, что прямо соответствует требованиям национальной безопасности страны». Нормативно-правовая база системы обеспечения экономической безопасности РФ за прошедшие десятилетия претерпела значительные изменения, часть из ранее принятых документов утратили силу.

Понятие «экономическая безопасность» получило законодательное закрепление в принятой в 1996 г. Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 и действовавшей до принятия Стратегии 2030. Данная стратегия положила начало исследованию понятийно-терминологического аппарата экономической безопасности. До законодательного закрепления термина «экономическая безопасность», который получил развернутое определение в Стратегии 2030, мнения ученых в его определении не отражали единого подхода: Л. Абалкин (1994), Г.С. Вечканов (2007), Е. Олейников (2005), В.К. Сенчагов (2005). (рис.1)

Экономическая безопасность включает множество отдельных направлений исследования, таких как военная, промышленная, энергетическая,

продовольственная, экологическая безопасность и др., а также объектов исследования – страна – регион – отрасль - предприятие- человек.

Методологические основы экономической безопасности заложены в трудах В. К. Сенчагова (2005, 2017), под его руководством проведены исследования региональной безопасности субъектов РФ, определены уровни угроз по различным направлениям обеспечения экономической безопасности,

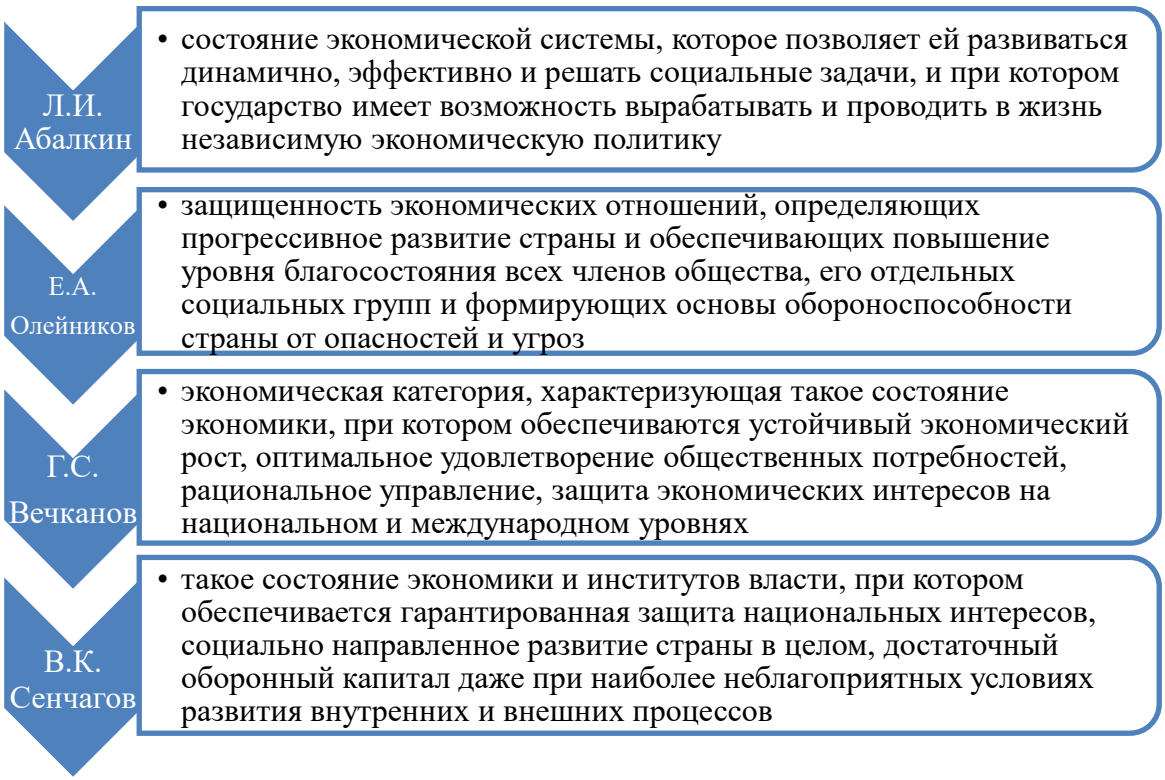

Рисунок 1. Определения понятия «экономическая безопасность»

В последнее десятилетие развернулись работы по диагностике и оценке угроз экономической безопасности российских регионов. Развитие данного направления исследований вызвано необходимостью своевременного предотвращения развития кризисных процессов, нейтрализации угроз.

Наиболее распространенными методическими подходами оценки угроз экономической безопасности можно определить индикативный, рейтинговый и интегральный. Однако следует отметить, что имеющиеся разработки вызывают много дискуссий и споров, поэтому поиск наиболее информативных и объективных показателей оценки угроз находится в динамическом движении.

Индикативный подход был применен учеными Нижнего Новгорода (Митяков и др., 2014), которые под руководством В.К. Сенчагова разработали систему индикаторов для диагностики угроз по следующим видам безопасности: промышленная, энергетическая, продовольственная, бюджетно-финансовая и кадровая. Проведена оценка угроз, в соответствии с которой регионы России

классифицированы по пяти градациям от стабильного состояния до катастрофического.

Индикативная динамическая модель оценки изменений в состоянии безопасности региональной экономики, разработанная с учетом «качества экономического роста, качества предпринимательской активности, диверсификации экономики и благосостояния населения» была применена при оценке Уральского региона. (Цветков&Дудин&Лясников, 2019, с. 11).

Учеными Уральского отделения РАН исследования ведутся по разным направлениям оценки угроз региональной экономической безопасности. Для оценки социально – экономического состояния территории, они предлагают использовать «индекс благосостояния личности и территории проживания», который позволил авторам выделить кризисные зоны. (Куклин & Коробков, 2018, с. 1145).

Учеными Сибирского отделения РАН в основе методики оценки уровней экономической безопасности субъектов Российской Федерации применяют метод квантификации показателей оценки, нормирование и расчет обобщающих индикаторов для групп нормированных показателей. Угроза объекту определяется как «ситуация, приводящая к ухудшению ситуации на данном объекте», то есть угроза определяется как функция от аргументов: ситуация, ухудшение, объект (Казанцев, 2014, с. 31).

Представитель Петербургской школы исследователей экономической безопасности (Сигов, 2017, с. 329) предлагает использовать метод циклической градации и проводить оценку угроз объекта как экономического пространства, включающего в себя социальный и отраслевой блоки.

Факторно-кластерный анализ для оценки социально-экономического развития регионов применяют ученые республики Крым (Пискун &, Хохлов, 2019, с. 365). Последнее время направление исследований в области социетальной и культурной безопасности получило свое развитие как в зарубежных, так и российских исследованиях (Романова, 2017, с. 115), (Шишаев & Яковлев, 2017).

Экологическую безопасность большинство авторов связывают с глобальными причинами возникновения угроз, с ростом численности населения планеты, загрязнения атмосферы и водных ресурсов, потерей биоразнообразия и другими экологическими проблемами. Проблема обеспечения экологической безопасности на современном этапе исследований в большей степени стала увязываться с условиями обеспечения качества проживания человека, созданием комфортной и безопасной среды, предупреждения негативного воздействия, связанного с деятельностью производственных объектов (Курепина, 2019).

Для диагностики эколого-социальных угроз ученые используют интегральную оценку показателей экологического состояния и его влияние на жизнедеятельность населения региона (Хильченко & Атаманова & Славиковская, 2020, с. 54).

Исследование работ по региональной экономической безопасности показало, что, как правило, ее связывают с понятием стабильного устойчивого развития, то есть рассматривают регион в сугубо экономических или политико-правовых параметрах. Однако каждому субъекту свойственны значительные региональные

особенности геополитического, природного, отраслевого, экологического, этнокультурного, этноконфессионального характера. Регион зачастую еще и сложная в этнокультурном смысле общность, данный маркер было бы неправильно игнорировать. Особенно в субъектах РФ Прикаспийского региона – этнически и религиозно разнородного пространства с неустойчивой геополитической ориентацией.

Исследование проблем обеспечения экономической безопасности - тема достаточно обширная и затрагивает различные аспекты. В данной статье мы рассмотрели только отдельные диспропорции в развитии субъектов РФ Прикаспийского региона.

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ отдельных аспектов обеспечения социо-экономической безопасности в Астраханской области, Республиках Дагестан и Калмыкия, который показал, чтопроизошли определенные позитивные сдвиги по преодолению территориальной дифференциации. Однако, следует отметить, что диспропорции в социально-экономическом развитии регионов сохраняются.

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Формат статьи не позволяет раскрыть весь объем результатов исследования, поэтому остановимся на краткой характеристике наиболее серьезных для региона угроз экономической безопасности: в реальном секторе экономики; социальной и экологической сферах.

Проведенный анализ за последние пятнадцать лет показал, что разрыв в уровне между регионами Российской Федерации остается на достаточно высоком уровне, в 19 регионах ВРП значительно превышает среднероссийские показатели, в отдельных из них более чем в десять раз. На протяжении анализируемого периода данный показатель в Астраханской области и республике Дагестан был в два раза ниже среднероссийского, республики Калмыкия - в четыре раза (табл. 1).

Таблица 1. Валовый региональный продукта на душу населения, руб.

	2005	**2010**	**2017**
Российская Федерация	125658.7	263828.6	510253.1
Южный федеральный округ	67566,0	168773,2	326244,5
Астраханская область	69814.0	143388,8	413440,6
в % к среднероссийскому показателю	55.6	54.3	54.3
Республика Дагестан	33839.8	94883.6	204197.4
в % к среднероссийскому показателю	26.9	36.0	40.0
Республика Калмыкия	33017.9	84359.4	240454,4
в % к среднероссийскому показателю	26.3	26.3	26.3

Валовый региональный продукт на душу населения в субъектах Южного федерального округа ниже среднероссийского уровня, минимальные показатели в республике Крым - 36.8%, в республике Калмыкия - 47.1% или в 3.8 раза ниже максимального показателя по РФ.

Проведенный анализ развития реального сектора экономики Калмыкия показал его неразвитость, отрицательную динамику не только в объемах производства, но и по численности предприятий, которая с 2005 года уменьшилась более чем в четыре раза, а по сравнению с 2010 годом более чем в два раза и составила в 2018 году - 4072, в том числе сельскохозяйственных угодий - 302 или 7.4%, строительство – 347 или 8.5% и торговля – 834 или 20.5%.

Анализ развития рыночных факторов, прежде всего инвестиций, конкуренции, инноваций, предпринимательства показал, что они находятсяеще в недостаточно развитом состоянии и должны раскрывать и реализовывать свой ресурс. В Астраханской области инвестиции на душу населения в 2018 году составили 105016 руб. или 87,6% к среднероссийскому уровню, республике Дагестан 65620 руб. или 54,8%, республике Калмыкии 47341 руб. или 39,5%.

Для исследуемого региона характерен высокий уровень инвестиционных рисков, обусловленных отраслевой и природно-климатической спецификой региона. Удельный вес инвестиций в одну из основных отраслей региона - сельскохозяйственную остается на крайне низком уровне и составил в 2018 году: в РФ - 3,6%, в субъектах южного федерального округа - 5,2 %, в частности, в Астраханской области – 1,8%, республике Дагестан – 6,8%, республике Калмыкия – 3,3%.

Включение инвестиционного мультипликатора, как считает Р. М. Нижегородцев (2016), является одним из естественных способов нивелирования углублений в социально-экономическом расслоении российских регионов.

Проведенный анализ производства ВРП, инвестиционной активности, объемов производства свидетельствует о диспропорциях в развитии регионов Прикаспия, неразвитости реального сектора экономики, недостаточных объемах инвестиций, слабой инновационной активности.

Исследование социальной сферы свидетельствует о некоторых позитивных изменениях, так доля населения проживающего за чертой бедности в РФ снизилась с 17,8% в 2005 году до 12.6% в 2018 году, порог экономической безопасности (10%) преодолен, хотя только в семнадцати регионах в 2005 году к данной группе относилось всего три региона.

Высок процент бедного населения и в исследуемых субъектах РФ Прикаспийского региона, в Астраханской области 15.1 %, республике Дагестан - 14,7 %, при ранжировании регионов по уровню бедности они вошли во вторую группу (10-20%), республика Калмыкия с показателем 23.6% - в третью группу (20-30%).

В настоящее время в Астраханской области и республике Дагестан отмечается негативная тенденция роста численности населения, живущего за чертой бедности, соответственно с 14,1% в 2010 году до 15,1% и с 11.0% до 14,7%.

В республике Калмыкия сохраняется тенденция снижения данного показателя с 29,5% до 23,6% (рис. 1).

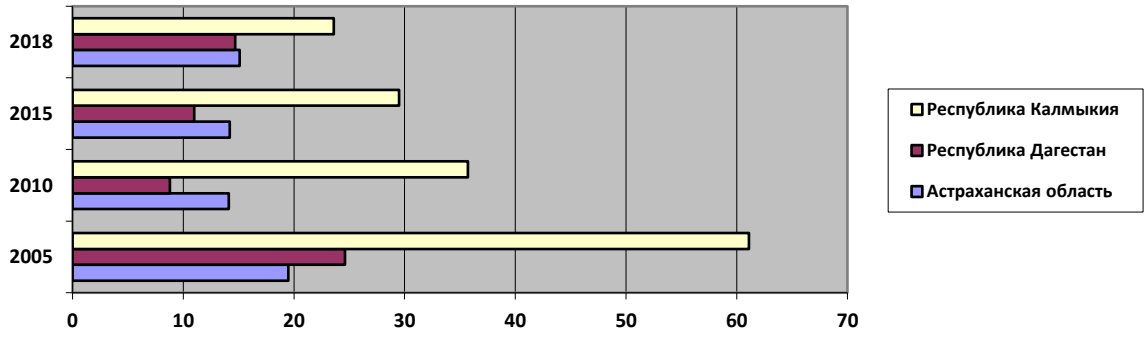

Рисунок 2. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, %

Количество регионов, треть населения которых находилась за чертой бедности, сократилось с 11 в 2005 году до двух в 2018 году, в 2017 году к данной группе относилась и республика Калмыкия.

Из позитивных факторов следует сокращение разрыва уровня среднедушевых денежных доходов населения в исследуемых регионах к среднероссийскому уровню: в Астраханской области с 66,2% до 71,2%, республике Дагестан с 45.2% до 75.8% и республике Калмыкия с 29,6% до 51,5%, однако данный показатель на протяжении анализируемого периода остается ниже среднероссийского (табл. 2.).

Таблица 2. Уровень доходов населения

		2000	**2005**	**2010**	**2015**	**2018**
Среднедушевые денежные доходы (в месяц) руб.,	РФ	2281	8088	18958	30467	33178
	Астраханская область		5356	14697	24057	23670
	Республика Дагестан		3660	10244	19239	25155
	Республика Калмыкия	979	2392	7774	14230	17082
В % к средне-российскому показателю	Астраханская область		66.2	77.5	79.0	71.3
	Республика Дагестан		45.2	54.0	63.1	75.8
	Республика Калмыкия	42.9	29.6	41.0	46.7	51.5

Низкий уровень доходов в республике Калмыкия связан с отраслевой структурой, где значительный удельный вес приходится на низкодоходную аграрную отрасль.

Исследования показали, что сокращение диспропорции в уровне доходов населения регионов происходит не за счет развития предпринимательской деятельности, доля от которой в структуре доходов населения крайне низка: в Астраханской области - 6,5%, республиках Дагестан – 5,6% и Калмыкия- 11,5%, а за счет роста социальных выплат, доля которых соответственно 20,0%; 14,2%; 28,8%. Такая структура доходов населения свидетельствует о неразвитости предпринимательства и как следствие о недостаточной занятости населения

регионов, что предопределило высокий уровень миграции населения в более благополучные регионы в поисках работы.

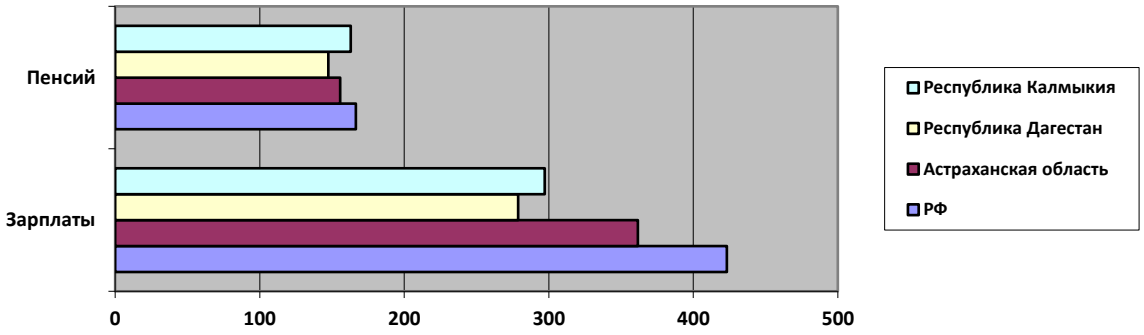

Рисунок 3. Соотношение с величиной прожиточного минимума, 2018 год, %

Рейтинг регионов по основным социально-экономическим показателям продемонстрировал то, что субъекты Прикаспийского региона по отдельным показателям являются аутсайдерами (табл.3).

Таблица 3. Место субъектов РФ Прикаспийского региона в российском рейтинге по показателям социально-экономического развития, 2018 год

	ВРП на душу населения	**Инвестиции на душу населения**	**Среднедушевые денежные доходы (в месяц)**	**Среднемесячная номинальная заработная плата**	**Уровень безработицы**
Астраханская область	31	26	61	41	69
Республика Дагестан	76	57	46	85	81
Республика Калмыкия	66	74	83	79	76

Особо следует отметить республику Калмыкия, которая несмотря на определенные сдвиги в экономическом развитии по-прежнему остается на последних местах по уровню жизни, так, по уровню среднедушевых доходов – 84 место и др.

Таким образом, исследование отдельных основных экономических показателей регионов Прикаспия показало наличие значительных диспропорций в их социально-экономическом развитии, почти все рассмотренные показатели значительно ниже среднероссийского уровня. Более благополучной на фоне республик Дагестан и Калмыкия выглядит Астраханская область. Так, уровень ВРП на душу населения в % к среднероссийскому показателю соответственно составляет 40.0%; 26,3% и 54,3%. Однако и в Астраханской области данный показатель в два раза ниже среднероссийского уровня.

УГРОЗЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экологические проблемы исследуемой территории обусловлены природно-климатическими условиями аридной зоны Юга России. По данным Доклада «О состоянии и использовании земель в Республике Калмыкия в 2018 году» (2019) процессам дефляции подвержено более четырех тысяч гектар земель республики Калмыкия, более двух тысяч гектар - процессам засоления. Значительные площади подвержены процессам дезертификации. Для пахотных угодий Калмыкии характерны угрозы в виде процессов дегумификации, дефляции, то есть ветровой и водной эрозии.

Аридность климата в значительной степени отражается на условиях проживания населения, но и на результатах сельскохозяйственного производства.

Высокая степень зависимости сельскохозяйственного производства от природного-климатических условий предопределяет вариабельность объемов производства и отражается на финансовых результатах предприятий аграрной отрасли. Минимальные валовые сборы зерновых культур отмечались в Астраханской области в 2013 году - 25.3 тыс. тонн, республиках Дагестан и Калмыкия в 2012 году, соответственно 159.2 тыс. тонн и 160.8 тыс. тонн, максимальные в 2019 году, соответственно 40.9, 403.2 и 639.8 тыс. тонн.

Таблица 4. Среднегодовые объемы производства зерна за 1990-2019 гг.

Годы	Астраханская обл.		Дагестан		Калмыкия	
	Тыс.тонн	Базовый индекс, %	Тыс.тонн	Базовый индекс, %	Тыс.тонн	Базовый индекс, %
1990-1995	148.1	100.0	350.7	100.0	532.1	100.0
1996-2000	67.0	45.2	239.7	68.3	253.7	47.7
2001-2005	42.9	29.0	312.1	89.0	350.8	66.0
2005-2010	40.1	27.0	229.1	65.3	328.8	61.8
2011-2015	32.5	21.0	269.8	76.9	274.2	51.5
2016-2019.	36.1	24.4	390.4	111.3	551,2	103.6

Анализ качественных показателей производства продукции растениеводства по субъектам Южного федерального округа показал, что максимальная урожайность зерновых отмечена в 2018 году в Краснодарском крае -52,9ц/га, минимальная в Волгоградской области -19,3ц/га, в республике Калмыкия - 22,9ц/га, Астраханской области - 27,1ц/га.

Уменьшение объемов производства зерна связано со значительным уменьшением посевных площадей, так, в республике Калмыкия с 726.6 тыс. га в 1990 г. до 285,8 тыс. га в 2018 году, что более чем в два раза, в том числе под зерновыми соответственно 403,2 и 248,8 тыс. га.

Тем не менее, угрозы эколого-экономической безопасности регионов Прикаспия не нашли своего отражения в проведенной оценке экономической безопасности регионов России (Сенчагов, 2014), в которой учитывалась только степень загрязненности водных ресурсов, атмосферы и лесовосстановление. (табл. 5).

Таблица 5. Оценка экологического состояния регионов Прикаспия (по данным В.К. Сенчагова, 2014)

Индикатор	Регионы	Степень риска
Сброс загрязненных сточных вод, тыс.м3/км2	Астраханская область	Зона критического риска
	Республика Дагестан	Зона критического риска
	Республика Калмыкия	Зона стабильного развития
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, т/км2	Астраханская область	Зона критического риска
	Республика Дагестан	Зона значительного риска
	Республика Калмыкия	Зона стабильного развития
Лесовосстановление (доля восстановленных лесов (%)	Астраханская область	Зона критического риска
	Республика Дагестан	Зона стабильного риска
	Республика Калмыкия	Зона стабильного развития

Такой подход к оценке экологической безопасности, по-нашему мнению, не учитывает значительного числа угроз, характерных для исследуемого региона, таких как сокращение посевных площадей, деградацию растительного покрова, опустынивание и др.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что при оценке угроз экономической безопасности регионов необходимо учитывать территориальные, отраслевые, экологические и др. особенности. Поэтому необходимо значительно расширить количество показателей оценки, дополнив показателями качественного уровня, экспертные оценки специалистов разных научных направлений. Для достижения необходимой объективности, глубины и всесторонности осмысления с учетом реалий современности рекомендуется оценивать состояние экономической безопасности в регионах и политику ее обеспечения с междисциплинарных позиций, опираясь как на экономическую науку, так и на другие области научного знания – социологию, политологию, экологию, правоведение и иные.

Одним из эффективных инструментов оценки угроз экономической безопасности является мониторинг. Для прогнозирования угроз экономической безопасности регионов нами предложена схема регионального мониторинга, включающая различные блоки.

Для проведения мониторинга предлагается использовать независимых экспертов, ученых экономистов, политологов, социологов, экологов, юристов, с вовлечением в процесс студентов старших курсов. Возможности для развития

личности закладываются в среднесрочной и долгосрочной перспективе путем вовлечения молодежи в научно-исследовательские разработки. В этих целях предлагается создать центры мониторинга при научных или высших образовательных учреждениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. №608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» (утратил силу). (1996). Информационно-правовая система «Гарант».

Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» Основных положениях)» (утратил силу). (2009). Информационно-правовая система «Гарант».

Указ Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». (2017). Информационно-правовая система «Гарант».

Абалкин, Л.И. (1994). Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*, *12*.

Бухвальд, Е.М., Кольчугина, А.В. (2019). Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. *Экономика региона*, *15*(3), 631-643. https://doi.org/10.17509/2019-3-1

Вечканов, Г.С. (2007). *Экономическая безопасность.* Санкт-Петербург: Питер.

Казанцев, С.В. (2014). *Защищенность экономики регионов России*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Куклин, А.А. & Коробков И.В. (2018). Выбор эффективной траектории социально-экономического развития территории. *Экономика региона*, *14*(4), 1145-1155. https://doi.org/10.17509/2018-4-7

Куклин, А.А. (2014). Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ. *Фундаментальные исследования, 6*(10), 142-145.

Курепина, Н.Л. (2020a). *Методологический инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона*. Элиста: Изд-во Калм. ун-та.

Курепина, Н.Л. (2020b). Сравнительный анализ и оценка экономической безопасности регионального развития. *Экономическая безопасность*, *3*(2), 207-218.

Нижегородцев, Р.М. (2016). Экономическая безопасность депрессивных регионов. Известия *Волгоградского государственного технического университета*, *186*(7), 8-12.

Олейников, Е.А. (2005). *Экономическаяи национальная безопасность.* Москва: «Экзамен».

Пискун, Е.И., Хохлов, В.В. (2019). Экономическое развитие регионов Российской Федерации: факторно - кластерный анализ. *Экономика региона*, *15*(2), 363-376. https://doi.org/10.17509/2019-2-5

Регионы России. Социально-экономические показатели. (2019). *Стат. сб*. Москва: Росстат.

Романова, А.П., Топчиев, М.С., Рогов, А.В. (2017). Культурная безопасность Астраханского региона глазами молодежи. *Каспийский регион: политика, экономика, культура, 4* (53), 113-124.

Сигов, В.И., Песоцкий, А.А. (2017). Экономическая безопасность региона: современные методические аспекты. *Вестник гражданских инженеров, 65*(6), 328-332.

Шишаев, М.Г. Яковлев, С.Ю. (2017). Концептуальные основы оценки социетальной безопасности как фактора устойчивого развития региона. *Труды Кольского научного центра РАН, 8*.

Сенчагов, В. К. (2005). *Экономическая безопасность России.* Москва: Дело.

Сенчагов, В.К. (2014). *Экономическая безопасность регионов России.* Нижний Новгород.

Хильченко, Н.В., Атаманова, Е.А., Славиковская, Ю.О. (2020). Диагностика эколого-социальных угроз развития территории. *Экономика региона*, *16*(1), 43-58. https://doi.org/10.17509/2020-1-4

Цветков, В.А., Дудин, М.Н., Лясников, Н.В. (2019). Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона. *Экономикарегиона*, *15*(1), 1-12. https://doi.org/10.17509/2019-1-1

Kurepina, N., Tsatkhlanova, T., Pavlova, N., Erendzhenova, D. (2020). Comparative Analysis of Methodological Approaches to Assessing Threats to Environmental and Economic Security. *Lecture Notes in Networks and System.Springer Nature Switzerland AG*. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5

Для цитирования: Курепина, Н.Л. (2021). Социо-эколого-экономические угрозы Экономической безопасности Прикаспийского региона. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 66-80.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-066-080

REFERENCES

The Decree of the President of the Russian Federation of April 29, 1996 No. 608 “On the State Strategy of Economic Security of the Russian Federation (General provisions)” (invalidated). (1996). Legal information system “Garant”. (in Russian).

The Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 No. 537 “On the Strategy of the National security of the Russian Federation until 2020 (General provisions)” (invalidated). (2009). Legal information system “Garant”. (in Russian).

The Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 “On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030” (2017). Information and legal system “Garant”. (in Russian).

Abalkin, L.I. (1994). Economic Security of Russia: Threats and Their reflection. *Economic issues*, *12*. (in Russian).

Buchwald, E.M. & Kolchugina A.V. (2019). Strategy of spatial development and national security priorities of the Russian Federation. *Regional Economy*, *15* (3), 631-643. https://doi.org/10.17509/2019-3-1 (in Russian).

Vechkanov, G.S. (2007). *Economic security*. St. Petersburg: Peter Publ. (in Russian).

Kazantsev, S.V. (2014). *Protection of the economy of the regions of Russia*. Novosibirsk: IEIE SB RAS. (in Russian).

Kuklin, A.A. & Korobkov I.V. (2018). Choosing an effective trajectory socio-economic development of the territory. *Economy of the region*, *14*(4), 1145-1155. https://doi.org/10.17509/2018-4-7 (in Russian).

Kuklin, A.A. (2014). Economic security of regions: theoretical and methodological approaches and comparative analysis. *Fundamental research*, 6(10), 142-145. (in Russian).

Kurepina, N.L. (2020). *Threat Assessment Methodological Toolkit economic security of a multi-ethnic region*. Elista: Publishing house Kalmyk University. (in Russian).

Kurepina, N.L. (2020). Comparative analysis and assessment of economic security of regional development. *Economic security*, *3*(2), 207-218. (in Russian).

Nizhegorodtsev, R.M. (2016). Economic security of the depressed regions (pp. 8-12). *Bulletin of the Volgograd State Technical University*, *7*(186), 8-12. (in Russian).

Oleinikov, E.A. (2005). *Economic and national security*. Moscow: Exam Caspium Securitatis.

Piskun, E.I. & Khokhlov V.V. (2019) Economic development of the Russian Federation regions: factor-cluster analysis (pp. 363-376). *Economy region*, *15*(2), 363-376. https://doi.org/10.17509/2019-2-5 (in Russian).

Regions of Russia. Socio-economic indicators. (2019). *Stat. Sat*. Moscow: Rosstat. (in Russian).

Romanova, A.P., Topchiev, M.S., & Rogov A.V. (2017). Cultural security Astrakhan region through the eyes of youth. *Caspian region: politics, economics, culture*, *4*(53), 113-124. (in Russian).

Sigov, V.I. & Pesotsky A.A. (2017). Economic security of the region: modern methodological aspects. *Bulletin of Civil Engineers*, *6* (65), 328-332. (in Russian).

Shishaev, M.G. & Yakovlev S.Yu. (2017). Conceptual framework for assessment societal security as a factor of sustainable development of the region. Proceedings *of the Kolsky Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, *8*. (in Russian).

Senchagov, V.K. (Eds). (2005). *Economic security of Russia*. Moscow: Business. (in Russian).

Senchagov, V.K. (Eds). (2014). *Economic security of Russian regions*. Nizhny Novgorod. (in Russian).

Khilchenko, N.V., Atamanova, E.A. & Slavikovskaya Yu.O. (2020) Diagnostics of ecological and social threats to the development of the territory. *Economy of the region*, *16* (1), 43-58. https://doi.org/10.17509/2020-1-4 (in Russian).

Tsvetkov, V.A., Dudin, M.N., & Lyasnikov N.V. (2019). Analytical approaches to the assessment of the economic security of the region. *Economy of the region*, *15*(1), 1-12. https://doi.org/10.17509/2019-1-1 (in Russian).

Kurepina N., Tsatkhlanova T., Pavlova N., Erendzhenova D. (2020). The Comparative Analysis of Methodological Approaches to Assessing Threats to Environmental and Economic Security. *Lecture Notes in Networks and System. Springer Nature Switzerland AG*, 885-894. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5 (in Russian)

For citation: Kurepina, N.L. (2021). Socio-environmental and economic threats to the economic security of the Caspian sea region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(1), 66-80.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-066-080

A STUDY OF FAMILY ADVOCATE LAWS AND POLICIES IN IRAN (POST-ISLAMIC REVOLUTION)

Seyedeh Rezvaneh Mokhtari
Ph. D candidate in Clutural Studies
Astrakhan State University, Russia, Astrakhan.
E-mail: mohtarisr@asu.edu.ru

Behrooz Mokhtari
Doctor of International Relations.
Link Campus University, Rome, Italy.
E-mail: behrooz.mokthari@linkstudents.it

ABSTRACT

The study of social developments in Iran indicates slow but wide-ranging changes in recent years. With the Islamic Revolution (1979), Iranian society gradually faced increasing waves of fundamental cultural changes. The Islamic Republic of Iran, as the crossroads of Islam and modern law, considers the family as the fundamental unit of society and a sacred institution and therefore has always advocated “family. Based upon the tenth article of the Iranian constitution all laws, legal measures, regulations, and planning related to the family must be based on Islamic law and ethics (Islamic sharia) in order to facilitate its formation, protect its sanctity and strengthen family relations. The number of laws and policies and bills that were introduced in the period after the victory of the Islamic Revolution and in direct or indirect connection with the family institution is proof of this claim. This qualitative research has studied those policies and laws (1979 to 2020) that have represented the aim of advocating “Family”. Critical analysis has been used in the text as amethod of research. According to the results of the analysis, while “Governmental” reactions to “Family” issues have been mostly of economic essence and conservative approach, “Judicial” reactions have remained more responsible in case of addressing the contemporary problems of the “Family” institution. It is noteworthy that a review of legal policies shows that changes in the institution of the family have been identified by the government. A finding that shows the relative independence of the legal sphere from the sphere of government action. After the Iranian revolution, policies and programs have been implemented to support the family in the face of the challenges of modernization. Therefore, the purpose of this essay is to study the changes and developments of the family in the context of law and policy making and its impact on Iranian policy in the field of family.

KEYWORDS

Iran; Family support; Family institution; Developments in Family law; Policy making.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОВ И ПОЛОЖЕНИЙ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ИРАНЕ (ПОСТ-ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ)

Сейедех Резванех Мохтари
аспирант кафедры культурологии
Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: mohtarisr@asu.edu.ru

Бехруз Мохтари
Доктор международных отношений.
Link Campus University, Рим, Италия
E-mail: behrooz.mokthari@linkstudents.it

АННОТАЦИЯ

Изучение социального развития в Иране указывает на медленные, но широкомасштабные изменения, произошедшие в последние годы. После Исламской революции (1979 г.) иранское общество столкнулось с нарастающими волнами фундаментальных культурных изменений. Исламская Республика Иран, являясь перекрестком ислама и современного права, рассматривает семью как основную ячейку общества и священный институт, поэтому всегда ее поддерживает. В соответствии с десятой статьей иранской конституции все законы, правовые меры, положения и планирование, касающиеся семьи, должны основываться на исламском праве и этике (исламском шариате) для того, чтобы способствовать ее формированию, защищать ее святость и укреплять семейные отношения. Доказательством этого является количество законов и положений, а также законопроектов, которые были приняты в период после победы исламской революции и имеют прямую или косвенную связь с институтом семьи.

В рамках данного исследования были изучены те положения и законы (1979-2020 годы), которые имели своей целью пропагандировать "Семью". Методом исследования стал критический метод. Согласно результатам анализа, в то время как "Правительственные" реакции на "Семейные" вопросы в основном имели экономическую сущность и консервативный подход, "Судебное" право отвечало за решения современных проблем института "Семьи".

Примечательно, что обзор правовых положений показывает, что изменения в институте семьи были инициированы правительством. В итоге мы можем свидетельствовать об относительной независимости правовой сферы от сферы деятельности государства. После иранской революции политика и программы были направлены на поддержку семьи перед вызовами модернизации. Поэтому целью данной статьи является изучение изменений в развитии семьи в контексте процесса выработки политики и политической деятельности, их влияние на иранскую политику в области семьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран; поддержка семьи; семья как социальный институт; развитие семейного права; процесс выработки политики.

INTRODUCTION

The Iranian family, as one of the main social institutions in this country, has undergone many changes in recent decades. Family cultural anthropologists in Iran believe and argue that modernization is the most important factor in family change in this country. In Iran, after the arrival of modernization in the country, the family institution has experienced several changes in recent decades. According to the information and statistics available in the Civil Registration Organization of Iran, the number of registered marriages has decreased every year, and at the same time, the number of registered divorces has increased. This means that the number showing the ratio of marriage to divorce is getting smaller every year. The official website of the Civil Registration Organization defines the ratio of marriage to divorce, which shows the ratio of the total number of registered marriages to the total number of divorces registered in one year across the country. The marriage-to-divorce ratio decreased by about 4 digits between 2003 and 2015, from 10.5 in 2003 to 6.6 in 2018; This means that one divorce case was registered for every six marriages registered in 2018. This issue, along with increasing the age of marriage, increases the need to address these changes from different angles and shows that there is no significant relationship between the ideal criterion of governance in the field of family and social change. One of the influential areas that needs to be considered is family policies and regulations. This study begins the examining of the issue from the field of policy-making in order to be able to examine the formed distinctions between legal and governmental policies in a more detailed way. . Furthermore, since the subject of our study is the laws, bills, and policies that have been proposed or adopted during the post-Islamic Revolution period in Iran; these texts were categorized and their main themes were extracted using text content analysis technique and rules and policies. Iran, like other developing countries, has been taking steps towards modernization for several decades, and as a result, it is experiencing significant changes in many areas and social institutions. Findings of researches conducted in Iran indicate that some processes and phenomena that in the past decades have led to the change and transformation of the family institution in European countries, nowadays, in various ways, have emerged in Iranian families. Overall, it seems that during the modernization of society, the Iranian family has become more vulnerable and the law in this area has not been able to reduce these harms and has led to government intervention in family affairs. The purpose of this study is to study the changes and developments of the family in the context of law-making after the Islamic Revolution of Iran.

RESEARCH BACKGROUND

In Iran, the issue of family is an important matter and many researches are published in this subject every year. In the position of this article, outstanding researches have been published so far. The article "Study of Family Protection Laws and Policies in the Post-Islamic Revolution of Iran" written by Mr. Hosseini (2015), a professor at the University of Tehran, is one of the articles that has used the research method of discourse analysis

and has dealt with the laws of family protection in Iran.Also, the article on the study of legal, cultural, and sociological developments of the family in Iran, written in 2018 by Mr. Amir Nikpai, a professor at ShahidBeheshti University of Iran, refers to the aforementioned subject. In these two articles, the authors discuss the role of the government in the issue of the Iranian family and review the laws enacted. The Center for Women's Studies and Research at the University of Tehran, as an educational center, also publishes many articles and books on the role of government in family support policies each year. Book Study of gender dimensions of the third and fourth development programs and review of the achievement of gender goals; Written by Dr. SoheilaSadeghiFasaei is one of the prominent researches in this field. In this study, the author deals with the emerging harms of the family, delinquency, crime, and the harms of women and the family, and offers suggestions for legislation.

SUPPORTIVE POLICY MAKING

Public policy-making includes the goals and actions taken by the government and other government bodies in areas beyond the capacity of existing structures. In other words, when existing structures do not have the capacity to make the desired impact, governments and states enter the policy making, which means that the public interest must also be served (Darity, 2008). Therefore, policy-making should be separated from political knowledge because it replaces political analysis with governance policy analysis. This distinction must be seen as a result of the fact that political analyzes conducted in the political arena must eventually become policies whose main audience is society. Due to this, legal and sociological issues have a special place in public policy knowledge. The interdisciplinary of policy-making knowledge is the result of distancing oneself from an institutional perspective and paying attention to various social, cultural, and legal realities. Lasswell believes that policy-making knowledge is based on problem-solving approaches and has a normative approach to various issues (Bernard & Russell & Grey 2003). According to the above explanations, policy-making refers to any government action that affects the public life of the people. Public policies are not necessarily issued by the head of the political system, but may be formulated and implemented by sub-systems or government subdivisions (Gholipour & Gholampour 2010). An important question that can be raised in the public interest is how to recognize these interests in each of the policies developed. In fact, the general public may not even have the knowledge to identify better policy options; In this case, the task of formulating policies in presenting the necessary arguments to secure the public interest will be difficult. Well-known methods of social sciences and humanities also do not have the characteristics that can be used in the details of public opinion about the best alternatives to improve the current situation. With this in mind, policy-making should be seen as a process that is knowledge-based and, at the same time, influenced by public opinion (Oskamp & Schultz 2005). The extent and quality of this impact varies according to the extent to which society has the ability to express and convey its interpretations of the

policies being developed, in the range that begins with ineffectiveness and leads to full effectiveness.

It follows from these preconditions that policies formulated to support the institution of the family must also have rationality that is commensurate with the various dimensions of this social institution (Borgatta & Montgomery 2000). The family, especially in an Islamic country, has a religious aspect that should be respected and studied as much as the economic, cultural, and social aspects.

METHOD

The method used in the present study is a qualitative method. The main purpose of this study is to study the policies of supporting the family institution in Iran and since we want to analyze, interpret and analyze texts and policies and basically, such a subject is not prone to quantitative assessment, we should use a qualitative method because such analysis requires interpretation and read the text.

The society we examine in this study includes all the policies and laws that have been approved, formulated, or presented during the years after the Islamic Revolution with the aim of supporting the institution of the family as a formation resulting from formal marriage. Our intention is to provide patterns and information that will help us link these policies and the sociological laws and theories that govern the subject matter. For this purpose, we used the text analysis method in the study of policies and rules.

FINDINGS

According to the definition given earlier in the section on theoretical foundations of policy and policy-making, the present study was required to identify all laws, programs, and policies that in the years after the Islamic Revolution (until 2020) and within the framework of the Islamic Republic, in order to support for the institution of the family and, of course, subsequent support for the institution of marriage has been approved, drafted, communicated, presented or implemented.

Table 1. Identified rules, programs and policies.

No	Title	Species	Date	Description Thematic relevance
1	Amendment of articles of civil law	law	1982	Prohibition of immature marriage, marriage of a girl with the permission of the guardian, guardianship conditions, etc.
2	Women's part-time work	law	1983	Assistance in establishing a balance between employment and family
3	Amendment of Article 1205 of the Civil Code	law	1984	Forced alimony if necessary
4	Amendment of the Civil Registration Law	law	1985	The need to record all vital events
5	Granting custody of minor children to mothers	law	1986	Strengthening the right of custody of the mother in cases of absence or incompetence

				of the religious guardian
6	Custody	law	1987	Consolidation and guarantee of custody of the parent
7	Unemployment Insurance	law	1990	Including spouse, children, needy parents, and dependents
8	Amendment of articles of civil law	law	1991	The condition of virginity for the permission of the guardian
9	Investigating the problems and issues of working women	General Policy	1991	Balancing work-home for working women
10	Amend the country's employment and pension regulations	law	1991	Retirement of female employees, with 20 years of service
11	Adding a note to the national employment law	law	1992	Possibility to use six months unpaid leave, in coordination with the sensitive job of the spouse
12	Student Welfare Fund Act	law	1993	Giving marriage loans to students while studying
13	Establishment of relief and guidance units alongside special civil courts	General Policy	1993	Maximum prevention of divorce through counseling
14	Executive regulations for nurseries and kindergartens (in workplaces)	Regulations	1993	proportion between employment and family
15	Providing orphaned women and children	law	1994	Financial, economic, cultural and social support coverage
16	Employment of women in the Islamic Republic	General Policy	1994	Improving the level of women's employment, with emphasis on the needs of the Islamic family
17	Formation of the Supreme Youth Council	General Policy	1994	Facilitate youth employment and marriage
18	Family planning and population	law	1996	Application of legal and logical restrictions on family regeneration
19	Accession to the Convention on the Rights of the Child	law	1996	Acceptance of the general principles of children's rights in the family, with emphasis on the right of reservation
20	Public health insurance of the country	law	1996	The need for insurance for dependent and needy people
21	Adding a note to paragraph 1 of Article 81 of the Social Security Law	law	1996	Rehabilitation of widows' pensions in case of death of second wife
22	Identify and determine those in need of public insurance	law	1996	Insurance support for vulnerable individuals and families
23	Promote breastfeeding and support breastfeeding mothers	law	1996	Legal protection of breastfeeding pattern

24	Book 5 of the Islamic Penal Code	law	1997	Punishment for assaulting women and children
25	Prevention of crimes against family rights and duties	law	1996	Within the framework of the Islamic Penal Code; Protecting the legal rights of marriage and family
26	Adding a note to Article 1082 of the Civil Code	law	1997	to Update dowry value
27	Adding a note to Article 76 of Social Security	law	1977	Retirement of working women with 20 years of experience, at least 42 years of age and 20 days of salary
28	Amendment of Article 1073 of the Civil Code	law	1977	Deprivation of custody of a parent with moral degeneration.
29	Statute Law of the Martyr of the Islamic Revolution Foundation	law	1978	Financial, livelihood, economic and employment support for the families of the martyrs
30	Note 11 of the national budget	law	1978	Insurance coverage and financial support for low-income families
31	Unity of procedure of the Supreme Court	law	1999	Encouraging the wife to live, even if she does not receive the dowry (separation of alms from the dowry)
32	Amendment of Article 1184 of the Civil Code	law	2000	Possibility of disqualification of the child natural guardian's, at the request of other relatives or the head of the jurisdiction
33	Amend some of the laws related to women	General Policy	2000	Modification of some materials causes discrimination in marital relationships
34	Adding a note to Article 1130 of the Civil Code	law	2000	Explain the examples of hardship
35	Support for children and adolescents	law	2002	The legal negation of harassment, exploitation, torture, and other threats against children and adolescents
36	Amendment of Article 1169 of the Civil Code	law	2003	7 years old for the age of custody by the mother
37	Rise in partition of succession	law	2003	partition of succession price updates
38	Article 14 of the title of cultural, scientific and technological affairs in the general policies of the Fourth Development Plan	General Policy	2003	Strengthening the institution of the family and the position of women in it and the realization of women's rights in all public spheres
39	Paragraph 15 of the title of cultural, scientific and technological affairs, in the general policies of the Fourth Development Plan	General Policy	2003	Facilitate employment and marriage, and combat the harm that young people suffer
40	Organizing youth marriage	Plan	2004	Empowering young people and facilitating marriage under the Fourth Plan
41	Part (5) of paragraph (a) of Article 192 of the Third Development Plan Law	Regulations	2004	Improving the living conditions of the elderly in Iran, in terms 42of welfare, health, treatment and rehabilitation

42	Charter of Women's Rights and Responsibilities	Plan	2004	Systematic explanation of women's rights in the areas of individual, social and family rights
43	Article 158 Third Development Plan	law	2004	Facilitate and strengthen the full participation of women and strengthen the institution of the family
44	Facilitate youth marriage	law	2005	Facilitate all aspects of marriage and promote a culture of facilitation
45	Therapeutic abortion	law	2005	Determining the conditions for abortion; Especially about the health of the mother or child
46	Paragraph 5 of the Development Document	General policy	2005	Promoting women's developmental roles and strengthening the family institution
47	Strategies for spreading chastity	Plan	2005	Promoting and deepening the pattern of Islamic marriage and facilitating marriage
48	Family formation and policies for its consolidation and excellence	policy	2005	General and executive policies to strengthen and continue the functioning of the Islamic and Iranian model of the family
49	Protecting the rights and responsibilities of women in the domestic and international arenas	law	2005	Legal implementation of the charter prepared by the Cultural Revolution Council
50	Guidance and handling of dowry and usury claims	Regulations	2005	Repair solutions to repair the damage
51	Amendment of Note 2 of the Budget Law	law	2007	Allocation of about 5 thousand billion rials to facilitate employment and marriage of young people
52	Article 112 of the Fourth Development Plan	law	2007	Facilitate economic living conditions and young people marry
53	Establishment of the National Headquarters for Women and the Family	Regulations	2010	National Center for Strengthening and Promoting the Status of Women and the Family
54	Article 39 of the Fifth Development Plan	law	2011	Empowerment of women heads of households
55	Article 43 of the Fifth Development Plan	law	2011	Licensing of marriage psychological and social counseling centers
56	Family Protection Act	law	2012	Full law regarding family
57	Article 227 Fifth Development Plan	law	2012	Preparation and compilation of a national document on social security for women and children
58	Article 230 Fifth Development Plan	law	2012	Develop and approve a comprehensive program for the development of women and the family
59	Family Protection Act	law	2013	Consists of 6 chapters, on the various legal aspects of the family institution
60	Family Protection Act	Law	2013	Family Court

61	Law on the Protection of Orphaned and Abused Children and Adolescents	law	2013	Guardianship of children and adolescents without a guardian
62	Law on Amending the Code of Criminal Procedure	law	2014	Investigating juvenile delinquency and enjoying privileges in juvenile court
63	Law of the Sixth Five-Year Plan for Economic, Social and Cultural Development of the Islamic Republic of Iran (2017-2021)	law	2017	Encourage childbearing and support the family
64	Law on the Protection of the Rights of Persons with Disabilities	law	2018	To provide a place to live
65	Child and Adolescent Protection Act	law	2020	Full law

FAILURE OF SUCCESSFUL LEGISLATION

The ancient country of Iran has historically witnessed a change in patterns of power in the family. Since 1979, the political and ideological developments produced by the Iranian government have always affected the Iranian family. As mentioned in the section on theoretical foundations and under the heading "Supportive policy-making", The definition of specific areas for policy concepts, and in particular public policy, stems from the lack of effort by the "law" tool to achieve the goals and objectives that governments have defined and are seeking to achieve. A review of policies whose content was qualitatively analyzed in the present study; indicates that there is a huge gap between the number of laws and other policy texts, which in connection with the results of this analysis can be considered as a gap or, ultimately, severe weakness of family policy in Iran (Armaki, 2010, p.28).

The relationship between laws and other policies in the field of family in Iran is also an important issue that should be noted that there are weaknesses. In explaining this weakness, one should look at the preconditions of policy-making, which are based on the need to define specific areas for policy-making in order to go beyond the existing governmental and especially governmental structures. As a result, allocating a large share of policies to legislation implies a lack of structural capacity or inaction in overcoming them. On the other hand, this contribution indicates a lack of attention to the centrality of public interest in policy-making processes. Therefore, in a situation where there are various institutions and councils such as the Cultural Revolution Council and the Women's Socio-Cultural Council, the policy vacuum or weakness does not seem to be very justifiable. Above all, the elites are expected to reduce their central role-playing in policy-making and implementation based on the basics of policy-making knowledge, and to consider citizens who are exposed to the effects and consequences of policies from different individuals.The qualitative content analysis of family protection policies and related laws in Iran suggests that the government, by relying on its independence from the family and by prioritizing the economic approach, has a position beyond its capacity to formulate and implement policies.

On the other hand, this study also leads to the conclusion that most of the developments that took place in the family sphere were the result of the interaction of non-governmental action and especially the judiciary with the family.

Thus, it seems reasonable to correct the family protection policy-making processes and reduce the role of government agents in their implementation. According to the criticisms and weaknesses of the policies adopted regarding the Iranian family, the most important effective strategies in improving family policy can be suggested.

CONCLUSION

The family, as one of the main social institutions, has undergone several changes in recent decades. As one of the Caspian littoral states, Iran, like other developing countries, has been taking steps towards modernization for several decades, and as a result, it is experiencing significant changes in many areas and social institutions. These changes are very noticeable in the cultural sphere and especially in the family.

This article was dealt with a thematic study of the provisions of the Family Protection Law in Iran, which was enacted since the beginning of the Islamic Revolution in 1979. Among the laws passed to protect the Iranian family, the Family Protection Law (adopted in 2012) provides different rules of jurisdiction and court procedures for the family court compared to what is stated in the Code of Civil Procedure. The law also has innovations in the field of time trial management, conciliation in family lawsuits, and the identification and enforcement of family rulings by foreign courts that need to be considered separately. Findings indicate that the enactment of laws by the government has been one of the most important factors of change in the Iranian family institution.Due to the changes that have taken place in the Iranian family, institutions and organizations have taken policies to support the family in Iran; But not only have these policies failed to address family problems; Rather, an examination of the social impact of these policies and laws and programs shows that some of the current problems stem from the same laws that have been enacted in the public sector. In other words, the policies adopted in the field of family institutions are not commensurate with the changes and developments that have taken place in this institution. Also, family policies in Iran mainly face several problems. These include: Lack of comprehensive family policies, lack of a holistic approach to the family, having a harm-oriented approach to the family, numerous organizations or institutions in charge of the family, unclear family policies, unclear how to achieve policies, the commodification of marriage, Considering the family institution as an economic and legal institution, ignoring the diversity of the family institution, lack of insight or sociological view in existing policies and reducing the semantic and conceptual space of the family to meet basic needs

REFERENCES

Armaki, A. (2010). The typology of sexual interactions' patterns ahead of the marriage in Iran. *Family research quarterly*, *7*(1).

Bernard, H. R., & Grey, W. R. (2003). Techniques to identify themes in qualitative data, *Journal of Field methods*, *15*(1).

Borgatta & RJV Montgomery (Eds.) (2000), *Encyclopedia of sociology*, *2*.

Darity, W. (2008). *International encyclopedia of social sciences*. USA: Macmillan Reference.

Gholipour, R. & Gholampour, A. (2010). *Public Policy Process in Iran*. Tehran: Publications of the Research Center of the Islamic Consultative Assembly.

Oskamp, S. & Schultz, P.W. (2005). Attitudes and Opinions. *The Academy of Management Review*, *3*(2), 391-393. https://doi.org/10.2307/257686

Turner, B.S. (1999). *Classical sociology*. London: Sage Pub.

Для цитирования: Мохтари, С.Р., Мохтари, Б. (2021). Исследование законов и положений семейного права в Иране (Постисламская революция). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 81-91.

For citation: Mokhtari, S.R. & Mokhtari, B. (2021). Study of Family Advocate Laws and Policies in Iran (Post-Islamic Revolution). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(1), 81-91.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-081-092

SEMIOTICS IN THE WRAPPERS (CHADORSAHB) OF "TONEKABON" REGION UP TO "RUDSAR"

Pargol Mashayekhi

University of Tehran, Tehran, Iran
E-mail: Pargol.mashayekhi@gmail.com

ABSTRACT

Wrapper weaving is an ancient art in the regions of East Guilan and West Mazandaran, in which the motifs used in it are woven according to the culture and customs of the people of these regions, which has made this feature unique in the wrapper. In this article, in addition to expressing the cultural aspects of the themes, an attempt has been made to study the visual diversity of the drawings along with its special feature in the wrapper.The hypothesis that is proven here is that the patterns characterize the simple way of thinking that is derived from nature and the environment around them.The research method is descriptive-analytical with field and library studies and is in-depth.In general, the results indicate that the drawings used in the wrapper are inspired by the environment of the weavers and by the tools of the wrapper art itself.Also, the culture of symbols and signs in the art of wrapper weaving can be matched with the culture and traditions of other regions;This means that symbols and signs have a function beyond the clime of any region and can cover a large part of a land.Wrapper motifs in all weaves of the study, show the following of specific patterns along with symmetry, order and rhythm. Research method in the present study was done using the library and field methods.

KEYWORDS

Wrapper; Semiotics; Tonekabon; Rudsar; Culture.

СЕМИОТИКА ЛЕНТОЧНОГО ТКАЧЕСТВА (ЧАДОРШАБ) В РЕГИОНЕ ТОНЕКАБОН И ОКРУГЕ РУДСАР

Паргол Машаехи

Тегеранский университет, Тегеран, Иран
E-mail: Pargol.mashayekhi@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Ленточное ткачество - древнее искусство в регионах восточного Гиляна и западного Мазандарана, в котором используются мотивы культур и обычаев жителей этих регионов, что сделало это искусство уникальным. В статье была сделана попытка изучить визуальное разнообразие рисунков вместе с их особенностями в ленточном плетении. Доказанной гипотезой является то, что рисунки характеризуют простой образ мышления, вытекающий из окружающей среды. Метод исследования - описательно-аналитический с применением полевого и библиотечного поиска. В целом, результаты показывают, что рисунки, используемые в ленточном плетении, вдохновляются средой обитания ткачей и инструментами самого ленточного ткачества. Кроме того, культура символов и знаков в искусстве ленточного ткачества может быть сопоставлена с культурой и традициями других регионов; это означает, что символы и знаки выполняют функцию, выходящую за пределы региона, и могут быть найдены в других частях страны. Мотивы ленточного плетения, наряду с симметрией, порядком и ритмом, демонстрируют специфические узоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ленточное плетение; семиотика; Тонекабон; Рудсар; культура.

INTRODUCTION

The hand-woven wrapper, which in the local dialect is called “laband” or “lavand”, is one of the arts of “Ghasem Abad” village, which is superior to other parts of “Iran” in terms of variety of vivid patterns and colors, which can be found in the climatic characteristics of this region.The design of the motifs, along with the way of thinking of the weavers, has been passed on to the next generations, either directly or by creating creativity and changes as a tradition.In this research, the author examines the patterns and symbols in the wrapper, which are rooted in the social relations of the people of that land with their surroundings. Although the purpose of these weavers is not to create a work of art, but in addition to the consumer aspect, these works also have aesthetic aspects that are seen in the form of geometric, plant, animal and human patterns on the weaves. In this article, only animal motifs are studied. With the change of cultural and consumption patterns of today's societies, the use of wrappers loses its past function and is declining and forgotten. Handicrafts are derived from the collective identity of people who have historical, cultural and social commonalities and live in the same geography and climate (Hall and Vivoska 1998, p.14). The empirical issue here is to know the design and analysis of the patterns according to the culture and beliefs of the indigenous people. According to the requirements of time, culture, faiths and beliefs, pictorial symbols have changed over the years and have moved towards simplification or more complex motifs. The importance and necessity of studying in the field of wrappers, in addition to showing the artist's taste and ability in weaving such patterns, is more accurate in recording them, because at present many of the patterns in this area are rarely or not woven and using some motifs have been forgotten due to the lack of a skilled weaver and the proper valuation and pricing on the wrapper, or the original form of the desired pattern has been reduced, which is remarkable and worthy of reflection.Since handicrafts define the identity of many years of civilization, the study, understanding and awareness of the pattern of motifs and their diversity, has paved the way to achieve cultural, social values and thoughts of the natives of the region;In a way that the result can be familiarity with the ancient culture and civilization of the people of this land and reach a methodical and scientific knowledge of them.

RESEARCH ZONE

The realm of research in the present study includes the location of “Rudsar” and “Tonekabon”. “Rudsar” city is located in the easternmost area of “Guilan” province (Abbasi, 2007, p.5). “Qasemabad” is one of the original and historical villages of Iran, located in “Rudsar” city and “Chabaksar” district and also in “Oshian” villages."Qasemabad" includes two neighborhoods called "Upper Qasemabad" and "Lower Qasemabad", which is the most important part in terms of originality in the texture of the wrapper. "Tonekabon", however, is part of western “Mazandaran”,but before the Qajar period, it was part of “Guilan”.As a result, “Tonekabon” is culturally

and traditionally closely linked to the cultural realm of East Guilan. In a way that they are closely related in terms of language, culture and economy. (Panahi, 2009, p.23)

SEMIOTICS IN THE WRAPPER

The patterns and motifs in the wrapper have a symbolic language. In fact, most of the motifs in the wrapper help to convey the characteristics of the culture of this region to the audience at different times. Thus, wrappers are inherited media of cultural transmission.

The value of wrapper motifs requires that many of its components be understood. So that similarities can be found between the geometry used in architecture and the geometry of wrapper motifs. Due to the fact that the use of stripes and zigzags is common in the structure of wrapper motifs, the reason can be found in the colorful stripes of local Qasemabad women's clothing in this area.

Weavers put colors together with their own taste, meaning that they are more subjective in their use of color than naturalistic, while the shapes are inspired by nature. Finally, they put colors, shapes and geometric shapes together in a harmonious and pleasant way.

Sometimes the colors of the patterns are repeated in vertical, horizontal and diagonal directions, and sometimes they are used freely in different directions without observing special rules and regulations, the use of each of which goes back to the weaving spirits and mindsets. The colors and patterns they use are insights that they have unconsciously acquired from the environment and nature and do not limit their use of colors and patterns in a specific framework (Makinejad, 2009, 394-395).

ANIMAL MOTIFS IN THE WRAPPERS OF EAST GUILAN AND WEST MAZANDARAN

Animal motifs are motifs that either represent the objectivity of an animal in a completely direct and borderless manner, or are simplified to the point that only details of them are depicted, in other words, stylized.

1 – The concept of horse motif

Horse motif depict a human on it, which is why it is known as a riding horse in the local dialect. The weaver weaves the horse with the bridle in the rider's hand, and also weaves the man sometimes from the profile where only one leg is visible and sometimes in the full face where both legs are visible. The end of the horse's foot is woven in a different color or four strips are placed on the foot, sometimes a strip is passed through the middle of the animal, these two features can be seen in most animal motifsOriginally, the use of colored ribbons is a special feature of wrapper motifs. Horses with two ears are also more common.

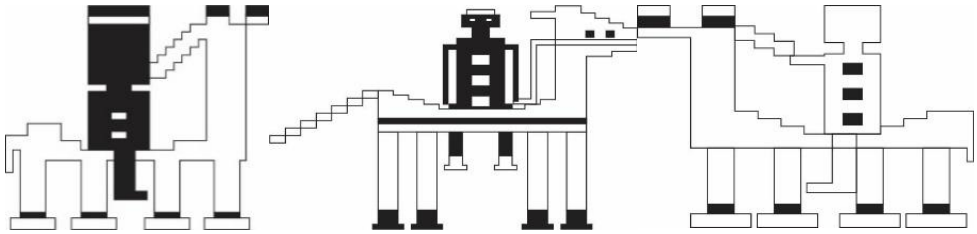

Figure 1. Horse motif, (Figurative source: author)

Also, shooting with horseback riding has been the most important sport and competition in "Rudsar" region. The sport was performed on certain days at sunset in the presence of "Khan". The riders placed an egg on their children during the race and aimed at it, thus adding to the excitement of the race.

Before the devastating flood of 1330 solar year on the west bank of the river "Plurrud", in the playground called "Machianlat", at a wedding ceremony, it was customary for a horse to run, which was called “Asb Tuji” that belonged to the winner (Abbasi, 2007, p.404).

As can be seen in the picture below, the horse motif on the “Pazirak” rug dates back to the earliest times in Iranian history. In this rug, Persian riders are depicted riding on their backs in the widest margin of the rug (Shabani Khatib, 2008, p. 96).

Picture 1. Horse motif on "Pazirak" rug - 2500 BC, (Source: Artteacher)

The horse appears spectacularly in the reliefs of the Median period, Persepolis (Achaemenid period), Parthian, the reliefs of Taq-e Bostan and the motif of Rostam in the Sassanid period (Shabani Khatib, 2008, p. 96).

Horse is a manifestation of purity, decency, beautiful body, stability, movement, speed, strength, stubbornness and resistance (Habibi, 2002, p. 118).

The horse was a sign of the sun. In prehistoric times, he was involved in the burial ceremonies of Iranians and Greeks and the image of a horse was a sign of death or its representative that took the deceased to another world (Mokhtar Masoumi, 2010, p.11).

2 – The concept of goat motif

This motif is called “Boz” (goat) or “Booz” (goat) among weavers. Among the collected motifs, the motif that has smooth horizontal horns is the most original. In all these motifs, a horizontal line passes through the middle of the body, which is in perfect harmony with the horizontal horn.The animal's legs or single strips on the legs with the middle Strip on the body are sometimes the same color as the animal's tail.

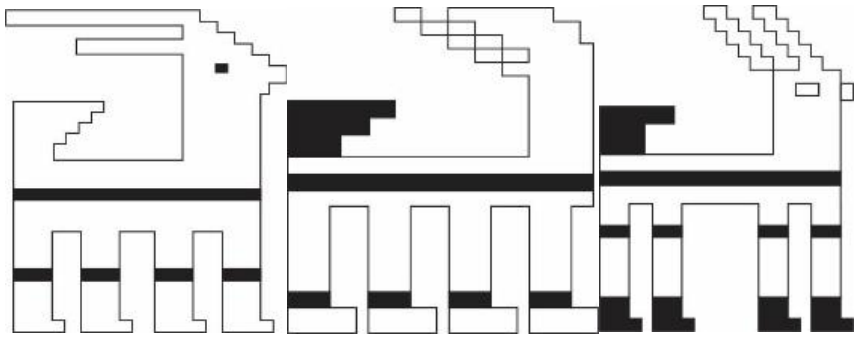

Figure 2. Goat motif, (Figurative source: Author)

Goats in Guilan are called “Kadkhoda” because they are always the vanguard of a flock of sheep (Fakhraei, 1975, p.78). From the villagers' point of view, this animal is important for its use of wool for the textile industry and its meat for feeding, and it is also sacrificed for many ceremonies.

Because goats and sheep were closer to the villagers than other animals, they were not only considered a major part of a person's possessions during their lifetime, but their bones, skulls, and horns were found in tombs. Images of these animals have also been used in textiles and objects of worship. So that we can see the pictures of animal heads in the Pazyryk rug (Hall and Vivoska ,1998, p.72).

Every ancient people considered the antelope as a manifestation of one of the beneficial natural factors. In “Lorestan”, the goat was an animal of the sun and related to the sun. From ancient times the moon has been associated with rain, and the sun with dryness and heat, and because there is a relationship between the curved horns of the antelope and the crescent moon, the ancient people believed that the tortuous horns of the antelope are effective in precipitation (Mukhtar Masoumi ,2010, p.10).

The ram is considered to be a very powerful and mythical animal, and because it is a symbol of fertility and gives birth in the herd, it was considered by the people (Hatem, 1374, p. 364-365).

3 – The concept of bird, duck and chicken, sparrow

In weaving, it is difficult to tell exactly what kind of bird the weaver intended. Even they do not make much difference to these motifs and generally call them birds, hens,

sparrows, ducks, chickens. But what may help in the diagnosis is the type of beak and elongation of the bird's neck. If the bird has a long neck and beak, it is often referred to as a duck. If the bird has a short beak, or a curvature in the lower part of the body, or has legs, it is called a hen, a chicken, or a sparrow, and if it has a comb, it is called a bird. Birds are usually woven on top of a tree, inside a tree, or scattered on the ground, in small pieces, or facing each other. In some cases, birds are even depicted with their necks turned in the opposite direction.

In the old weaves, only one example of a dragonfly was found, which shows the abundance of this type of bird in the area.

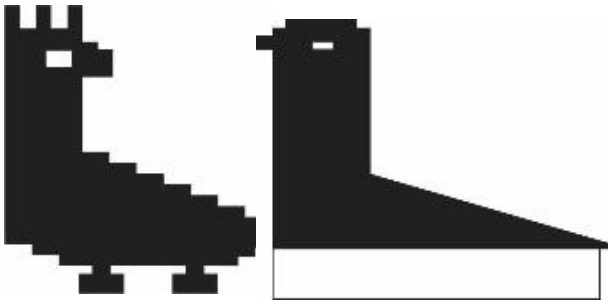

Figure 3. Bird or sparrow motif
(Figurative source: Author)

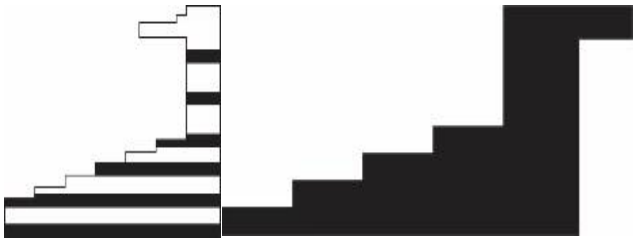

Figure 4. Duck motif
(Figurative source: Author)

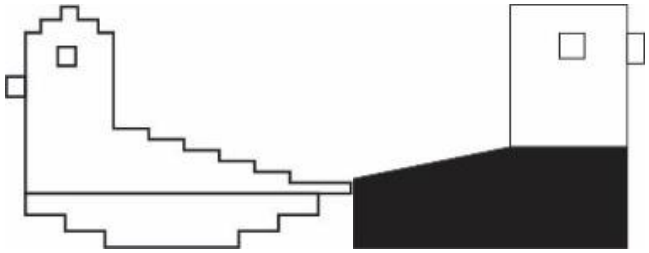

Figure 5. Bird or chicken motifs
(Figurative source: Author)

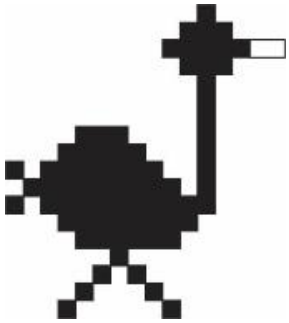

Figure 6. Bird motif
(Figurative source: Author)

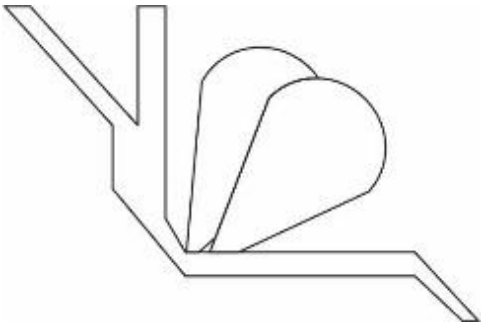

Figure 7. Dragonfly motif
(Figurative source: Author)

Wish, freedom, sky, cloud, inspiration, wind, prophecy, messaging, respiration, fertility, sun, divine essence, life, growth, haste and acceleration and child are the symbolic meanings of the bird (Yavari, 2010, p.150).

In Islam, birds are specifically a symbol of angels, while the bird is a symbol of the immortality of the soul in the Qur'an. In Yazidi religion, when the whole world is covered with water, God appears in the form of a bird on a tree branch.

On prehistoric buildings in Europe and Asia, a picture of a cosmos tree with two birds on its branches has been seen. We know that in Central Asian, Indonesian mythology, birds perched on a tree branch represent the human soul. (Knight and Gerberan, 2009, vol. 2, p. 196-206).

The duck, and actually a pair of ducks, is a symbol of union, happiness and marriage throughout the Far East. The reason for this is that male and female ducks always swim together (Shavalieh and Gerbaran, 2009, vol. 1, p.112). In the wrapper, it is sometimes seen that two ducks are placed next to each other with their heads facing each other or opposite. The use of themotif of the bird is usually around the motif of the moon in the center of the wrapper, around the motif of the chandelier, the flower rug and sometimes the background as a sub-motif and filling the empty space.

4 – The concept of butterfly motif

Some believe that the motif of the butterfly in the patterns became popular after the revolution and was inspired by the motif of the star. Although this pattern was also found in older weaves, it seems to have been nothing more than a wrapper's pattern. In fact, this design is the most original in the appearance of the motif of the star. Sometimes the butterfly consists of two triangles that are connected to a rectangle from the vertex or between "> and <" which is the same hollow triangle. These two motifs are completely stylized and simplified, which are less used. The simplified motifs of the butterfly are sometimes considered to be one because of their great resemblance to the motif of the spool.

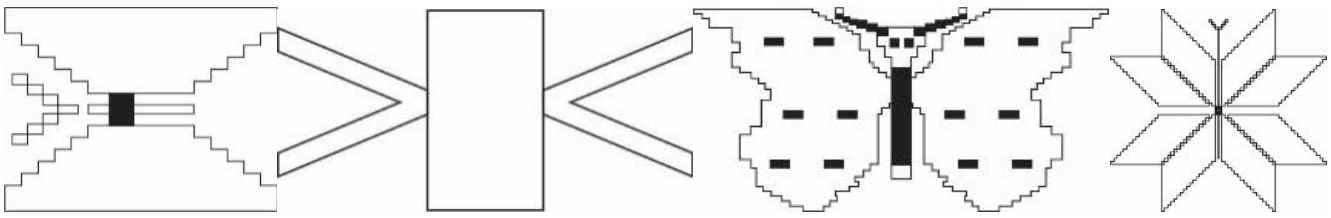

Figure 8. Butterfly motif, (Figurative source: Author)

The butterfly is a Chinese symbol for the soul and being a woman. Two butterflies are a sign of marriage (Hall, 2001, p.34). Currently, wrappers with this motif are given to newlyweds as more dowry.

Many Turkic tribes in Central Asia are influenced by Iranian thought and believe that their dead can appear as butterflies at night (Shavalieh and Gerbaran, 2009, vol. 2, p. 209-213).

5 – The concept of crocodile motifs

The motifs of the crocodile and the snail are related to the wrapper, which is one hundred and ten years old and is one of the old motifs that are not woven by modern weavers. The crocodile is a symbol of abdomen and hypocrisy. The bearer of the universe is the god of the night and the moon and the lord of the primordial waters, whose abdomen, like the night, separates the sun. In many Asian countries, it is associated with the spirit world (Knight and Gerberan, 2009, vol. 4, p.550).

Figure 9. Crocodile motif, (Figurative source: Author)

6 – The concept of snail motif

In general, due to the fertility of this area, snails are seen in large areas. Patterns such as snails or crocodiles are unique patterns that are directly related to the environmental characteristics and thoughts and spirits of the weaver to fear or overcome and dominate the animal or its benefits and may not be seen in other wrappers.

The snail is related to the halo of the moon because of its spiral shape. As the moon appears and disappears, it is a sign of resurrection. It is also a sign of fertility (Eliadeh, 2010, p. 168).

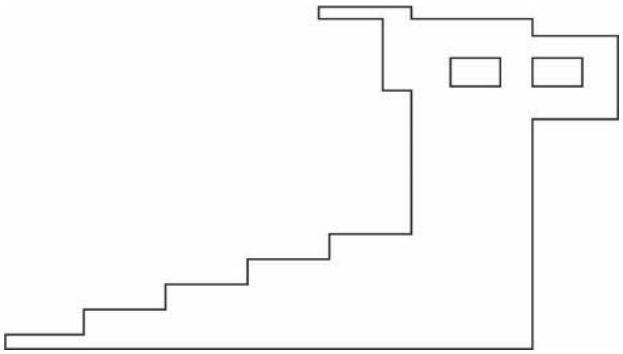

Figure 10. Snail motif, (Figurative source: Author)

7 – The concept of bat motif

"Shabpareh"(night flying) or the same as "Shabpark(night flying)" is called the same bat (Moin, 1363, 2015) in the local language is also called "Kor Shahpar" (Javid,2011, p.73).This motif is created in reverse with two large wings and a large rectangular head. Its wings are woven in different ways according to the artist's taste. The feature of the motif is that in the upper rectangle and sometimes at the bottom of the head is given a strip. A small square is drawn in the middle of the head.

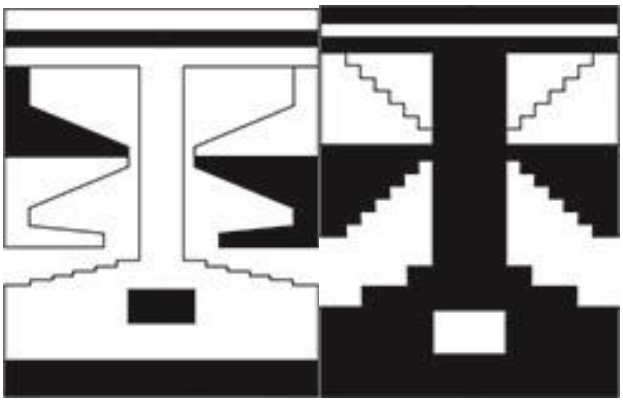

Figure 11. Bat motif, (Figurative source: Author)

In the Far East, it is a symbol of fortune because the letter Fu, with which the bat is written (in Persian), is homonymwith the letter meaning fortune. This is why the Chinese attach the bat to their grain barn with nails. The weight of its brain forces it to rest from head to toe (Shavalieh and Gerbaran, 2008, vol. 3, p.107-110).

In Chinese, it was thought that this animal would live a long life and therefore, it was a symbol of longevity and happiness (Hall, 2001, p.48).

8- The concept of dog motif

The dog was considered the protector of the villagers' herds and livestock, and this shows how important this animal was to them. The motif of a dog with one ear and two legs is common.

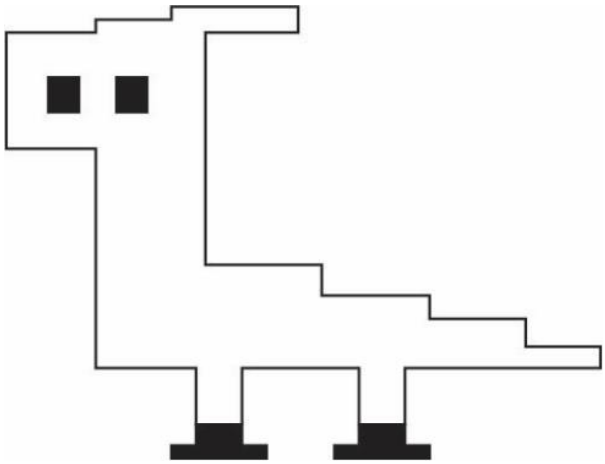

Figure 12. Dog motifs, (Figurative source: Author)

In the past, due to the abundance of jackals, some people believed that if on a rainy night, a jackal calls and the dog responds, the next night the weather will be clear and in fact jackals and dogs were considered meteorological (Keshavarz, 1968, p. 143).

The dog is a symbol of watching, guarding, support, friendship and honesty, companionship and loyalty (Mokhtar Masoumi, 2010, p. 11).

A dog is an animal that conveys the message of the moon to humans. The usage of dog myths around the world, after accompanying man in his life, its task is to guide the spirits (Eliadeh, 2010, p. 177).

The dog is the symbol of countless gods in the art of many civilizations. In Japan, dogs avoid the negative effects of foxes, badger or cats (Hall, 2001, p. 52).

9 – The concept of frog motif

A baby frog or toad is called pat, meaning short and wide. Vek (Valerianvij, 1364, 154), or Gozka (Fakhraei, 1975, p.84) or Sarpach (Jaktaji, 1987, p.135) in Gilaki language means frog.

Frogs are seen a lot due to the existence of agricultural lands in northern Iran, especially rice fields.

The frog is the common toad that sings to the community and is found in ponds and tarns.

Singing frogs in groups is considered a sign of rain the next day (Fakhraei, 1975, p. 81).

The toad includes all the concepts of water, night, moon, fertility (Eliadeh, 2010, p. 169). The Chinese consider the toad the goddess of the moon, because they see frogs in the moon. The Vietnamese consider the toad to be the god of the sky, who commands the sky to rain, and whoever kills the toad, the sky strikes him with lightning (Knight and Gerberan,2009, vol. 4, p. 473-480).

Sometimes we see that the frog is displayed inside the square, which is actually the moon, which can be the reflection of the image and sound of the frog in the water, which is a sign of fertility.

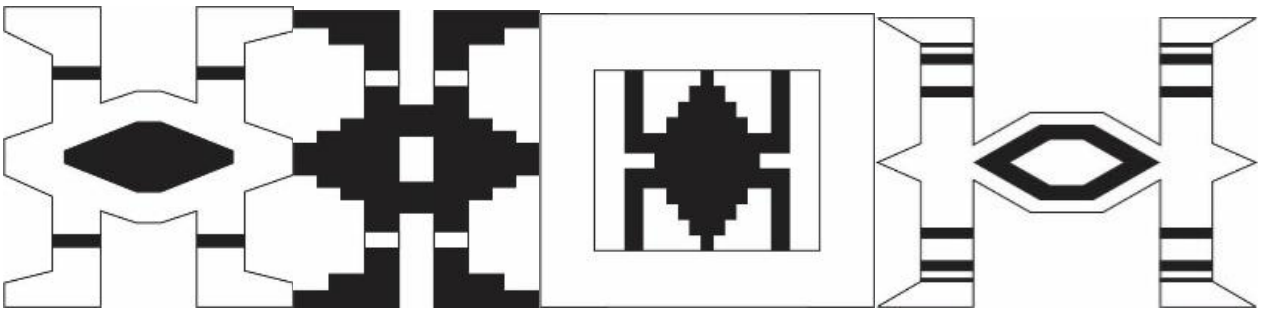

Figure 13. Frog motif, (Figurative source: Author)

10 – The concept of deer motif

This motif is not currently seen in weaves. The deer in the local language is called “Gonj” (Fakhraei, 1975, p.84) or “Ganjeh Gav” (Javid, 2011, p.73). The deer is depicted with large branches and its inside is represented by several colored rectangles that can be a sign of the inside of the animal and its heart.

In the picture below, it can be seen that in the Pazyrek rug, the motif of a deer is woven with patterns inside it, which show its internal components such as the heart, aorta, etc.

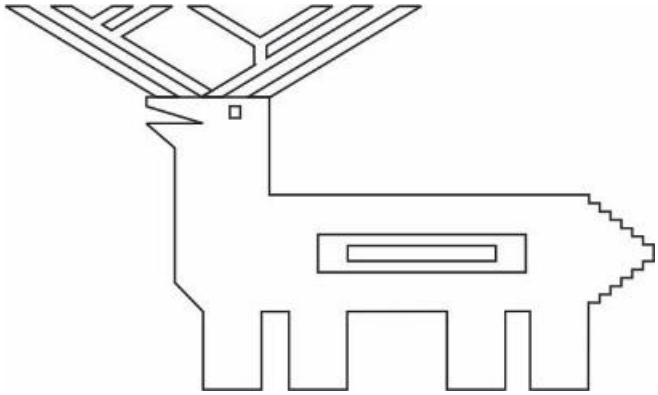

Figure 14. The motif of deer or "Ganjeh Gav" (Figurative source: Author

Figure 15. Deer motif (Source: Neopazirk)

According to the ancient Iranians, deer was a compound for transferring the soul from the earthly world and light and illumination to the dark world under the ground (Mokhtar Masoumi, 2010, p. 10).

The deer is a symbol of high speed, longevity and dignity, and in ethnic and mythological beliefs it is a symbol of great physical strength and running power. Its branches symbolize the sun's rays. The exaggeration of the branches indicates the fertility and integration of the herding or agricultural community (Habibi, 2002, p. 119). The deer is often compared to the tree of life because of its long branches.

RESULT

According to the researches, it can be concluded that the motifs used in the wrapper are the result of social interactions of the people of that land with their surroundings, which are used in the form of geometric, plant, animal and human motifs in the wrapper, which shows thinking and social and economic livelihood of the people of this land.

In this study, after visual studies of wrapper patterns, a total of 324 mofits have been collected in Tonekabon to Rudsar areas. Geometric motifs with 58.95% have the highest number compared to other motifs. In terms of texture location, Qasemabad with 33.95% compared to other locations, has the most motif diversity. Regarding the location of the pattern, 81.79% of the motifs in the text and a small number of motifs in the margin, margin-text, text-center and center are dense, which shows a significant difference in the importance of text motifs compared to other options.

The range of vertical rectangular motifs with 50% along with the limits of square and horizontal rectangles has the highest usage statistics. In relation to the dominant line, the broken and crooked line with 38.27% has the highest number among other lines. In terms of dominant direction, 44.13% of the diagonal direction and 37.96% of the horizontal direction are the most important directions. In terms of how to combine, 38.58% of the motifs are perfectly symmetrical with respect to the vertical and horizontal axis, and also 62.65% of the motifs have a regular rhythm in terms of how to rhythm.

The result obtained from this statistic indicates that most of the motifs used in the wrapper are of geometric type with broken or indented lines, which indicates the close connection of the artist with nature and the tools of his surroundings, which have made these motifs completely abstract, in which many graphical capabilities and capacities are seen.

The diversity of the motif in Qasemabad, compared to other places, doubles the value of the wrappers in this area. In fact, the motif identity that distinguishes one person from other people is more diverse in Qasemabad, and the purpose of determining the place was to identify or find the differences between people. In fact, in Chabaksar, Ramsar, Tonekabon and Rudsar, except for the motifs that are woven the same everywhere, there is less creativity in the texture of the motifs with new patterns.

REFERENCES

Eliadeh, M. (2010). *Treatise on the History of Religions* (tran. by J. Sattari), Soroush Publications, fourth edition.

Panahi, A. (2010). *Research in Anthropology of Janet Rudbar Ramsar*, Qom: Ain Ahmad Publications.

Jaktaji, M.P. (1987). Guilan Nameh (Collection of Guilan Studies Articles). *Rasht: Taati Publications*, *3*.

Knight, Zh. & Gerbaran, A. (2009). *Culture of Symbols*, (tran. by S. Fazaili). Tehran: Jeyhun Publications.

Fakhraei, E. (1975). *Guilan in the passage of time.* Tehran: Javidan Publishing Organization.

Keshavarz, K. (1968). *Guilan.* Tehran: Ibn Sina Publications.

Mokhtar Masoumi, B. (2010). *Yesterday's motif, Today's Graphics*. Tehran: Printing and Publishing Organization, Second Edition.

Moein, M. (1984). *Persian Culture*. Tehran: Amirkabir Publications, 1-2.

Negahban, E. (2008). *Marlik Excavations*. Tehran: Cultural Heritage Organization, Volume One.

Hall, U. & Vivoska, J.L. (1998). *History, design, texture and identification of kilims*, (tran. by S. Homayounofar and N. U. Shayan). Tehran: Karang Publishing.

Hall, J. (2001). *Symbolic Dictionary of Symbols in East and West Art*, (tran. by R. Behzadi). Tehran: “Farhang Moaser” Publications.

Yavari, H. (2010). *Recognition of Iranian handicrafts.* Tehran: Mahkameh Publications.

Hatam, G. A. (1995). Motif and symbol in the ancient pottery of Iran. *Art Quarterly*, *28*.

Habibi, M. (2002). Silk, Symbols and Signs. *Book of the Month of Art*, *49-50*, 118-119.

Javid, M. (2011). *Home Business Documentary (wrapper weaving, Rashti sewing and pearl Weaving).* Guilan Cultural Heritage Organization.

Hooshang, A. (2007). *Ethnography of Rudsar region.* GuFilan Cultural Heritage Organization. Retrieved from http://artteacher.blogfa.com

Для цитирования: Паргол Машаехи. Семиотика ленточного ткачества (Чадор Шаб) в регионе Тонекабон и округе Рудсар. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2021. №1. С.92-105

For citation: Pargol Mashayekhi Socio Semiotics in the wrappers (Chadorsahb) of "Tonekabon" region up to "Rudsar".*Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*. 2021. №1. P. 92-105

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-093-105

A NEW WORD IN THE SECURITY OF RUSSIAN REPUBLIC: THE QUESTION OF THE COSSACK ARMY ORGANIZATION IN AUGUST – SEPTEMBER, 1917

Alexey V. Oleinikov

Doctor of Historical Sciences
Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: stratig00@mail.ru

ABSTRACT

The objective of the article is to examine projects aimed at strengthening the security of Russia through the formation of a Cossack (cavalry) army. A similar operational and strategic association owes its practical origin to the Soviet Republic; the Whites also had corresponding projects (in particular, those of P.N. Wrangel).

The author of the article managed to establish the fact that projects of creation of such formations existed much earlier, in August – September, 1917, and their realization would not only provide safety of the Russian republic, but also would influence the combat effectiveness of the Russian active army and prospects of the

final stage of Russia's participation in the World War I. This determines the scientific novelty of the research.

The objectives of the article are to analyze the projects of the formation of the Cossack army of the Russian Republic in the summer-autumn of 1917, as well as the reform of the Cossack cavalry, its division into army and strategic cavalry. After the corresponding reform, the Cossack cavalry (including all 3 Astrakhan Cossack regiments) became the most important operational and strategic tool and reserve of the Russian active army at the final stage of World War I.

The article is based on previously unpublished archival documents extracted from the archives of the Russian State Military Historical Archive (RGVIA).

Research methods: archive study, historico-comparative analysis and historico-systemic analysis.

KEYWORDS

cavalry Army; cossack Army; cossacks; cavalry; strategic cavalry; Russian Republic; security; organization of the army; projects; World War I.

НОВОЕ СЛОВО В БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВОПРОС ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАЧЬЕЙ АРМИИ В АВГУСТЕ – СЕНТЯБРЕ 1917 г.

Олейников Алексей Владимирович

доктор исторических наук
Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: stratig00@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – рассмотреть проекты, направленные на укрепление безопасности России за счет формирования казачьей (конной) армии.

Аналогичное оперативно-стратегическое объединение обязано своим практическим происхождением Советской республике, имелись соответствующие проекты (в частности, П. Н. Врангеля) и у белых. Но нам удалось установить тот факт, что проекты создания таких формирований возникли гораздо раньше – уже в августе – сентябре 1917 г., и их реализация позволила бы не только обеспечить безопасность Российской республики, но и повлияла бы на боеспособность русской Действующей армии и на перспективы завершающего этапа участия России в Первой мировой войне. Именно этим определяется научная новизна нашего исследования.

Задачами статьи являются: рассмотреть проекты формирования казачьей армии Российской республики летом – осенью 1917 г., а также проекты реформирования казачьей конницы, разделения ее на армейскую и стратегическую. После соответствующей реформы казачья конница (в том числе и все 3 астраханских казачьих полка) становилась важнейшим оперативно-стратегическим инструментом и резервом русской Действующей армии на завершающем этапе Первой мировой войны.

В основе статьи – ранее не опубликованные архивные документы, извлеченные из фондов Российского Государственного Военно-Исторического Архива (РГВИА).

Методы исследования: архивный, историко-сравнительный, историко-системный.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

конная армия; казачья армия; казачество; кавалерия; стратегическая конница; Российская республика; безопасность; организация армии; проекты; Первая мировая война.

ВВЕДЕНИЕ

С отречением Михаила Александровича Романова 3 марта 1917 г. прекратилась 300-летняя династия и пала монархия в России. Начиная с этого момента в России установилась республиканская форма правления (хотя юридически Российская республика была закреплена позднее), просуществовавшая до 25-го октября (а в реальности и позднее, вплоть до оформления РСФСР).

Для решения проблемы государственной безопасности были представлены разные проекты, среди которых особый интерес представляют 2 проекта, касающиеся формирования казачьей (конной) армии. Такое мобильное оперативно-стратегическое объединение как конная армия (сплав конницы, пехоты, артиллерии, авиации и бронесил) обязано своим практическим происхождением РВС Советской республики (приказ от 17 ноября 1919 г.). Достаточно интересные проекты формирования конных армий (в частности, П. Н. Врангеля) имелись и у «белых». Но именно для Советской власти конные армии сыграли знаковую роль, став локомотивом для общевойсковых армий, тараном в проламывании вражеского фронта и сыграв ключевую роль применительно к военной победе «красных» в годы Гражданской войны в России.

Нам удалось установить тот факт, что проекты создания таких формирований возникли раньше – уже в августе – сентябре 1917 г., а их реализация позволила бы не только обеспечить безопасность Российской республики, но и повлияла бы на боеспособность русской действующей армии и на перспективы завершающего этапа участия России в Первой мировой войне.

Пролить свет на этот вопрос нам помогут документы Штаба Походного атамана при Ставке Верховного Главнокомандующего.

Исторически казачество представляло собой одно из проявлений русской государственной и народной жизни. Казаки были среди «собирателей» земли Русской, открывая и присоединяя окраины нашего государства. Достаточно вспомнить деяния Ермака Тимофеевича, начавшего процесс присоединения Сибири или Семена Дежнева, открывшего межконтинентальный морской путь (Берингов пролив). Казачьи отряды для присоединения новых земель двигались на далекий северо-восток, на юг и юго-восток. Завоевание Кавказа и Туркестана свершилось при помощи казаков. Казаки всегда стояли на страже государственных границ, обеспечивая расширение и поступательное движение российской государственности и русской культуры. Славные боевые предания, воинский дух и дисциплина были главными характеристиками казачьих войск. Казак был верной опорой государя в борьбе с врагом - как внутренним, так и внешним.

Ни одна война, начиная с 1554 года, не обходилась без казаков. По итогам похода Наполеона в Россию в 1812 году главнокомандующий М. И. Кутузов писал М. И. Платову, что подвиги Всевеликого войска Донского были важнейшей причиной к истреблению неприятеля. Казаки проявили себя в Русско-Японской и, особенно, в Первой мировой войнах. И «без преувеличения можно сказать, что

казачество есть один из драгоценнейших камней в Русской Короне» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.).

Казачьи войска несли постоянную воинскую повинность, причем расходы на обмундирование, покупку коня, снаряжения и вооружения каждый казак производил за собственный счет, а в случае отсутствиясредств за него несло ответственность станичное общество. Даже неспособные к службе, но способные к труду, казаки облагались особым денежным сбором, вплоть до выхода со службы их сверстников, - для снаряжения бедных казаков.

Казак, прослуживший установленный сорок в первоочередных частях, перечислялся в льготные части 2-й, а затем и 3-й очереди. Находясь в продолжение четырех лет в частях 2-й очереди, казак призывался в лагерные сборы и был обязан содержать в полной исправности обмундирование, снаряжение, вооружение и строевую лошадь. Во время нахождения в частях 3-й очереди он освобождался только от обязанности содержать лошадь. Затем, по зачислении в запасный разряд и в ополчение, он мог призываться (в случае мобилизации) на службу.

Таким образом, воинская повинность казачьего населения оказывалась значительно тяжелее, чем общая воинская повинность для прочего населения Империи. В мирное время численность русской армии составляла 1,5% мужского населения Империи, тогда как в казачьих войсках отношение штата мирного времени к войсковому населению мужского пола равнялось 4,3%. В военное же время отношение численности армии к составу мужского населения Империи повышалось только до 4,2%, тогда как в казачьих войсках - до 12,5% (Там же. Л. 5.).

К 1917 г. казачество составляло 11 войск: Донское, выставляющее на службу по мирному времени 2 гвардейских и 17 армейских полков (кроме батарей и отдельных сотен), Кубанское и Терское, из казаков которых формировался Конвой Его Величества, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское (эти восемь казачьих войск формировали один гвардейский полк – лейб-гвардии Сводно-казачий).

В военное время казачьи войска выставляли на службу 153 конных полка, 41 батарею, 18 пеших батальонов и 97 отдельных конных сотен (Там же. Л. 6.). Кроме обозначенных частей, в военное время казачьи войска выставляли ополчение. Эти данные позволяют судить о военной силе казачьих войск.

И 1 августа 1917 г. появляется доклад командующего 1-й Кубанской казачьей дивизией генерал-майора П. Н. Краснова «О сформировании казачьей армии и ее работе на боевом участке» (Там же. ЛЛ. 14 – 15об.).

ЦЕЛЬ СОЗДАНИЯ КАЗАЧЬЕЙ АРМИИ

Докладчик отмечал, что события, разыгравшиеся на фронте 7-й и 11-й армий 18 - 23 июня 1917 года показали «какую огромную роль может сыграть кавалерия, собранная большими массами, воодушевленная непрерывным стремлением вперед, способная наносить удары, как на коне, так и пешком, могущая, в случае необходимости, штурмовать укрепленные позиции и развить успех в глубоком

тылу, обращая прорыв неприятельской позиции в полное поражение целого фронта неприятельских армий. Когда победоносные революционные войска генерала Корнилова преодолели местами до семи полос неприятельских укреплений, захватили его тяжелые и легкие батареи и вышли в чистое поле, они изнемогали от усталости, они потеряли большую часть своего состава и преследовать врага они не могли. Не нужно забывать, что по меткому выражению одного французского офицера при штурме укрепленной позиции, пехота горит, как солома в огне и успеть подать ее в нужное время невозможно. Передовые пехотные цепи проникали вглубь неприятельского расположения на 2 - 12 верст. Противник принимает все меры, чтобы парализовать успех, он подвозит свою пехоту из резервов, с соседних участков позиций на чем попало - по железной дороге, на автомобилях и грузовиках, наконец просто на телегах. Маленькими партиями, эшелонами накапливаются войска для могущественной контратаки против измученной боями пехоты. Один день промедления способен парализовать самый громкий успех. Один день, только один день молчит не устроившаяся на позициях артиллерия, к которой не подвезли нужного числа снарядов, один день не налажена порванная связь, не работают телеграфы и телефоны. Дайте прожить только этот день поражения, и за ночь приведут себя в порядок штабы, твердая воля начальников вернет в строй малодушных, батареи станут на места, подвезут снаряды, продовольствие и на завтра враг готов уже к новому страшному отпору. Дорого только сегодня. И сегодня может использовать только легкая, привычная к движению, вполне самостоятельная, неприхотливая и выносливая конница» (Там же. Л. 14.).

Но конница эта, как отмечал докладчик, должна быть очень многочисленная. Считая нормальным прорыв пехоты на 40-км фронте и фронт преследования конной дивизии не более 8 км, он получал 5 дивизий первой линии – которые должны, как только пехота дойдет до орудий противника, броситься со своей артиллерией и пулеметами вперед и поглотить в этот день не менее 30 км пространства.

За ними должны следовать 5 дивизий второй линии, которые, идя во втором эшелоне, должны продолжать преследование и ночью и проникнуть вглубь неприятельского расположения еще километров на 20. Т. е. итоги первых суток прорыва – углубление на 50 км.

На второй день авангардные дивизии, отдохнувшие за ночь, должны преодолеть до 40 км, а дивизии второй линий - до 20 км, а также раздвинуть полосу преследования на 70 км. При благоприятных условиях на третий день они могут сделать еще 30 км, и, таким образом, поглотить 100-километровое пространство. В это пространство войдут крупные штабы, аэродромы, железнодорожные пути, склады противника – все то, что устоялось месяцами и годами. В третьей линии должны идти еще 5 дивизий, на обязанности которых лежит охрана тыла и поддерживание связи со своей пехотой.

При таком быстром движении конница поглотит направленные для контратаки вражеские резервы, вводимые «с колес», и будет, соответственно, иметь дело не с полками и дивизиями, а со случайными эшелонами, часто без

артиллерии. Т. о., для полного развития успеха прорыва требовалось не менее 15 кавалерийских (казачьих) дивизий или 5 конных корпусов, в нужную минуту сосредоточенных к месту прорыва.

Таким образом, речь шла о конной армии как средстве развития успеха, преобразования тактического успеха в оперативный, а то и стратегический.

Докладчик писал (с «реверансами» в сторону текущего революционного периода в истории России и русской армии): «Если вообще наша конница может считаться вполне способной к выполнению такой задачи преследования, то конница казачья, однородная по своему составу, движимая одинаковыми интересами, глубоко демократическая по своему устройству и составу задолго до революции, является особенно пригодной для такого стремительного и грозного преследования при прорыве. Таким образом, целью создания особой казачьей армии является - обращение прорыва нашей пехоты на фронте одной или нескольких армий в полную катастрофу для неприятельского фронта и уничтожение его армий и их запасов, что приведет к естественному параличу армий на этом фронте» (Там же. Л. 14 об.).

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАЧЬИХ АРМИЙ

Имеющиеся на различных фронтах европейского театра военных действий казачьи дивизии, отмечал генерал, большей частью «в данное время бездействующие или обслуживающие тылы, могут составить 7 отдельных казачьих корпусов трехдивизионного состава. Каждый корпус должен состоять из одной дивизии первой очереди, одной дивизии второй очереди и одной дивизии полков третьей очереди» (Там же.).

Назначение дивизий первых двух категорий определялось как чисто боевое. Они должны были иметь по конному или конно-горному артиллерийскому дивизиону. Также каждая дивизия должна была иметь по 2 бронеавтомобиля, искровую станцию и необходимые санитарные средства. Назначение дивизии третьей очереди - обслуживание тыла (установление летучей почты, заготовка фуража и продовольствия для себя и для боевых дивизий, конвоирование пленных, доставка в тыл оружия и взятых пушек, охрана трофеев, а в случае отхода и необходимости уничтожить имущество - уничтожение взятого у противника и не эвакуированного имущества), наблюдение за тылом и флангами и т. п. Дивизии эти могут быть без артиллерии, но должны иметь пулеметы и подрывное имущество.

От стрелковых дивизионов при дивизиях желательно отказаться, т. к. они только свяжут конницу, тогда как при необходимости она сможет опереться на свою пехоту, которая будет продвигаться за вошедшей в прорыв казачьей армией. К каждому казачьему корпусу должен быть придан понтонный полубатальон (для организации переправ).

Казачья армия должна быть снабжена эскадрильей из 4-х разведывательных самолетов и 12 самолетов-истребителей.

Казаки должны иметь ножницы, головые заряды и необходимый шанцевый инструмент - для уничтожения укреплений и искусственных препятствий, и

расчистки поля действий. Полки, бригады и дивизии должны быть съезжены и обучены, а лошади втянуты в работу (на что потребуется не менее месяца).

СОСТАВ КАЗАЧЬИХ КОРПУСОВ

1-й казачий корпус: 1-я Донская казачья дивизия, 1-я Терская казачья дивизия, 7-я Донская казачья дивизия (первые две дивизии находятся в районе Одессы на тыловой службе в 3-м кавалерийском корпусе, а третья – на Дону).

2-й казачий корпус: 2-я Сводная казачья дивизия, 1-я Кубанская казачья дивизия, 9-я Донская казачья дивизия (первые две дивизии находятся в районе ст. Киверцы на тыловой службе в 4-м кавалерийском корпусе, а третья на Дону).

3-й казачий корпус: 4-я Донская казачья дивизия, 5-я Донская казачья дивизия, 8-я Донская казачья дивизия (первая находится на тыловой службе возле Пскова, третья - на Дону).

4-й казачий корпус: 3-я Донская казачья дивизия, Оренбургская казачья дивизия, 6-я Донская казачья дивизия.

5-й казачий корпус: Сибирская казачья дивизия, 2-я Туркестанская казачья дивизия, 2-я Кубанская казачья дивизия.

6-й казачий корпус: Забайкальская казачья дивизия, Уральская казачья дивизия, 3-я Кубанская казачья дивизия (5 Кавказская).

7-й казачий корпус: 3-я Кавказская казачья дивизия, Кавказская Туземная конная дивизия, Уссурийская казачья дивизия (первые две - при 7-й армии).

Все эти корпуса объединяются под властью Походного Атамана на правах командующего армией и входят в распоряжение Главнокомандующего тем фронтом, на котором предстоит прорыв. Походный Атаман имеет свой полевой Штаб.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ АРМИИ

К моменту прорыва казачья армия сосредотачивается в одном переходе от места прорыва и располагается на 56-верстном фронте, считая по 8 верст на корпус. Дивизии эшелонируются в глубину. Расположение соединений должно быть, по возможности, скрытным.

ЗАДАЧА АРМИИ

После получения из штаба фронта указания о месте прорыва пехоты, а также данных о противнике, Походный Атаман определяет полосы прохождения каждого корпуса и указывает рубежи, которых части корпусов должны достигнуть на первый, второй и третий дни операции.

В штабах корпусов разрабатывается и передается в дивизии подробная схема тыла противника с отмеченными на ней всеми штабами, складами, окопами,

железными дорогами и пр. объектами противника. Карта тыла подробно изучается исполнителями.

Между штурмующими пехотными колоннами и штабами казачьих дивизий первой линии устанавливается не только телефонная связь, но и связь посредством специальных офицерских разъездов на полковые участки первой линии.

Момент начала движения для преследования определяется Походным Атаманом, который к этому моменту должен находиться на наблюдательном пункте, главного направления, и определить - какие корпуса могут и должны начать движение вперед.

При передовых казачьих разъездах должны находиться конно-саперные команды, которые проделывают в проволоке, окопах и ходах сообщения по 24 чистых прохода на дивизию такой ширины, чтобы сотни могли пройти в колонне по три рысью. Проделав проходы, надлежит последние отметить вехами или флагами, либо выделить проводников.

КАЗАЧЬЯ АТАКА

Казаки разворачиваются в лавы, имея наготове пулеметы и орудия. Каждый полк строит 2 - 3 линии лав, которыми и устремляется преследовать противника скачками от рубежа к рубежу, спешиваясь и переходя к огневому бою, лишь там, где на коне противника нельзя достать.

О ВРЕМЕНИ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ КАЗАЧЬЕЙ АРМИИ

За две недели дивизии могут быть сосредоточены к желательному фронту. Две - четыре недели уйдут на спайку и обучение. С середины сентября, как отмечал автор проекта, казачья армия может быть готова к прорыву. Это то время, когда конники везде найдут и сноповый овес, и сено в изобилии.

Но участие России в войне подходило к концу, и проект оказался не востребован. Примерно в это же время появился проект, предлагающий реформировать казачью конницу и распределить конные соединения между важнейшими категориями – стратегической и армейской конницей (Там же. ЛЛ. 18-18 об.).

Стратегическую конницу должны были составить 14 корпусов: 4 донских (1-й, 2-й, 3-й и 4-й – 1-я – 8-я дивизии), 3 кавказских (1-й, 2-й, 3-й), 2 кубанских (1-й и 2-й), Терский (Терская казачья дивизия, три терских полка и терский полк (Сунженско-Владикавказский) из Кавказской кавалерийской дивизии), Оренбургский, Сибирский (Сибирская казачья дивизия, Сибирская бригада и 6-й и 9-й сибирские казачьи полки), Уральский, Забайкальский (Забайкальская дивизия, Забайкальская бригада).

Армейская казачья конница, после расформирования 1-й и 2-й Туркестанских казачьих дивизий, должна была состоять из 13 дивизий:

- семи донских (4 полка 9-й Донской казачьей дивизии, 3 полка Донской казачьей бригады, 10 полков, входящих в состав кавалерийских дивизий, 52-й

Донской казачий полк из 2-й Туркестанской дивизии, 10 отдельных полков – всего 28 полков: №№ 46, 48, 51, 58, 55, 56, 57, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 12, 14, 52, 23, 31, 37, 38, 42, 43, 45, 47, 50, 54),

- двух оренбургских (3 полка из Туркестанской дивизии, 3 отдельных полка, 2 полка, входящих в состав кавалерийских дивизий – всего 8 полков: №№ 4, 5, 6, 7, 13, 18, 1, 2),

- уральской (1 полк из 2-й Туркестанской казачьей дивизии, 2 отдельных полка и 1 полк из кавалерийской дивизии – всего 4 полка: 2, 8, 9 и 3),

- амурско-уссурийской (вновь созданной) (3 амурских и 1 уссурийский полки – всего 4 полка: 1, 2 Амурские, 1 Нерчинский, Забайкальский - уссурийские),

- семиреченская сводная (1 полк из 1-й Туркестанской дивизии, 2 отдельных полка, Сибирский полк – всего 4 полка: 1, 2, 3 и 3 Сибирский казачий),

- сводная астраханско-кубанская (2 астраханских полка из 2-й Туркестанской дивизии, 1 отдельный астраханский полк, 2 кубанских отдельных полка – всего 5 полков: 1, 2, 3 астраханские, № 3 Черноморский и № 3 Уманский).

Имел свои соображения по этому поводу и командующий Сибирской казачьей дивизией генерал-майор А. Н. Алексеев (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. ЛЛ. 29 – 35об.; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 19 – 22.). Обосновывая ставку на казачью конницу, он отмечал, что это особенно актуально в 1917 году – ведь именно в борьбе с врагом, столь щедро и умело пользующегося не только техническими средствами и прекрасно организованной вооруженной силой, но и блестящей массированной пропагандой среди неустойчивых, лишенных политического чутья и национальных идеалов вооруженных масс русского люда, именно казаки, как стойкие, сознательные и патриотически настроенные бойцы, имеют особую ценность. В ходе неудачного этапа летней кампании 17-го года «Спаянные сознательной дисциплиною, своеобразным укладом станичной жизни и воинского быта, бескорыстно любящиесвою Родину, казаки с редкой стойкостью и самоотвержением не только сдерживали в Галиции опьяненных легкой победой австро-германских полчищ, но и отбрасывали их короткими ударами далеко назад, давая тем самым время отойти артиллерии, изменнически брошенной нашей деморализованной вконец пехотой, и вообще давали возможность ликвидировать прорывы» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. ЛЛ. 29-29об.).

Автор доклада предлагает использовать сильную часть российской армии – конницу, к тому же в условиях «углубления революции» остающуюся надежным и не разложившимся родом войск. Усовершенствования огнестрельного оружия и особенности позиционной войны – отнюдь не помеха для действий конницы. Да, позиционная война повлияла на тактику всех родов войск: пехотинцы применяют все более рассредоточенные строи, убежища и искусственные препятствия, а артиллеристы все активнее используют щиты и закрытые позиции. Но и здесь конница (которая может действовать и в конном и в пешем строях, являясь единственным универсальным родом войск) может сменить пехоту в окопах, дав ей отдых, а при благоприятных условиях – иметь успех и при атаке на пехоту и артиллерию противника. В случае прорыва вражеского фронта – быть мобильной

силой развития успеха, преследуя противника и нанося удар по его тылам. Кроме того – завеса и разведка.

Казаки, отмечает генерал, составляют большую часть конницы, но, вследствие недостатка организации, силы последней ослаблены тем, что масса частей и соединений распылена без пользы – представляя собой скрытую неиспользованную силу. А результатом неправильной организации является то, что отсутствует возможность подтянуть к пункту предполагаемого удара достаточно солидных кавалерийских сил – для развития последнего.

Генерал вспоминал: «За три года воины во всех операциях, в которых я участвовал, для развития прорыва сосредоточивалось недостаточное количество конницы; достаточной иллюстрацией к сказанному может служить последняя операция в июле 1917 года под Молодечно, где были собраны две казачьи дивизии /Сибирская и 2-я Туркестанская/, причем каждая из этих дивизий выделяла по два полка в корпуса ударной группы; таким образом для использования самого прорыва, для действий по тылам, предназначались только 2 бригады разных дивизий, правда имелось еще в виду подтянуть для этого 2-ю кавалерийскую дивизию. Для развития серьезной операции, каковая намечалась в районе Молодечно, таких сил было далеко недостаточно; необходимо было в прорыв бросить два-три корпуса» (Там же. Л. 30.).

Отметим, что отсутствие конницы как средства оперативного развития успеха прорыва похоронило весьма перспективную операцию.

Но 2 – 3 корпуса к пункту прорыва – недостижимая мечта. Если – не извлечь конницу из бездействия, организовать ее в крупные соединения и придать армиям и фронтам. Ведь в 1914 – 1915 г.г. основная масса конницы (прежде всего казачьих полков) была превращена в дивизионную конницу. Полки последней, выделив по две сотни в пехотные дивизии корпуса, в очень редких случаях принимали участие в боевых действиях; сотни, приданные пехотным дивизиям, также несоставляли целого, дробясь, в свою очередь, между пехотными полками, причем казаки превращались в вестовых и ординарцев не только командиров полков и батальонов, но даже врачей, конвоировали почту и несли аналогичные обязанности.

Такая распыленная дивизионная конница была слаба, а поэтому бездействовала, что подтверждает и ничтожная убыль казаков и, особенно, офицеров, по сравнению с убылью личного состава армейской конницы.

И с начала 1916 года началась реорганизация конницы, увеличившая силу Действующей армии на десяток казачьих дивизий. Реорганизация свелась к тому, что разбросанные по дивизиям сотни были в корпусах собраны к штабам казачьих полков, причем часть полков была выделена из состава корпусов для сформирования казачьих дивизий. Первый шаг для увеличения боевой силы конницы был сделан.

Вопрос о массировании конницы пришлось решать позднее, уже в тяжелой внутриполитической ситуации в России.

О ВИДАХ КОННИЦЫ

На основании опыта предшествующих войн конница, в зависимости от предъявляемых к ней требований и решаемых задач делилась на: 1) дивизионную, 2) корпусную и 3) армейскую.

Дивизионная конница решала следующие задачи: ближняя разведка, охранение, поддержание связи между частями, подразделениями и штабами, ординарческая служба, конвоирование обозов и др. Важнейшая задача – ближняя разведка – возможна лишь при наступлении или отходе, и лишь при удалении противника на 1 переход. В «этих случаях дивизионная кавалерия должна работать вовсю, не щадя своих сил; при приближении противника на полперехода – ближняя разведка на фронте ведется пехотой с придачей кавалеристов для посылки донесений; дивизионная же конница работает на флангах, если таковые есть» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63. Л. 20.).

Соответственно, отсюда следовал следующий вывод: «В текущую войну, враждующие армии, почти все время, за редкими исключениями, находятся в непосредственном соприкосновении в сфере артиллерийского и ружейного огня. Очевидно, ближняя разведка дивизионной конницы не имеет места» (Там же.).

В сторожевом охранении каждому батальону придавалось по кавалерийскому взводу для доставки донесений, выставления постов на флангах, и, кроме того, в дежурную часть назначали 7 – 8 всадников для проведения разведки накоротке. Случаи выставления сторожевого охранения конницей также были редки, а отход пехоты прикрывала армейская конница (оставаясь на позиции до утра, давала возможность отойти своей пехоте – как, например, при отходе с рубежа Дунайца в апреле 1915 г. 2-я Сводная дивизия прикрыла отход 9-го корпуса; или при отходе с Карпат на линию р. Стрыпа, когда Заамурская конная бригада прикрыла отход 11-го, а затем 6-го корпусов. См. Там же. Л. 20об.). Слабый численный состав и разбросанность дивизионной конницы по пехотным частям являются главной помехой ее удачного использования.

Эта конница должна использовать благоприятные возможности, практикуя конные атаки и содействуя общему успеху, но слабость состава привела к выполнению этой задачи преимущественно корпусной конницей (как это имело место в 11-й армии во время декабрьского наступления 1915 г.). Ослабление и распыление дивизионной конницы привело к тому, что многие задачи дивизионной конницей в должной мере не реализуются, либо реализуются корпусной конницей.

Корпусная конница, сведенная в бригады и дивизии, готова к решению задач любого уровня сложности, среди которых: разведка, удержание 2-й линии завесы (за армейской конницей), при удачных прорывах - действия в тылу противника (как например, 3-я Заамурская бригада в бою при Березевице Мала уничтожившая батарею противника; если в тылу противника действует армейская конница, то корпусная удерживает ворота прорыва), в обороне – занятие самостоятельных боевых участков (пример - оборона 3-й Заамурской бригадой участка на Днестре).

Необходимость корпусной конницы, как отмечает генерал, была оценена еще в мирное время французами, которые имели при дивизии лишь эскадрон дивизионной кавалерии, но зато каждый корпус располагал корпусной кавалерией в составе бригады. При нормальном составе армии в 3 – 4 корпуса численность корпусной конницы в армии – 3 – 4 полка. Автор доклада отмечал, что корпусную конницу предпочтительнее иметь в виде дивизии, а не бригады: 9-месячный опыт командования 10-сотенной 3-й Заамурской отдельной конной бригадой показал, что сила бригады недостаточна. Так, при прорыве у Березовице Мала 2 сотни были выделены в пехотную дивизию, и оставшихся 8 сотен оказалось недостаточно, чтобы развить успех прорыва: 5 сотен были задержаны пехотой, а 3 сотни, изрубившие артиллерию противника, не имея за собой резерва, далее продвинуться не могли (Там же. Л. 21об.).

Исходя из современной ему специфики, докладчик отмечал, что армейская и корпусная конницы более не соответствуют прежней терминологии, а наличие дивизионной конницы является излишним. Необходимо иметь лишь 2 вида конницы: армейскую (реформированная корпусная) и стратегическую (бывшая армейская, а также фронтовая конница).

Армейская конница, сведенная в дивизии, является принадлежностью армии: каждая армия должна иметь свою конную дивизию. Данную дивизию командарм, в соответствии с ходом военных действий, придает корпусу либо даже, на время операции, выделяет для обслуживания армейских корпусов полки или даже части полков. Подобное дробление дивизии имело место, например, в декабре 1915 г. во время операции 11-й армии у Тарнополя (бригада Заамурской конной дивизии была распределена по корпусам) или в 1917 г. под Молодечно (из двух казачьих дивизий было выделено по корпусам четыре полка).

Армейская конница выполняет следующие боевые задачи: ближнюю и дальнюю разведку (когда впереди армии нет стратегической конницы); охранение и поддержание связи между частями и штабами; удержание до подхода пехоты рубежей или «местных предметов»; участие в бою; несение службы постов летучей почты; организация 2-й линии завесы (если стратегическая конница держит 1-ю линию завесы перед фронтом армии); при прорывах – действия в ближайшем тылу, преследование. В случае прорыва стратегической конницы в тыл противника, армейская конница может удержать ворота прорыва для того, чтобы дать возможность штабу армии беспрепятственно получать информацию, а также способствовать возвращению из набега.

В обороне армейская конница может занимать самостоятельные участки (так же как, отмечает генерал, 3-я отдельная Заамурская конная бригада под его командованием долго иупорно обороняла Днестр на участке Иезуполь, Мариамполь). Армейская конница по сравнению с дивизионной и корпусной является более сплоченной и серьезной силой. Корпусная и, особенно, дивизионная конница была распылена, ослаблена в своем составе выделением массы мелких подразделений и отдельных людей на совершенно второстепенные и зачастую не боевого характера задачи (причем на большие периоды). Эти конницы

бездействовали и, подчиняясь пехотным начальникам, отвыкали от конной службы. В то же время армейская конница, сведенная в дивизии 4-полкового состава, представляла цельный организм. Надзор и обучение последней были на высоте, она управлялась как единое целое, и, соответственно, представляла собой солидную организованную силу.

Докладчик отмечает: «Опыт 9-месячного командования отдельной бригадой, выполнявшей роль армейской конницы 11-й армии, дает мне данные предложить следующие поправки в организации конной казачьей дивизии армейской конницы: 1) в виду недостатка офицеров Генерального Штаба нет необходимости иметь старшего адъютанта, можно обойтись только начальником штаба в чине капитана или подполковника; 2) достаточно иметь вместо двух только одного бригадного командира, так как нередко один – два полка из дивизии будут распределены по разным корпусам»; 3) Штаб дивизии должен иметь команду связи, конно-саперную команду и мотоциклетное отделение из 20 мотоциклов; 4) Дивизии надлежит придать 2-батарейный конно-артиллерийский дивизион по 4 орудия в батарее; в крайности можно обойтись и одной конной батареей; 5) В полках непременно иметь команды: пулеметную, связи; а в каждой сотне – подрывной вьюк; 6) Искрового телеграфа, саперных полурот стрелковых дивизионов таким дивизиям придавать не следует» (РГВИА. Ф. 2007. Оп.1. Д. 23. ЛЛ. 31 об.-32.).

Стратегической коннице в современной войне придавалась особая роль, а задачи были весьма разнородны. Среди последних были следующие.

1. Разведка в серьезном масштабе перед фронтом армии (как это, например, имело место в сентябре 1914 г., когда 2-я Сводная казачья дивизия, выдвинувшись перед фронтом армии на 70 км, захватила в бою Ужокский перевал, и, ворвавшись на территорию Венгрии, обнаружила наступление противника с линии Ужгород – Мункач; отходя с боем под давлением обнаруженной армии, в период 13 – 26 сентября дивизия сдерживала наступление австрийцев; аналогично действовала 12-я кавалерийская и др. дивизии. См. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63. Л. 19об.). Т. к. разведка должна носить активный характер, то противодействующий разведке противник должен быть сметен, а это возможно лишь когда стратегическая конница достаточно сильна (и в силах, и в средствах) для самостоятельных действий.

2. Иногда по стратегическим соображениям прибегают к организации завесы – с целью лишить противника возможности собирать сведения о перегруппировках и подготовительных мероприятиях своей армии. Образование завесы сводится к бою с конными отрядами противника, а для успеха опять-таки необходимо, чтобы стратегическая конница была как можно сильнее.

3. В период боевых действий корпусов или армий стратегическая конница занимает фланговую позицию и громит противника стрелково-артиллерийским огнем, и, когда неприятель будет расстроен, энергично его атакует – действуя на фланги и тыл, не останавливаясь ни перед какими жертвами и помня, что пусть лучше погибнет половина всадников, но победа будет за нами. Очевидно, что и в

этом случае – чем сильнее будет конница, чем она будет более самостоятельна, тем ее боевые действия будут продуктивнее.

4. При прорыве своей пехотой вражеского фронта стратегической коннице ставится задача ринуться в тыл неприятельских боевых линий. В этом случае конница, продвинувшись на линию позиций вражеских тяжелых батарей, зачастую не имеющих прикрытия, захватывает их. Затем, двинувшись на коммуникации противника, развивает решительную деятельность в тыловом районе последнего: уничтожает транспорты, парки, обозы, склады, захватывает штабы, выводит из строя автотранспорт, телеграфные и телефонные линии и т. д. Опять же, чем сильнее будет отряд стратегической конницы, тем более широкий тыловой район противника будет подвержен его действиям, а значит и результаты разрушительной работы отряда будут больше. Отряд, брошенный в тыл противника, должен насчитывать свыше дивизии - лишь в этом случае он будет обладать достаточной боевой силой, способной сломить сопротивление противника и парировать противодействие последнего.

5. После победного боя – интенсивное преследование разбитого противника.

6. При отступлении своей армии или ее части стратегическая конница упорной обороной задерживает наступление противника, обходящие группировки последнего, и тем дает возможность и время отойти своей пехоте.

7. При прорыве фронта своей армии - заполняет прорыв и упорным отстаиванием позиции дает выигрыш времени для переброски резервов к месту прорыва. Как и при прорыве, так и при отступлении – чем самостоятельнее и, естественно, сильнее будет конница, тем легче и вернее выполнит она свою задачу.

8. В позиционной войне и при обороне рубежей стратегическая конница занимает менее активные участки. Она должна быть достаточной силы, чтобы, в целях сбережения конского состава, половину отряда можно было бы держать в резерве.

Т. о., для реализации всех главных функций стратегической конницы (разведка в оперативно-стратегическом масштабе, действия по тылам, самостоятельные боевые действия, прикрытие армии и противодействие прорывам) требовалась организация соединений как можно большей мощи, а также наличие всех необходимых для решения соответствующих задач средств.

Как отмечал докладчик: «Теория и боевой опыт говорят, что в видах большей самостоятельности, высшей организационной единицей для стратегической конницы должна быть не дивизия, а корпус. Таких корпусов во время войны у нас сформировано 9: из них один трехдивизионный Гвардейский и один Кавказский; остальные 7 кавалерийских. 9 корпусов недостаточно, необходимо, за небольшими исключениями, всю стратегическую конницу свести в корпуса» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.). Генерал, считая, что при прежней власти казачьи полки и дивизии были «пасынками» русской конницы, пишет, что казаков держали «на задворках» - и этой «государственной небрежности» должен быть положен предел.

Если сформировано несколько регулярных кавкорпусов, то еще более должно быть корпусов казачьих – из «частей наиболее сознательных и крепких воинской

доблестью». Часть корпусов стратегической конницы должна являться принадлежностью армий, а часть – фронтов. Причем в состав каждого фронта должны входить (соответственно числу армий) кавалерийские и казачьи корпуса в расчете по одному на армию. Эти корпуса стратегической конницы, распределенные по фронтам, составят резерв Ставки Верховного Главнокомандующего.

Подобное распределение конницы в крупные единицы будет, как отмечал генерал, несомненно целесообразным: в случае серьезных операций по прорыву вражеского фронта для развития прорыва может быть брошено 3 конных корпуса, а не 2 казачьих бригады разных дивизий и 1 кавалерийская дивизия, как это предполагалось у Молодечно в июле 1917 г. Но корпуса предпочтительнее иметь не трех-, а двух-дивизионные – как менее громоздкие. В целях большей самостоятельности корпус должен иметь: саперную роту; стрелковые дивизионы в дивизиях; 1 – 2 тяжелых 45 (английская)- или 48-линейных гаубичных батареи; самокатную роту, выделенную из самокатного батальона фронта; 3 – 4 транспорта для обслуживания корпуса в фронтовом районе. Необходимо придать корпусу и авиагруппу из 4 машин.

Докладчик писал: «Силы нашей кавалерии по официальным данным следующие: 17 кавалерийских дивизий, Кавказская кавалерийская дивизия, Сводная кавалерийская дивизия, Кавказская туземная дивизия, Заамурская конная дивизия, 2 прибалтийских конных бригады, 10 конных полков пограничной стражи, 4 отдельных конных полка (Крымский, Текинский, Черноморский, Грузинский). Итого 21 дивизия, 2 бригады, 14 полков.

Гвардейской кавалерии – 3 дивизии Гвардейского кавалерийского корпуса.

Казачья конница: донских казачьих дивизий (в том числе 2-я сводная) – 9, кавказских – 6, кубанских – 4, туркестанских – 2, оренбургских – 2, сибирских – 1, уральских – 1, терских – 1, забайкальская – 1, уссурийская – 1» (Там же. ЛЛ. 33об. – 34.), а также ряд отдельных полков.

Генерал определял общую мощь конницы в 52 дивизии, 7 бригад (не считая значительного количества отдельных полков), из которых (за вычетом армейской конницы 14 армий и 5 фронтов) можно сформировать 26 двухдивизионных или 17 трехдивизионных корпусов стратегической конницы. Часть корпусов (по 3) следует придать 5 фронтам, а остальные корпуса стратегической конницы и казачью пехоту (4 пластунских бригады, Донская и Осетинская пешие бригады) следует свести в 2 конные армии, выдвинутые на наиболее благоприятные для их действий ТВД.

Т. о., мы выявили самые ранние из известных проектов формирования конных армий в отечественных вооруженных силах.

При формировании корпусов стратегической конницы следовало вывести казачьи дивизии из кавалерийских корпусов (заменив их дивизиями регулярной конницы), а казачьи корпуса формировать (по возможности) одного войска.

После реформы на австро-германском фронте 25,5 германских, австрийских и болгарских кавалерийских дивизий пришлось бы иметь дело с вдвое

превосходящей в силах русской конницей, а на турецком фронте 1 армейская кавалерийская дивизия, 3 корпуса стратегической конницы и конная армия давали еще более подавляющее превосходство.

Предложенная реорганизация позволяла сформировать мощные соединения и объединения стратегической конницы, используемые как в качестве резерва Ставки, так и в роли инструмента развития успешных прорывов своих войск или локализации аналогичных прорывов противника. Особенно это было актуально для 1917 года, когда, как отмечает докладчик: «когда еще продолжается в армии болезненный процесс переходного периода, и на пехоту особенно рассчитывать не приходится… Посланные для ликвидации прорыва (в ходе Рижской оборонительной операции – А. О.) наши части либо отказывались совершенно драться, либо не проявляли достаточной стойкости…в каком состоянии находятся пехотные части отступающих войск свидетельствует полученное донесение командира одного из корпусов, отступивших от Двины. Пехоты в корпусе более нет; она обратилась в беспорядочную толпу обезумевших людей, неудержимо бегущих в тыл. Для сопротивления все усиливающемуся нашему врагу в корпусе остались небольшие кавалерийские части и партизанские отряды… Очевидно Рижский прорыв можно было легко ликвидировать, если бы у Главкосева было бы несколько конных корпусов; теперь же, вероятно, приходится кавалерийские дивизии брать с других фронтов и перебрасывать по железной дороге, что несомненно вызывает большую потерю времени и средств, а противник не ждет, двигается все вперед и вперед» (Там же. ЛЛ. 35 – 35об.).

Данным проектам не удалось сбыться в 1917 году, но в той или иной степени это отразилось на структурной реорганизации и боевом применении русской и советской конницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23.
РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63.

Для цитирования: Олейников, А.В. (2021). Новое слово в безопасности Российской республики: вопрос об организации казачьей армии в августе – сентябре 1917 г. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 106-122.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-106-122

REFERENCES

RGVIA. F. 2007. Op. 1. D. 23.
RGVIA. F. 2007. Op. 1. D. 63.

For citation: Oleinikov, A.V. (2021). A New Word in the Security of Russian Republic: the Question of the Cossack army Organization in August – September, 1917. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security, 1*(1), 106-122.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-1-1-106-122

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУВО "Астраханскийгосударственныйуниверситет"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н. Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88